

*В час испытаний,
когда уходят Вера и Надежда,
остается только Любовь...*

ИРИНА
КАСАТКИНА

ВСТРЕТИМСЯ у АМУРА,
или ПОЦЕЛУЙ СУДЬБЫ

Ирина Касаткина

**Встретимся у Амура,
или Поцелуй судьбы**

«Книжкин Дом»

Касаткина И. Л.

Встретимся у Амура, или Поцелуй судьбы / И. Л. Касаткина —
«Книжкин Дом»,

В жизни каждого человека бывают периоды, когда все превращается в ряд неразрешимых проблем и кажется, что выхода нет. Выбраться из пропасти, все пережить, все преодолеть поможет Любовь. Подростковое, хрупкое и незрелое чувство главная героиня – Анастасия – пронесит через годы. Именно оно открывает ей путь к решению всех проблем и простому, но одновременно такому сложному женскому счастью.

© Касаткина И. Л.

© Книжкин Дом

Содержание

Часть 1. Ступени юности	5
Глава 1. Рождение проблемы	5
Глава 2. Встреча у подъезда	14
Глава 3. Переживания приятные и не очень	22
Глава 4. Поездка в Питер и кое-что другое	28
Глава 5. Борис	30
Глава 6. Подружки и «княжна Джаваха»	34
Глава 7. Гололед	41
Глава 8. Туманы	46
Глава 9. Встреча в автобусе	59
Глава 10. Чужая беда	63
Глава 11. Нападение	70
Глава 12. В больнице	72
Глава 13. Выпускные и вступительные	77
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ирина Касаткина

Встретимся у Амура, или Поцелуй судьбы

Часть 1. Ступени юности

Глава 1. Рождение проблемы

Возмущенное чириканье и стук крошечных клювиков в оконное стекло выдернули Настю из сладких объятий Морфея. Она высунула нос из-под одеяла, и его кончик тут же заоченел: в комнате стоял собачий холод, батареи еле грели. Выбираться из теплой постели в этот ледник было просто преступлением перед собственной личностью. Но куда деваться – жизнь заставляла.

Настины внутренние часы показывали, что можно пока не торопиться: сегодня первого урока не будет, биологичка заболела. Повалюсь еще немножко, решила девочка, птахи пусть подождут, не баре. Нет, как на улице плюс, так батареи жарят – не прикоснешься, а как мороз, так они еле теплые. Совести нет у этих коммунальщиков – за что им только «зряплату» дают.

Но настойчивый писк и стук в окно не прекращались. Проклиная мысленно все птичье племя, Настя стащила со спинки стула свитер. Натянув его под одеялом, подождала, пока свитер согреется, – и только тогда рискнула выбраться наружу. Градусник за окном показывал минус двадцать. Настя представила тщедушные птичьи тельца на лютом морозе, спасти которые могла только еда, и, устыдившись, заторопилась на кухню. Нащипав от батона полную горсть крошек, ловко высыпала их в форточку, – крошки аккуратно легли на прикрепленную снаружи дощечку. Обрадованные пернатые дружно накинудись на угощение.

Среди мелькающих головок Настя снова заметила яркую шапочку незнакомой птички, – худышка уже несколько дней подряд прилетала к окну в компании зобастых воробьев. Подсыпав еще крошек, Настя целую минуту любовалась ее желто-синим нарядом, – осмелевшие птахи не улетали, хотя Настин нос плотно прилип к оконному стеклу. Наверно, синица, думала девочка, – холодрыга загнала и их в город. Недавно сорока сидела на балконе, а сегодня опять эта пичуга. Кажется, они сало любят. Сала у нее не было, поэтому она мелко-мелко порезала кусочек любительской колбасы. Но пернатые от такого угощения обиженно отказались. Дружно вспорхнув, они расселись на ближней ветке и принялись по-птичьи браниться.

– Настасья, прекрати кормить птиц, они мне все окно загадили, – послышалась снизу.

– Алевтина Петровна, закройте окно, простудитесь! – весело крикнула Настя в форточку. – С утра ругаться вредно: весь день не задастся.

– Я те поговорю, поговорю! – обозлилась соседка. – Больно умная стала! Вот заставлю стекла отмывать от помета, тогда узнаешь!

– Да как он на ваши окна попадает, он же вниз падает, а не в бок, – парировала Настя, закрывая форточку. И сейчас же перс Федор принялся остервенело драть дверь, требуя свою порцию внимания.

– Что ж это такое! – возмутилась девочка. – Всех обслужи, – а когда собой заниматься? Сама поесть не успею.

– Пр-равильно! – промурчал Федор, торопливо лакая молоко. – Приручила – кор-рми!

– Лопай и помалкивай, а то больше ничего не получишь. – Настя почистила Федору сосиску, подошла к зеркалу и внимательно посмотрела на свое отражение. Отражение было так себе: не выпавшаяся физиономия и патлы дыбом.

Ох, и видик, огорчилась девочка, пытаюсь расчесать непослушную шевелюру. Просто взрыв на макаронной фабрике. А чего это я нынче в миноре?

Она покопалась в себе и тотчас вспомнила: сегодня же министерская контрольная по физике. Памятуя о прошлогоднем провале девятиклассников на выпускных экзаменах, органы образования решили заранее подстраховаться, устроив проверку знаний перед новогодними каникулами. Мол, лучше пусть все лодыри получают пары в первом полугодии, чем краснеть летом. Может, хоть во втором за ум возьмутся.

– А чего, собственно, я нервничаю? – спросила себя Настя. – В задачах вроде соображаю – по четвертной отлично. Даже если напишу на четверку, Лизавета все равно пятак в полугодии поставит, – она меня любит. А хуже не напишу в любом случае – уж если я не решу, то кто из наших решит?

И чтобы окончательно успокоиться, она села в кресло, закрыла глаза и принялась внушать себе, что с контрольной справится, обязательно справится, не может быть, чтоб не справилась. Так она сидела и балдела, забыв о времени, пока прыгнувший на колени Федор не вернул ее к действительности. Бросив взгляд на часы, Настя пришла в ужас: до звонка оставалось двадцать минут. Какой уж тут завтрак! Торопливо одевшись, она схватила сумку с книгами и вылетела за порог. Уже спускаясь по лестнице, вспомнила, что забыла калькулятор. Считать в столбик – пиши пропало, и половины не успеешь решить. Пришлось возвращаться.

Вернулась, пути не будет, обреченно думала девочка, засовывая калькулятор в сумку. Ох, как есть охота, а некогда. И с урчащим животом понеслась на автобус, – ее престижная английская школа находилась за три остановки от дома.

Когда она, запыхавшись, влетела в класс, представители министерства были уже там. Они неодобрительно посмотрели на припозднившуюся ученицу, но ничего не сказали. Настя упала на свое место и сразу почувствовала, как из портфеля соседа Митьки вкусно пахнет бутербродом с копченой колбасой.

– Дмитрий, дай кусочек, – попросила она, глотая слюнки. – Пока всех зверей накормила, сама поесть не успела.

– Поможешь решить, дам, – пообещал Митька.

– Нет, я сейчас хочу, у меня кишки марш играют. До перемены не доживу, помру. – И пригнувшись, принялась энергично жевать.

– Снегирева, нельзя без фокусов! – рассердилась учительница. – Сядь, как следует, и уймись! Мало того, что опоздала, так еще продолжаешь выделяться.

– Елизавета Карповна, я не выделяюсь, у меня ручка закатилась.

Едва не подавившись, Настя проглотила кусок бутерброда и выпрямилась. Оказывается, пока она насыщалась, ей на стол положили лист с заданием и бумагу для ответа. Вздохнув, девочка принялась читать условие первой задачи.

Эту решу, – довольно подумала она, – здесь всего два действия. Зря я так нервничала. Немного успокоившись, она стала читать другие задания. И сразу убедилась, что предчувствия ее почти никогда не обманывают, – в том смысле, что если хорошие иногда и не сбываются, то плохие исполняются всегда. Вчитываясь в условия остальных задач, Настя вдруг осознала, что не только не имеет представления, как к ним подступиться, но даже не понимает, о чем вообще речь.

«Маятник отклонили на некоторый угол и отпустили». Понятно: он станет колебаться. «Какая энергия в какую превращается?» А вот это непонятно. Что значит: какая энергия? А какая она бывает? И вообще, что такое энергия? О чем речь? Она знает, что человек энергичный успевает сделать больше, чем мямля. Но какое это имеет отношение к маятнику? Спросить Лизавету что ли? Настя подняла руку.

Подошедшая физичка долго вчитывалась в условие задачи, потом, вздохнула и развела руками. – Поймите, они не умеют решать задачи на превращения энергии при колебаниях, –

обратилась она к комиссии. – Ведь в программе девятого класса этого нет, а в восьмом мы проскочили законы сохранения по верхам, без задач.

– Программа не перечень всех вопросов курса, – возразила представительница министерства. – Как вы могли объяснять этот материал, не рассмотрев превращения механической энергии? Это же основа основ теории колебаний.

– Но ведь даже в учебнике Перышкина об этом ни слова. Колебания идут сразу за законами Ньютона. Ни понятия механической работы, ни энергии там нет.

– Не может быть, – не поверила инспекторша. Но, перелистав протянутый учебник, убедилась в правоте учительницы. – Ну, допустим, здесь нет этого материала, – не сдавалась она. – Тогда сошлитесь на другие учебники, где подобные задания есть.

– Дети не обязаны иметь несколько учебников по одному предмету, – парировала Елизавета. – И вообще, наша школа с английским уклоном. Перышкин рекомендован Министерством образования. Вы тоже должны интересоваться содержанием учебников, прежде чем составлять свои задания.

Класс с интересом следил за их полемикой. Появилась слабая надежда, что контрольную отменят.

– Мы подбирали задачи, руководствуясь Программой, – упорно гнула свое инспекторша. – А там эта тема есть.

– Но мы решаем упражнения из учебника. К более сложным задачам я собиралась обратиться в будущем году.

– Вот поэтому ваши учащиеся и не справляются с простейшими заданиями, – что говорит о низком уровне их знаний. И ваш английский здесь не при чем. А насчет старших классов: там они к механическим колебаниям уже не вернуться, сразу начнут с электромагнитных. Когда же они научатся решать эти задачи? Вы подумайте: как ваши выпускники будут поступать в технические вузы, если вдруг надумают? Ведь не все пойдут в филологи. Вы обязаны дать им необходимый объем знаний, а не ссылаться на профиль вашей школы. – Продолжайте работать, – обратилась она к классу, – вас это не касается.

Еще как касается, сердито подумала Настя. Вы между собой договориться не можете, а нам пары да тройки получать. Погорела моя пятерка.

Она представила себе дневник с тройкой по физике, огорчение родителей – и от обиды чуть не заплакала. Ведь так старалась, вызубрила этого несчастного Перышкина едва ли не наизусть, – и на тебе.

– Настька, реши мне хоть одну, – толкнул ее Митька. – А то я ни фига не врубаюсь.

– Отстань, – огрызнулась Настя. – Без тебя тошно.

– Ага, как сожрать мой бутерброд, так не тошно, а как помочь товарищу, так «отстань». Тогда гони его обратно.

– Подождешь, он еще не переварился.

– Дура! – окончательно обиделся Митька и отодвинулся на край стола. – Можешь больше ничего не просить, фиг получишь.

Но Настя уже не слушала его. Быстро решив первую задачу, она принялась размышлять над остальными. Однако новые термины были так непонятны, что на ум ничего не приходило. Она долго вчитывалась в условия заданий, безуспешно пытаясь вспомнить подходящие формулы, пока у нее окончательно не разболелась голова. Все, погорела, обреченно решила девочка. Поняв, что надеяться больше не на что, она сдала работу и, сославшись на головную боль, попросила разрешения выйти. Ей разрешили.

Настя пошла в буфет, выпила стакан компота. Голова болела нестерпимо, и даже слегка поташнивало. Не хватает еще расклеиться в конце полугодия, тогда и другие предметы поплывут, уныло подумала она. Но сегодня определенно остальные уроки не высижу. И решительно направилась к врачу.

– Настюха, ты куда? – Вопль на весь коридор остановил Настю у лестницы на первый этаж. Ее догоняла Наташка Белоконева – верная подруга и соседка по лестничной клетке.

– К врачу хочу. Башка трещит нет сил.

– Что это с тобой? Ты такая бледная.

– Не знаю. Наверно из-за этой дурацкой контрольной расстроилась. Учила-учила, и все насмарку. Теперь поплыли мои пятаки. Еще чего доброго заставят Лизавету вкатать трояк в полугодие, – вот будет номер.

– Да не бери ты в голову! Нашла из-за чего расстраиваться. Весь класс ничего не решил, – одна ты, что ли. Ты хоть одну задачу сделала, а я вообще ни одной.

– Что, так и сдала пустой лист?

– Так и сдала. А что мне оставалось? Я в этих колебаниях ни бум-бум. Да ладно, всему классу пары не поставят. Директриса такой хай поднимет! Она ведь бывший депутат – в Законодательном сидела. Побоятся.

– Понимаешь, Натка, мне дико обидно. Они там между собой никак не договорятся, чему нас учить, а мы отдуваемся. Конечно, тебе что: у тебя и по алгебре трояк выходит, и по химии. А мне так хотелось закончить это полугодие на отлично.

– Не, не понимаю. Какая разница: отлично, не отлично? Может, боишься, что предки ругаться будут?

– Да при чем здесь предки? Понимаешь, хочу все пятерки. Хо-чу! Бзик у меня такой.

– Не, у тебя, определенно, не все дома. Так ты, значит, уходишь? Не будешь на алгебре?

– Наверно, не буду. Попробую отпроситься.

– Тогда хоть тетрадку оставь. У меня половина примеров не сошлись с ответом. У тебя все сошлись?

– Все. Бери, только не посеи. И Митьке не давай, он на меня злой. Еще намалует что-нибудь, как в прошлый раз.

Добрая врачиха даже температуру мерить не стала, только пощупала лоб и выписала справку, посоветовав хорошенько выспаться.

Со сложным чувством огорчения и облегчения Настя вышла из школы. На улице ледяной ветер сразу принялся сечь ей лицо снежным крошевом, заставив согнуться в три погибели и прикрыть нос рукавичкой. На северном полюсе живем, сердито подумала девочка, теперь это называется юг. В Москве и то теплее.

По дороге домой она старательно обходила неровные ледяные ухабы, подозрительно припорошенные снегом, но все же пару раз едва не растянулась. Дома тупо побродила по комнатам, потом, вспомнив, что утром не завтракала, налила тарелку супа. Но едва поднесла ложку ко рту, как ее снова затошнило. Кажется, заболеваю, испугалась Настя, надо срочно лечиться. Она включила обогреватель, раздавила таблетку седальгина, запила чашкой горячего чая и легла на диван, укрывшись с головой пледом. И сразу провалилась в сон.

Разбудил ее Федор. Прыгнув на подушку, он бесцеремонно улегся ей на голову. – Убери хвост с лица! – сердито потребовала девочка. Федор обиженно мазнул пушистым концом ей по губам, спрыгнул на пол и ушел за диван.

Настя прислушалась к себе. Голова уже не болела, но настроение оставалось препаршивым. И главное, непонятно, как жить дальше. Хоть бы папа быстрее пришел, уныло подумала она. И сейчас же услышала звук отворяемой двери.

– Котенок, ты почему не в школе? – Румяный с мороза отец быстро вошел в комнату и склонился над ней. – Что стряслось?

– Голова разболелась, и врачиха отпустила. А сейчас поспала, и вроде полегчало. Вы не голодные?

– Да, перекусить не мешало бы, а то у меня сегодня еще собрание, а у мамы ученики. Через час надо бежать.

– Тогда я обед разогрею, пока вы руки моете. Когда будет готово, позову.

– Давай дочка, поухаживай за нами, а то я что-то приустал. Подряд две лекции очень утомительно.

Настины родители работали в педагогическом университете – отец заведовал кафедрой физики, а мать преподавала английский. Настя обожала своих родителей, особенно отца. Он у них с мамой был кумиром. Настин отец и вправду был хорош собой: высокий сероглазый блондин, красивый, умный и слегка ироничный. Человеком он был добрым и покладистым, легко прощал студентам все их неуды и прогулы, за что они его дружно любили, – особенно, студентки, которые в этом девичьем вузе составляли большинство.

Настина мама представляла собой полную противоположность отцу, – как внешне, так и внутренне. Это была невысокая стройная армяночка, темноглазая и черноволосая, с ершистым и задиристым характером. Она могла поднять шум из-за пустяка, гоняла Настю за невымытую посуду и пыталась воспитывать кота. Но когда мать чересчур уж расходилась, отец сажал ее себе на колени и принимался поглаживать по спинке, приговаривая: – Все, все, Галчонок, успокойся. – И целовал за ушком. Тогда она моментально выпускала пар, переходя к бурным объятиям и поцелуям, во время которых Настя все пыталась подлезть им под руки, чтобы получить свою порцию нежности.

Внешне Настя не походила ни на одного из родителей, хотя отдельные их черты в ней угадывались. От отца она унаследовала славянский тип лица с круглым подбородком и прямым коротким носом, от матери – большие глаза, затененные густыми ресницами. Правда, их цвет был не темно-карий, как у мамы, и не серо-голубой, как у отца, – к голубоватому отцовскому добавилось немного мамино шоколадного, впрочем, недостаточного, чтобы его надежно затемнить, – из-за чего Настины глаза приобрели необычный сиреневатый оттенок. Волосы у нее были по-матерински густыми, но если у той они падали на плечи красивыми черными волнами, то у Насти требовали постоянного расчесывания и приглаживания – в противном случае норовили встать дыбом. И цвет их был не черным, как у мамы, и не светлым, как у папы, а темно-русый с отдельными золотистыми прядями. Серо-буро-малиновый, как говаривал отец.

Характер Насти являл собой пример единства и борьбы противоположностей. В ней сложным образом сочетались мягкость и доброта отца с упрямым и взрывным характером матери. Она могла долго и упорно добиваться своего, даже скандалить, если ей противоречили, – а добившись, вдруг резко меняла мнение, легко соглашаясь с противной стороной. Приступы непонятной ей самой хандры внезапно сменялись взрывами веселья, – и тогда она принималась беспричинно смеяться и кружить по комнате, обняв кого-нибудь из родителей или в их отсутствие спинку стула. Особенно это стало заметно к пятнадцати годам. Отец в ответ на подобные вывихи успокаивал мать – мол, чего ты хочешь, возраст у нее такой. Перерастет. Перемелется – мука будет.

Помимо любви к пятеркам Настя увлекалась приготовлением всяких вкусностей, из-за чего родитель в шутку убеждал дочь, что ей надо идти в пищевой институт или, в крайнем случае, в кулинарный техникум, – такой талант пропадает! С чем мать категорически не соглашалась, принимая его слова всерьез. – Отличнице и в кулинарный – это позор! – с пафосом восклицала она. – Только через мой труп!

Настя слушала эти разговоры, посмеиваясь. С будущей специальностью она еще не определилась. То ей хотелось на мехмат в университет, то в Политехнический, а то и о медицинском подумывала. Но в одном она была уверена: пойдет, куда захочет сама, и никто на свете ей не помешает. Захочет в кулинарный – пойдет в кулинарный, захочет в мед – пойдет в мед. Впереди еще два года школы – успеет определиться.

Накануне вечером Настя сварила любимый овощной суп с грибами и нажарила тоненьких-тоненьких блинчиков. Мясной фарш у нее уже был – осталось только завернуть его в

блины и обжарить. Все это она проворно проделала, пока родители раздевались, мыли руки и обменивались нежностями.

– Готово! – подала она голос. – Наливать?

– Наливай! – скомандовал отец. – Мы с сокровищем вдвоем кушать Настин суп идем.

Держа супругу на руках, он зашел на кухню и ловко оседлал табуретку, умудрившись посадить мать себе на колени.

– Любовь! – одобрительно заметила Настя. – Не урони сокровище в суп.

– Никогда! – заверил отец, пододвигая к себе тарелку.

– Правда, Олег,пусти меня! – запротестовала мать, заметив, что тот собирается кормить ее с ложечки. – Опять насаждаешь пятен себе и мне на брюки. Так почему ты не в школе? – обратилась она к дочери. – Что с твоей головой?

– Я сегодня на министерской контрольной поплыла, – хмуро ответила Настя.

– Как поплыла? У тебя же три дня назад кончилось.

– Да при чем здесь это! – рассердилась дочь. – Я полугодовую завалила. Из пяти задач решила только одну. Пара обеспечена, в лучшем случае тройка.

– Телевизор надо меньше смотреть по вечерам. Вечно он у тебя включен, вот голова и не отдыхает.

– Да при чем здесь телевизор? Дали задачи, которых мы в глаза не видели. Даже Лизавета возмущилась. Какие-то виды энергии – в Перышкине об этом ни слова.

– Тащи учебник, – распорядился отец. – Как можно давать такую контрольную? О чем они там думают – в министерстве?

Быстро перелистав книгу, он набрал номер приемной министерства образования.

– Владислав Савельевич на месте? Соедините меня с ним, пожалуйста.

– Кто спрашивает? – вежливо поинтересовалась секретарша.

– Скажите, Снегирев из педвуза.

– Привет, дружище! – услышал отец голос замминистра. – Какие проблемы?

– Влад, сегодня у моей Настасьи ваши проводили контрольную по физике. Дали задачи по материалу, о котором они слыхом не слыхали. Из пяти задач она только с одной справилась. А ведь ты ее знаешь, – она голову не поднимает от учебников.

– Ну и сколько ей поставить?

– Да при чем здесь оценка? Я вообще не понимаю, – как такое может быть? Что, ваши не знают школьной программы? Представляешь самочувствие ребят: никто в классе ничего не решил. Моя чуть не заболела от расстройства.

– Олег, ну что ты меня грузишь по пустякам! Ну, может, мои и напортачили. Но и учителя тоже хороши. Дали им волю, – одни одно преподают, другие другое, а Москва с нас спрашивает. Ладно, не будем мы нигде учитывать эти оценки, успокой дочку. Но сам сделай вывод, какие у нее будут знания, если оставишь ее доучиваться в английской.

– Так что, забирать ее оттуда? А куда?

– Советую в лицей при Политехе. С ее умом и тягой к точным наукам только туда – там эти предметы на высоте.

– А поступит она? Там же конкурс, говорят, бешеный.

– Ну, по физике ты и сам ее можешь подготовить. Программу я тебе достану, – они ее не скрывают. А по математике и русскому найми репетиторов. Могу помочь. На вступительных попытаюсь ее подстраховать, но гарантию не даю. Там с этим делом строго.

– А потянет она, если поступит?

– Потянет, девка у тебя умная. Помнишь, как она меня срезала: «Что будет, дядя Владик, с автомобилем, если сила тяги двигателя станет равна силе сопротивления?». – «Остановится, – говорю. – А что еще может быть?» – «А вот и нет! – отвечает. – Будет двигаться с прежней скоростью. Законов Ньютона не знаете, дядя Владик». – Во дала!

– Ладно, ты программы достань, а с преподавателями я сам разберусь. Спасибо за совет – я твой должник.

– Пустяки, чего там. Ну, бывай. Достану – позвоню.

– Значит так, котенок. – Голос отца посерьезнел. – Влад предлагает забрать тебя после девятого из вашей школы. Советует поступать в лицей при Политехническом институте. Очень серьезное учебное заведение – нагрузки там ой-е-ей! Но и знания у тебя будут не в пример нынешним. Как на это смотришь?

– Ой, мне жалко английский бросать. Забуду быстро, – там же его, наверно, мало дают. Выходит, учила-учила – и все напрасно?

– Ну почему напрасно? Английским ты и сама можешь заниматься. Английский не проблема, нужно будет – выучишь. А вот точные науки – это действительно проблема, в вашей школе ты с ними пролетишь. Самостоятельно тебе их не поднять.

– Ладно, я подумаю.

– Только недолго думай. Влад обещал скоро достать программу к их экзаменам. И сразу надо начинать готовиться, времени у тебя не так много. Там вступительные в июне – остается только пять месяцев, чтобы заткнуть все дыры в твоих знаниях.

– Но ведь с математикой у меня вроде неплохо, одни пятерки в этой четверти.

– Кто теперь знает: плохо или неплохо. Может, ваши пятерки на самом деле тройки по их меркам.

– Ну, ты и скажешь – тройки. Что я, совсем ничего не знаю? Не такая уж я тупая.

– Ты-то не тупая, да база у тебя слабовата. Ладно, не будем гадать. Получим программы, разберемся.

Пообедав, родители заторопились на работу. После их ухода Настя собралась мыть посуду, но у нее почему-то все стало валиться из рук. Тогда она села на табурет и задумалось. Настя представила, что больше не будет ходить в свою ласковую школу, где училась с первого класса, – и школа вдруг показалась ей такой милой и такой брошенной, будто она собралась предать хорошего человека, которому многим обязана. Даже соседа Митьку стало жалко, – как он будет без нее? Никто не подскажет, не выручит в трудную минуту. И бутерброд его она слопала задаром. А может, ну их – эти точные науки? Ну не будет она знать физику с математикой – и без них можно прожить. Можно на филфак пойти или на тот же иностранный.

Так она долго сидела, убеждая себя, что не стоит расстраиваться, что все можно оставить, как есть, и никакого лица ей не надо, – как вдруг поняла: выбор сделан и нечего себя обманывать. С детством пора расставаться, а впереди у нее трудный и не очень ясный путь. Но она пойдет по этому пути, потому что так надо, – в противном случае будет жалеть всю жизнь, что смалодушничала. А, поняв, сразу успокоилась и стала строить планы на ближайшее будущее.

С драмкружком придется завязать, – решила она – и телек убавить. Вечерние гульки и посиделки у Натки свести к минимуму. Что еще? Все детективы побоку, читать только необходимое. И заниматься, заниматься, заниматься.

– Ну, надумала? – спросил вечером отец. – Что решила?

– Буду поступать в лицей.

– Ты в школе особенно не распространяйся, – посоветовала мать, – а то вдруг пролетишь, потом позору не оберешься.

– Я поступлю.

– Ну, ты не будь так уверена, – там знаешь какой конкурс! Пролететь можно только так.

– Я поступлю!

– Значит, надо с завтрашнего дня садиться за учебники как следует. Схожу сам в Министерство за программами, – решил отец, – а то Влад будет тянуть резину, пока времени не останется. И надо бы тебе репетиторов нанять.

– Не надо мне никаких репетиторов. Принеси программы, и все. Сама буду заниматься, не маленькая. Лучше узнай, по каким учебникам там учатся и где их можно достать.

– А не много ты на себя берешь? Репетитор тебе даст знания, которые ты сама можешь не получить, – просто не догадаешься, что надо знать, а что не надо. И проверить себя самой очень сложно – ты же не знаешь, о чем тебя могут спросить. А репетитор, особенно оттуда, знает.

– А вы представляете, во что он вам обойдется? Особенно оттуда. У нас в классе Таня Юдина занимается с репетитором по химии – в медицинский колледж готовится. Так она говорит: за каждое занятие три сотни вынь да положь.

– Ну, это не твоя проблема.

– Нет моя! Ты себе новый костюм никак не купишь – заведующий кафедрой, называется! Ходишь на свои заседания в старом свитере, как бомж. Нет, пап, давай я сама буду готовиться, а перед экзаменами попроси кого-нибудь меня проверить, – это тебе дешевле обойдется. И потом, разве мой отец не физик? Сам меня будешь проверять – ты же у себя на вступительных председатель комиссии.

– Ладно, убила. Буду тебя проверять по кускам. Как пройдешь тему, скажешь. А ваши сегодняшние оценки ни на что влиять не будут, – Влад обещал. Просто поугадили вас, чтоб за ум взялись, и все.

Вечером заявила Наташка.

– Настя, я сегодня четвертак по алгебре отхватила, – спасибо твоей тетрадке. Только успела передрать, как меня вызвали к доске и именно на этот пример. Представляешь, как повезло. Я почти все решила, только в конце немножко запуталась. А так Светлана могла бы и пятак поставить. Но мне и четверки хватит, может, теперь в полугодии на один трояк будет меньше.

– Так еще полугодовая контрольная впереди.

– А ты пересядь ко мне, – может, чем поможешь или дашь содрать. Мне теперь так неохота трояк по алгебре иметь, – твое влияние!

– Так ты же с Новиковым сидишь. Он сам ни за что от тебя не отсядет – жить без тебя не может. Знаешь, какой скандал закатит.

– Да ну его, надоел. Давай на последнюю парту сядем, она сейчас свободна. Парфенов заболел.

– Ага, заболел, как же! Просто не рискнул идти на министерскую. А завтра явится и погонит нас.

– Не погонит, я с ним договорюсь. Давай?

– Ладно, я все равно с Митькой поругалась. Но ты, если хочешь получше оценки, берись и за домашние задания. Я тебе сто раз предлагала: давай вместе уроки делать. Уже давно училась бы нормально.

– Да не доходило до меня как-то. Лень было. А сегодня... после этой контрольной, знаешь, даже страшно стало. Надо же куда-то после школы поступать, а у меня в голове ноль без палочки.

– Слава богу, дошло! Как Никита терпит твои пары да тройки, не представляю.

Никита был Наташкиным братом – старше ее на два года. Он оканчивал в этом году лицей при Политехническом институте – тот самый, куда собралась Настя. Причем оканчивал весьма успешно: шел на медаль. Никита был умным и собранным юношей, всегда знавшим, чего хочет от жизни. С раннего детства он осознанно ставил перед собой цель и сосредоточенно шел к ней, не размениваясь на мелочи. Сейчас перед ним стояла задача поступить в Политех на самый престижный факультет приборостроения и информатики. Но поскольку конкурс там превышал все мыслимые пределы, Никита поставил перед собой ближнюю цель: получить медаль, чтобы сдавать только один экзамен, – и можно было не сомневаться, что он

ее получит. Наташкины родители очень гордились своим, таким сознательным, сыном, из-за чего их еще больше огорчала Наташкина безалаберность.

Никита пытался воспитывать несознательную младшую сестренку, но это у него получалось плохо. Когда дело доходило до подзатыльника, поскольку остальные воспитательные меры были исчерпаны, а за уроки сестра так и не садилась, Наташка пускала в ход свое главное оружие: умение подлизаться. Им она владела в совершенстве и могла обезоружить любое лицо мужского пола. Наташка строила глазки, вешалась брату на шею и принималась нежно мурлыкать: «Никитусик-лапусик, любименький мой братик! Ну не надо, не сердись!». И у Никиты просто рука не поднималась на это небесное создание с ясными глазками и золотистыми завитками на висках. Чистый ангел – если не заглядывать в ее тетрадки.

– У Никиты нет оружия против моих чар, – гордо ответила Наташка. – Не будь он моим братцем, я б его соблазнила – только так. Но поскольку родственников не соблазняют, поручаю это тебе.

– Мне теперь не до этого, – вздохнула Настя.

– Это почему?

– Понимаешь, Натка, я приняла решение: поступаю после девятого в лицей при Политехе.

– Вот это номер! – Наташка от возмущения даже побледнела. – А как же я? Что я без тебя буду делать? И потом, стоило столько лет зубрить английский, чтобы разом все бросить?

– С английским мама будет помогать. А насчет тебя – будешь заниматься, сама справишься. А не будешь, так и я не помогу. В общем, я поняла: мое призвание точные науки, без них я отупею. Иду в лицей, решено.

– Не-ет! – закричала подруга. – Я не согласна! Я не хочу без тебя оставаться в этом дурацком классе! Так, хоть на тебя глядя, я что-то учила, а тогда вообще перестану. Настюха, не уходи. Подруга ты мне или нет?

– Нет, Наташа, не уговаривай. И родители мои так же считают. В нашей школе хорошо учиться малышне, а в старших классах стоит оставаться только гуманитариям.

– Тогда и я с тобой.

– Но ты же там не потянешь. Там знаешь сколько одной только математики! Ты же ее не любишь.

– А мне по барабану что английский, что математика. Я хочу с тобой, и все! Настя, не бросай меня. И Никита там учился – будет помогать. Кстати, все его тетрадки за десятый класс целы, – он же знаешь, какой аккуратист. А как он рад будет, что ты туда же идешь. Может, и я, глядя на тебя, за ум возьмусь.

– Ну, смотри, потом не ной. С завтрашнего дня садимся за математику и физику. И диктант – через день. Кстати, надо Никиту расспросить, как он вступительные сдавал.

– Конечно, спросим. Скажу тебе по секрету: по-моему, он к тебе равнодушен.

– С чего ты взяла? Никита – ко мне? Бред! Мы же с ним сто лет знаем друг друга. Он вообще во мне ничего не видит, кроме того, что я твоя подруга. Я для него среднего рода.

– Видит-видит! Еще как видит! Последнее время, когда о тебе разговор заходит, так он сразу такой тихий делается. Глазки опустит и примолкнет, – а это верный признак, что дело нечисто, уж мне ли не знать своего братца.

– Натка, не сочиняй! Ладно, ступай к себе, а то я уже спать хочу. И хорошо подумай насчет лица, чтобы потом не идти на попятную. Спокойной ночи!

Глава 2. Встреча у подъезда

Как Настя и предполагала, прогульщик Парфенов, обнаружив, что его любимая задняя парта занята Снегиревой и Белоконовой, начал было качать права. Но подлиза Наташка таким умильным голоском попросила его: – Костенька, ну будь человеком, дай нам с подружкой здесь посидеть, у нас личные проблемы. Ты же мужчина, должен понимать. – И так ласково погладила по крутому плечу, что Парфенов тут же растаял. Неизвестно, что он себе вообразил, но, только пробасив «ладно, сидите, чего уж там», забрал свою сумку и перебрался к Сереже Новикову. Чем поверг того в глубокое изумление, быстро перешедшее в бурное негодование. Но поскольку, кроме негодования, хилый Новиков противопоставить накачанному Парфенову ничего не мог, то так же быстро увял и только весь урок крутил головой, обиженно поглядывая на Наташку.

– Снегирева, а чего это ты на «камчатку» перебралась? – поинтересовалась математичка Светлана Михайловна. – Решила с алгеброй завязать? На тех широтах ты многого не достигнешь.

«Ей овладело беспокойство, охота к перемене мест», – злобно продекламировал очкарик Митька, оставшийся в одиночестве. Нет, такой подлости от человека, которого постоянно подкармливал, он не ожидал. О, женщина, имя тебе – вероломство!

– От перемены мест слагаемых сумма не изменяется, – миролюбиво отозвалась Настя. – Просто Наташа попросила посидеть с ней: ей хочется подтянуть математику. Чтобы я в трудную минуту помогала. Все будет в порядке, Светлана Михайловна, мы не будем болтать. Только по делу.

– Ну-ну поживем, увидим, – с сомнением протянула учительница.

– Как там наши контрольные? – поинтересовался класс.

– С математикой более-менее, а вот с физикой позор один.

– Но мы же такие задачи не решали! – возмутилась Настя. – Сама Елизавета Карповна сказала.

– Да, что было, то было, – подтвердила математичка. – Комиссия тоже получила внушение. Но и вы сильно не радуйтесь, – кое-что должны были решить. Но ведь не решили! И у Елизаветы Карповны из-за вас теперь неприятности.

Класс притих. Лизавету они любили. Она была незлобива и всегда могла понять человека: отпустить с урока, когда очень надо, или не поставить пару даже отъявленному лодырю, если у того были проблемы с родителями. И вот теперь из-за их лени хороший человек должен страдать.

– Мы подтянемся, честное слово! – пообещали девочки. – Вот увидите, Светлана Михайловна, мы теперь возьмемся за физику. Просто нам столько задают по английскому – больше ни на что времени не остается. Скажите Елизавете Карповне, что мы исправимся. Мы очень за нее переживаем, да, ребята?

Мужская часть класса согласно поддакнула.

– Ну, будем надеяться, – вздохнула учительница. – Но вы не забывайте: английский английским, а к выпускному по математике надо готовиться всерьез. Экзамен этот обязательный для всех, а кто не сдаст, может и справочку получить вместо аттестата за девятый класс. Никого не хочу пугать, но такая вероятность существует.

Учительница, конечно, сгущала краски. Сама она прекрасно понимала, что такое в их школе никогда не случится: директриса не допустит. Все получают свои аттестаты, иначе и быть не может. Но пусть лентяи поволнуются, может, хоть от страха за ум возьмутся. И для острастки она вызвала к доске Парфенова. Класс погрузился в решение очередного уравнения.

Какое все-таки у Светланы ангельское терпение, думала Настя, наблюдая за страданиями Кости Парфенова, заблудившегося в вычитании дробей. Нет, мне в учителя нельзя: я бы его точно убила. Боже, да он не знает таблицы умножения!

– Парфенов, сколько будет семью восемь? – ласково спросила учительница.

– Сорок восемь, – почесал в затылке Костя. – Ой, нет! Пятьдесят восемь.

Класс грохнул.

– Чего вы ржете? – обиделся Парфенов. – Ну, забыл человек. Нет бы подсказать. Сильно умные, да? Митяй, еще раз хихикнешь, в лоб дам.

– Парфенов, не забывайся! – прикрикнула математичка. – Не знать таблицу умножения в девятом классе – позор! Докатился!

– Да на фиг она нужна, есть же калькулятор. Ну, тупой я, тупой, – неужели вы до сих пор этого не поняли, Светлана Михална? Можно я сяду?

– Садись. Что после девятого думаешь делать?

– А, не знаю! Пусть батя думает, – это его забота. Да вы не волнуйтесь, я в десятый не пойду. Надоела мне учеба до чертиков.

– Кто же добьет это несчастное уравнение? – обратилась учительница к классу. – Снегирева, не выручишь?

– Не, не хочу, – отказалась Настя. – Я лучше подружке буду объяснять, а то она тоже напутала: списывала с доски.

– Придется самой, – обреченно вздохнула учительница и встала.

– Ты будешь думать? – сердито прошептала Настя, глядя, как Наташка торопливо зачеркивает написанное. – А еще в лицей собралась! Как можно такой бред списывать?

– Что же ты раньше молчала? Сама решаешь, а меня бросаешь. А если я не знаю как дальше.

– Спросить не могла? Ладно, смотри.

И Настя шепотом принялась объяснять подружке решение. Но Наташкухватило ненадолго. Вскоре Настя заметила, что та ее не слушает, а только делает вид: глаза Наташки мечтательно затуманились, а физиономия приняла отрешенное выражение.

– Наталья! – толкнула Настя подружку. – Ты где витаешь? Спустишься на землю.

– Настя, ну почему ты такая правильная? Неужели тебе не надоело? – тихонько заныла лентяйка Наташка. – Ну не люблю я эти уравнения, хоть убей!

– А тебе их не надо любить, ты же замуж за них не собираешься. Их надо не любить, а решать. Или решай, или о лице забудь.

– Ладно, не злись. На новогоднюю дискотеку что наденешь?

– Не знаю. Не думала еще. Не морочь голову, решай, говорю! После уроков Настя задержалась в школьной библиотеке, – надо было сдать книги, которые питавшая к ней слабость библиотекарьша выдала ей на дом из читального зала, правда, только на один день. Наташка не стала ее дожидаться, – куда-то унеслась. Когда Настя вышла во двор, из их класса там уже никого не было, – только мальчишки расстреливали снежками девочек, вышедших из школьного здания.

– Настюха два уха! – радостно заорал Витька Семенов из седьмого «А», запуская в нее снежком. Он почему-то вечно цеплялся к Насте, стоило ей появиться в его поле зрения. Вот и сейчас удачно пущенный снежок попал ей за воротник, – пришлось расстегивать пальто и вытряхивать снег, пока не растаял.

– А у тебя их что, три? – огрызнулась Настя. – Делать нечего, что ли? Чего пристаешь?

– Да он к тебе равнодушен, неужели не ясно? – Выскочившая из дверей Наташка насмешливо посмотрела на Витьку.

– Ду-ура! – заорал Витька и покраснел, как морковка. – Две дуры!

– Точно, равнодушен! – загоготала Наташка. – Ишь, уши загорелись!

– Ладно, Наталья, не смущай ребенка, – миролюбиво отозвалась Настя, отряхиваясь. – Он еще малый для этих дел.

– Сама ты! Да пошли вы! – Витька швырнул снежок в забор и, круто повернувшись, побрел прочь.

– Похоже, я угадала, – подмигнула подруга. – Ну и как он тебе?

– Я не занимаюсь совращением малолетних. И вообще, ты способна о чем-нибудь думать, кроме мальчишек?

– А о чем думать: об уроках, что ли? Вот еще!

– Да хотя бы и об уроках. Ты придешь ко мне сегодня? Я хочу начать с физики – папа нужные учебники достал. Для физматшкол – с углубленным изучением.

– Насть, давай после каникул начнем, а? Куча времени впереди – ну куда спешить? Неужели не жалко новогодние праздники отравить физикой?

– Нет, Наташа, ты как хочешь, а я с сегодняшнего дня начинаю готовиться.

– Ладно, тогда и я с тобой. Только давай у меня. И Никита в случае чего поможет, он же все это учил. Кстати, он должен быть дома: говорил, что у них кто-то из учителей заболел и их отпустят пораньше.

– У тебя так у тебя – мне без разницы. Только без трепотни, хорошо?

– Хорошо-хорошо! Как пообедаешь, приходи. Я в магазин за молоком. Пока! – И она убежала.

Зайдя во двор, Настя увидела возле своего подъезда пацана с рогаткой, – тот целился в птиц, порхавших у ее кормушки. – Ты что, гад, делаешь? – бросилась к нему девочка. Но было поздно: к ее ногам упал желто-синий комочек, еще недавно бывший прелестной птичкой, которой она так любовалась сегодняшним утром.

– Гад, ты же ее убил, убил! – Вырвав у маленького негодника рогатку, девочка разломала на ее мелкие кусочки, затем наклонилась и бережно подняла птичку. Глазки у той были прикрыты голубоватой пленочкой, но птичка еще дышала.

– Отдай, она моя! Я за ней все утро гонялся, – заревел пацан, размазывая сопли по щекам.

– Я тебе отдам! А ну, пошел с нашего двора! Еще раз увижу, уши оборву! – пообещала Настя.

– Сама получишь! – ревел тот, отбежав на всякий случай подальше. – Я братану скажу, он из тебя мартышку сделает! Отдай лучше!

– Кто тут маленьких обижает? – Насмешливый голос заставил Настю обернуться. Позади нее стоял незнакомый высокий парень и с интересом разглядывал ее.

– Забери у нее! – заныл пацан. – Это я подстрелил, а она не отдает. Скажи ей!

– Кажется, еще живая. – Почему-то почувствовав доверие к незнакомцу, Настя показала ему птичку. – Может, очухается?

– Живая, – подтвердил парень. – А ты зачем птиц бьешь? – неодобрительно обернулся он к мальчишке. – Они тоже жить хотят. А если тебя камнем по башке?

Поняв, что поддержки не дожидаться, тот, тихо матерясь, побрел прочь.

– Вы в этом подъезде живете? – спросил парень.

– В этом, – кивнула Настя, – а вы к кому?

– Да здесь мой одноклассник обитает, – обещал тетрадку дать. Меня в их класс недавно перевели. Никита Белоконев – может, знаете такого?

– Конечно! – почему-то обрадовалась Настя, – это мой сосед. Мы на одной лестничной клетке живем. Пойдемте, покажу. Только вот не знаю, что с птичкой делать. У меня кот персидский, он ее сразу придушит.

Будто услышав ее слова, та вдруг открыла глазки, пискнула и вспорхнула с Настиной перчатки. Задрав голову, девочка увидела, как пичуга взлетела на ветку, затем перепорхнула на соседнее дерево и скрылась из виду.

– Вот и сняла она с вас заботу, – засмеялся юноша. – Вероятно, он ее только оглушил. Ну у, показывайте. Заодно, может, познакомимся? Меня Вадимом зовут. А вас?

– Настя, – представилась девочка и почему-то смутилась. Впервые в жизни она почувствовала недовольство своим именем. Рядом с таким высокоинтеллигентным именем «Вадим» ее собственное показалось ей слишком простецким. Вадим – как красиво звучит! И как подходит к его хозяину с умным тонким лицом и яркими карими, такими внимательными глазами. А она просто Настя. Настя – здарсьте! Родители тоже – не могли ничего покрасивее придумать.

– Замечательное имя! – искренне восхитился молодой человек. – Настоящее русское. Анастасия – царская дочь!

– Вам, правда, нравится? – У Насти отлегло от сердца. Значит, можно жить и с ее именем. Нет, какой он умный! Сразу видно, что лицеист – не то, что некоторые дундуки-старшеклассники из ее школы. Насте не раз приходилось слышать их разговоры между собой в раздевалке. Сплошные междометия вперемежку с матом – и никаких умных мыслей.

– Никита здесь живет, – показала она на дверь Белоконовых. – Звоните, он дома.

– Вадим! – обрадовался Никита. – Заходи! Настенька, познакомься, это мой новый друг. Может, тоже зайдешь, чайку попьем.

– Спасибо, мы уже познакомились. Я попозже приду. Мы с Наташей будем сегодня у вас заниматься: решили в ваш лицей поступать после девятого. Как думаешь, поступим?

– Ты без сомнения, а вот Наталья – под большим вопросом. Если только очень постарается.

– Дашь нам свои тетрадки?

– Конечно, хоть все. Ну, ты меня обрадовала. Жаль, что вместе учиться не придется: вы поступаете, а мы оканчиваем. Приходи, только поскорее.

Друг Никиты, улыбаясь, слушал их разговор. Но даже его молчание показалось Насте умным и многозначительным. Только уж очень внимательный взгляд юноши почему-то окончательно смутил ее. Чувствуя себя не в своей тарелке, Настя быстро попрощалась и скрылась за дверью. Не успела она переодеться, как залился звонок. Он дребезжал непрерывно, пока Настя натягивала свитер и шла к двери. Заглянув в глазок, она обнаружила за дверью Наташку.

– Настюха, там у Никиты та-акой парень! – Глаза Наташки азартно горели. – Полный отпад! Пойдем, познакомлю. Только не вздумай его кадрить, – он мой.

– Да я его уже видела, – успокоила ее Настя. – Я ж его к вам привела, он спрашивал, где Никита живет. Классный парень! Но ты не очень влюбляйся, не то тебе в голову ничего лезть не будет. Давай сначала поступим.

– Ага, мы поступим, а он станет студентом. Там его быстро студентки захапают. Нет, надо его сейчас брать в оборот.

– Наталья, немедленно прекрати! – возмутилась Настя. – Что значит, в оборот?

– Ну... глазки ему строить, говорить намеками. Чтоб свиданку назначил. И все такое.

– Ты вот что. Раз так, то мотай к себе и не пудри мне мозги. Уроков полно – надо поесть и заниматься. Все, катись!

Наташка от возмущения потеряла дар речи. Но ногу в щель успела просунуть, знала, что подруга не решится прищемить ее дверью.

– Да я пошутила! – завопила она. – Пойдем к нам, я тебя покормлю. Мамахи такой плов наварила, – тарелку проглотишь. Ну, Настюха, ну не упрямясь. Я ж без тебя ничего не решу, ты же знаешь.

И Настя сдалась.

На кухне у Наташки хозяйничали два друга, поджидая девчат. Добрый Никита поставил перед Настей полную тарелку янтарного плова, и у нее сразу потекли слюнки. Она и не заметила, как тарелка опустела. Запив плов компотом, Настя поволокла подругу заниматься. Та немного поупиралась, вожаденно поглядывая на дверь, за которой слышались голоса ребят, –

но Настиной настойчивости ничего противопоставить не смогла. Вздохнув, она села за стол и раскрыла учебник. Процесс, наконец, пошел.

– Сначала сделаем, что на завтра, а потом начнем повторять физику, – распорядилась Настя. – Папа обещал достать программу лица, а пока ее нет, начнем с самого начала, с седьмого класса.

– А может, лучше с того, что сейчас проходим? – робко спросила Наташка. – А то вдвое больше учить. Ведь этот материал тоже, наверно, входит в их программу. Давай лучше учить наперед – еще не пройденное. По учебнику. Что мы сами не разберемся, что ли? А будет непонятно, Никиту спросим. Или отца твоего. Зато на уроках Лизавета только рот откроет, а мы уже все знаем.

– А что, это мысль! – сразу согласилась Настя. – Пройдем все до конца, а потом повторять станем. И программа тогда уже у нас будет – будем знать, что надо, а что не надо. Молодец, Наташья, почаще бы тебе такие умные мысли в голову приходили.

За решением задач они не заметили, как голоса ребят стихли. Выглянув из комнаты, Наташка обнаружила, что в квартире пусто, – друзья ушли на консультацию.

– Ну вот, смылись! – расстроилась она. – Когда я его теперь увижу? А все из-за тебя – заниматься, заниматься! Такой парень – сон! Я, может, о нем всю жизнь мечтала.

– А о Димке Рокотове кто мечтал? Помнишь, как ты в прошлом году за ним бегала, пока он тебя на эту дуру Иноземцеву не сменял? А о Котье Крылове? А кто по Ленину из пятьдесят второй сох – я что ли? Ты вспомни, вспомни! Ах, Нинка Абрамова вчера видела Сашу Оленина на Броде! И неслась посмотреть на Нинку, которая видела красавчика Оленина, когда тот со своей цацей по Броду шатался. Забыла?

– Ну что поделать, если я такая влюбчивая? Понимаешь, мне без ребят жить неинтересно. Как вообще можно не обращать на них внимания, не представляю. Вот скажи: как тебе это удается?

– А чего на них обращать внимание? – они же все идиоты! Или тупые, или вообще... будто недавно с дерева слезли. Ты посмотри в школе на их туалет. Он всегда настежь – оттуда такая вонища! Дома, небось, дверь закрывают, а здесь не считают нужным. И как только не совестно!

– Ну почему все? Большинство, конечно, дикари, но ведь не все. Неужели Никита идиот? Или Вадим? Скажи, тебе хоть капельку мой братец нравится? Ну, хоть чуточку?

– Натка, да ты что? Это же твой брат! Я ж его с горшкового возраста знаю. Помнишь, как твоя мама его посылала, чтоб нас домой загнал. Как он нас брал под мышки и волок. Влюбиться в Никиту – это почти кровосмешение. Нет, я на такое не способна.

– Похоже, ты вообще не способна – ни в кого. Тебе скоро шестнадцать, а ты еще ни разу не влюблялась. Ледышка ты – вот кто! Поэтому тебе меня не понять.

– Не знаю, может, ты и права. Честно: я не представляю, что ты в них находишь? О чем можно два часа болтать с тем же Крыловым? Он же дуб дубом! Типичный двоечник.

– Ну и что, что двоечник? Если парень нравится, можно вообще ни о чем не говорить. Просто так ходить рядом, и то, знаешь, какой кайф! А когда он целует! Это вообще полный улет.

– Смотри, доцелуешься – потом плакать будешь. Эй, Наташка, ты еще... не того? Или уже... того?

– Да ты что! Я девушка честная. Только после свадьбы. Да и тогда... – Наташка понизила голос и покраснела, – я себе не представляю, как можно... при чужом парне... трусы снять. Нет, я ни за что не смогу. Только под пистолетом. А ты представляешь?

– Я никогда! – подумав, твердо сказала Настя. – Тут же сбегу, как только он ко мне полезет. Или по морде дам. Хотя, с другой стороны – ведь что-то же в этом есть? Раз люди это делают. Только я не представляю, как они потом друг другу в глаза смотрят? Я бы сквозь

землю провалилась. Ой, Наташка, какие мы идиотки! Послушал бы кто о чем болтаем. Сразу решил бы: у девок крыша поехала.

– Мы же только разговариваем. А другие – делают. Я как подумаю: иначе бы людей вообще не было. Ужас! Нет, если бы я была Богом, люди размножились бы, как растения: сначала цветы, потом плоды, а в них детки. И красиво, и... не стыдно.

– Ладно, хватит чушь пороть. Повторим формулы, что сегодня выписали, а потом будем друг друга проверять. Ты меня по ним гонять будешь, а я тебя. И так каждый день.

Вечером, ознакомившись программой к вступительным экзаменам, Настя еще более утвердилась в решении учить с опережением. Вопросы в ее начале оказались очень легкими, поэтому их можно было оставить на потом. А вот конец – тут предстояло потрудиться.

Наталья на программу никак не отреагировала. Ей что начало, что конец, представлялись сплошным темным лесом, через который им предстояло брести остаток зимы и всю долгожданную весну – самое любимое Наташкино время года. Но делать нечего: взялась за гуж, теперь вези.

На следующий день, выполнив домашние задания, они открыли учебник по физике и с трепетом заглянули в незнакомый параграф. Настя читала, а Наташка кивала. Кивала, где понятно и где непонятно, лишь бы подруга не останавливалась, – чтобы побыстрее покончить с физикой и заняться чем-нибудь более приятным. Но этот номер у нее не прошел. В конце параграфа имелись проверочные вопросы, на которых Наталья моментально поплыла. Пришлось выслушивать все сначала. Но теперь Настя стала ее спрашивать едва ли не после каждого предложения, так что Наталья волей-неволей вынуждена была вникать в прочитанное. И в итоге все поняла, – даже сама удивилась, насколько легким оказался этот новый для них параграф.

С математикой было потруднее. Там все последующее цеплялось за предыдущее, где у Наташки были сплошные прорехи. В конце концов, разозлившись, Настя заставила ее вызубрить все суммы и разности квадратов и кубов, после чего дела пошли веселее. Обнаружив, что она кое-что может решить и сама, Наталья даже возгордилась. И с увлечением набросилась на очередную систему уравнений, периодически обращаясь за помощью к Насте, когда заходила в тупик.

Они прозанимались до темноты. Вернувшиеся с работы Наташкины родители не поверили своим глазам: их дочь – сама! – умоляла подругу решить еще парочку примеров. А Никита от изумления просто рот открыл.

Будущее показало, насколько они оказались правы в решении учить с опережением. Скоро на уроках математики и физики подругам стало нечего делать. Самые трудные места им разжевывал Олег Владимирович – да так, что даже Наталья все воспринимала с лету.

Да, учиться дома оказалось намного приятнее, чем в школе. Тихо, никто не мешает, не галдит под ухом. Устали – можно на диване поваляться, потрепаться, кофейку попить, а потом снова за книгу. Хорошо!

Математичка вначале не очень поверила Наташкиным успехам: решила, что та все перебирает у Снегиревой, а сама не понимает ни бельмеса. Но, вызвав Белоконову пару раз к доске, убедилась, насколько была неправа. Наталья довольно быстро и без подсказки решила непростую задачу и в доказательство своего усердия предъявила тетрадь, где все задания были выполнены наперед. У Светланы даже глаза на лоб полезли от удивления.

– Нет, Снегирева, если ты не пойдешь в педагоги, это будет просто государственным преступлением! – заявила она. – Чтоб так научить эту лентяйку, надо иметь талант Песталоцци. Как тебе это удалось?

– Да я сама! – задрала нос Наташка. – Я же собралась в... ой! Ты мне палец отдала, – завопила она, двинув Настю локтем. – Не чувствуешь, куда копыто ставишь?

– Заткнись! – прошипела Настя. – Я же тебя предупредила: о лицее ни слова. Сначала поступи, потом хвастайся. Пусть думают, что ты просто за ум взялась – тебе же лучше.

– Ну, прости, я забыла. Все, больше никому. Настя, а как быть с полугодовой? Жалко после двух пятерок пару или тройку получить. Там же прошлый материал, а я в нем ни бум-бум.

– Ладно, помогу. Светлана теперь поверит, что ты сама.

Так и случилось. Правда, часть контрольной Наталья решила сама: сказались ежедневные занятия алгеброй, а часть ей подсказала Настя. И когда Наташка принесла домой дневник с четверками по физике и математике за полугодие, даже Никита ее зауважал. А родители расщедрились и дали денег на новые джинсы с заклепками по всей попе и вдоль штанин. Правда, когда Наташка объявила, что пойдет в них на новогоднюю дискотеку, Настя запротестовала.

– На кого ты будешь похожа? – принялась уговаривать она подругу. – Кто на Новый год свитер и джинсы надевает? У тебя что, понарядней ничего нет?

– А я хочу! – не согласилась Натка. – Ты посмотри, какие джинсы клевые. С блестками! Не то, что твое бархатное платье, – в таких только бабки сорокалетние ходят. А если еще и бусы нацепишь, я с тебя их просто сдеру, так и знай.

– Но у меня больше ничего нет! – возмутилась Настя. – Если будешь издеваться, я вообще не пойду, иди сама.

– Скажи предкам, пусть раскошелятся. Что у них денег нет дочке новый прикид купить? Как-никак, папик твой кафедрой заведует, вступительные принимает. И мать репетирует. В жизни не поверю, что у них бабок нет.

– Да они на машину сто лет собирают, никак не соберут. Только насобирают, они дорожают, еще соберут, – опять дорожают. Сами черти в чем ходят. Нет, без обновки обойдусь. Знаешь, лучше я туда не пойду.

– Я тебе не пойду! К нам же такие классные ребята придут. Из казачьей гимназии и из лицея. И Никита обещал. Может, и Вадим засветится. Неужели тебе не хочется с ним потанцевать?

– Так ведь ты сама его решила захватить. Уступаешь, что ли?

– Ради того, чтобы ты пошла, – чего не сделаешь для подруги. Ладно, уступаю, – бери его на этот вечер себе, только не бросай меня одну. Настя, а ты померь мое сиреневое, – помнишь, с люрексом на плечах. Оно тебе должно подойти.

Надев длинное платье подруги и затянув на спине змейку, Настя преобразилась. Даже какая-то томность во взгляде появилась – как у фотомодели. Да, умеет Наташка выбирать себе наряды.

– Ой, Настюха, как оно тебе идет! – завопила та. – Точно твой размер. Какая ты в нем тоненькая! А я уже не влезаю: раскабанела. Надо срочно худеть.

– А давай я куплю его у тебя, – предложила Настя. – Раз оно тебе мало. У меня немного подарочных денег осталось. Буду отдавать по частям – согласна?

– Да ты что – не надо денег! Я его уже носила-носила. Если мамахен не будет возражать, бери насовсем. Ой, ты посмотри в окно – какой снежок сыплет! И ветер перестал. Пойдем, погуляем, а? В парк. Может, там кто из наших будет. А потом позанимаемся.

– Ладно, пошли.

В парке было тихо и бело. Снег плотно окутал деревья и кусты, превратив их старый парк в царство Снежной королевы. От этой пушистой красоты Настю охватило какое-то елочное настроение. Она подняла голову и в восторге замерла: с туманной высоты мерно и торжественно опускались одна за другой крупные снежинки. Они заполнили собой пространство, и все кружили, кружили, плавно сменяя друг друга, – будто под аккорды неслышной музыки исполняли ритуальный танец: вальс Зимы.

– Ка-ак красиво! – протянула Наташка, хрустя сосулькой. – Просто, снежный бал. Представляешь, мы могли бы просидеть дома и не увидеть эту красоту. Давай Снегурку сделаем?

– Давай!

Они слепили небольшие шарики и принялись катать их по нетронутому снегу. Он хорошо лепился, и скоро снежки превратились в большие шары. Водрузив их друг на друга, подружки скатали еще один поменьше – голову снежной бабы. Рот и нос смастерили из сухих веточек, а вместо глаз вдавили два камешка. Баба получилась пышная и улыбочивая. Напялив ей на голову пестрый кулек, вытащенный Наташкой из урны, девочки полюбовались на свое творение, потом помахали бабе на прощание и неспешно прошли по центральной аллее к выходу. Народу в парке было много, но никого из знакомых они так и не встретили.

Надышавшись кислородом и разругавшись, подружки повернули домой. У самого двора их обстреляла снежками местная малышня, но без особого ущерба. Дома Настя угостила Федора сметаной, затем, очистив от снега птичью кормушку, снова насыпала крошек. И густо налетевшие воробьи отблагодарили ее радостным чириканьем.

Глава 3. Переживания приятные и не очень

Новогодняя дискотека удалась на славу. Грохот школьного джаза был слышен за несколько кварталов. Глаза ослепляли непрестанное мигание разноцветных лампочек и бешеное метание по стенам зайчиков от покрытых зеркальными осколками шаров. В центре зала возвышалась красавица-елка, от ее верхушки тянулись во все стороны нарядные гирлянды. Было жарко и сильно пахло хвоей.

Окунувшись в толпу раскрасневшихся и орущих ребят, Настя почувствовала, как на нее тоже накатывает прилив безудержного веселья. Она любила это состояние, когда все проблемы разом испарялись, и хотелось только хохотать и кружиться, забыв обо всем на свете. Схватив за руку Наташку, Настя потянула ее к елке, где они вместе со всеми стали прыгать, хлопать над головой руками и вопить во все горло. Кто-то сразу наступил ей на ногу, кто-то толкнул в спину. Оглянувшись, она увидела Витьку Семенова в остроконечном колпаке и с длинным буратиновым носом.

– Витюха три уха! – радостно заорала Настя и состроила ему рожу.

– Четыре! – подхватила Наташка. – И один хвост.

Витька показал им кулак и исчез среди танцующих. А к ним сквозь толпу пробился Сережа Новиков. С видом заговорщика он оттащил Наташку к стене и стал ей что-то быстро говорить, время от времени загадочно поглядывая на Настю.

– Настюха, с тобой один парень хочет познакомиться, – сообщила Наташка, когда он отчалил. – Серегин приятель. Ты ему жутко понравилась.

– А кто он? – поинтересовалась Настя.

– Серега говорит, из казачьей гимназии. Он там учится, в десятом. Их здесь сегодня много. И Никиту я видела. А Вадим не пришел – так жалко! Ну, говори: согласна познакомиться? Что ему сказать?

– Ой, не знаю. Неудобно как-то.

– Почему? Познакомься, Насть, а? А то так и помрешь, даже на свидание ни сходя ни разу.

– А где он?

– Тут я, – сказала маска носорога, топтавшегося рядом. – Пойдем попрыгаем.

– Как хоть тебя зовут? – спросила Настя, испытывая незнакомое смущение. – Да сними ты эту дурацкую маску, дай на себя взглянуть.

– Борисом меня звать, – ответил носорог. – А маску сниму, если согласишься со мной встречаться.

– А вдруг у тебя один глаз? Как у Циклопа. И вместо носа пяточок, – засмеялась девочка. – Я соглашусь, не глядя, а потом что? Нет, давай показывайся, а то не соглашусь.

– Ладно, смотри.

Парень снял маску, под которой обнаружилась довольно симпатичная физиономия, правда, очень красная – то ли от жары, то ли от смущения.

– Ну как, нравлюсь? – Он покраснел еще больше и зачем-то разлохматил волосы.

– Вообще-то ничего. – Настя выжидающе посмотрела на парня, но он только морщил лоб и молчал. Подождав немного и убедившись, что новый знакомый собирается и дальше играть в молчанку, Настя заскучала. Она оглянулась в поисках подружки, но той и след простыл.

Вдруг Настя заметила Никиту, возвышавшегося над толпой низкорослых девятиклассников. Лавируя между танцующими, он направлялся к ней.

– Привет, соседка! Ты чего не танцуешь?

– Так ты же не приглашаешь.

– Именно это я и собираюсь сделать. Разрешите?

Отвернувшись от Бориса, продолжавшего топтаться на месте, Настя положила руку на плечо Никите, и он внезапно так ее закружил, что у нее перехватило дыхание. Был момент, когда она просто плыла по воздуху. Лицо Никиты оказалось близко-близко. Он неотрывно смотрел ей в глаза, и от его взгляда, такого ласкового и восхищенного, Насте сделалось не по себе. И тут на счастье музыка кончилась. Никита отвел ее на прежнее место и галантно поцеловал руку. От этого Настя смутилась еще больше и почувствовала жгучее желание исчезнуть.

– Извини, Никита, я сейчас, – пробормотала она, ринувшись к двери. Похоже, Наташка права: Никита определенно ведет себя странно. Интересно, как он отреагировал на ее неожиданное бегство. Наверно, решил, что ей куда-то приспичило.

От этой мысли Насте совсем расхотелось возвращаться, и она направилась в раздевалку.

Выйдя из школьного здания, Настя прокатилась по ледяной дорожке, раскатанной малышней до ворот, и направилась домой. На полпути она вдруг услышала позади оклик: «Эй!». Настя почувствовала, что окликают именно ее, но только ускорила шаг.

– Ты что, глухая? – Догнавший ее Борис взял под руку. – Зову, зову, а ты будто не слышишь. Почему ушла? Из-за того парня? Если хочешь, мы с ним разберемся.

– Я на «эй» не отзываюсь, у меня имя есть. – Настя сердито высвободила руку. – А этот парень мой сосед, брат подруги.

– Ну, прости, я же не знал. Ты куда сейчас?

– Домой.

– А чего так рано? Давай погуляем. Хочешь, пойдем в кино. Или в кафе – у меня бабки есть.

– Заработал?

– А тебе какая разница?

– Большая. Одно дело, когда сам заработал, а другое – когда у родителей выпросил.

– Интересно, где я заработаю? Я же пока учусь. Что-то ты слишком принципиальная, – я таких не люблю. Мне другие девушки нравятся – навряд ли твоей подруги.

– Так за чем дело стало? Флаг в руки и дуй назад. – Настя ускорила шаг.

– Нет, погоди. Ну не злись, я же просто так сказал. Ты мне нравишься больше. Давай гулять?

– А мы что делаем?

– Я не в том смысле... Ну что ты, не понимаешь? Типа, любовь крутить.

«Боже, какой идиот! – подумала Настя. – Даром, что хорошенький».

– Боря, иди обратно, – устало сказала она. – Мне тоже другие ребята нравятся. Не такие, как ты.

– Чем же это я тебя не устраиваю? – надулся он. – Всех устраиваю, а тебя нет.

– Вот и гуляй с теми, кого устраиваешь.

Они уже дошли до Настинного дома. Настя собралась войти в подъезд, но парень преградил ей дорогу.

– Ну, куда ты спешишь? Давай постоим.

– Пропусти, я замерзла. И вообще, чего тебе от меня надо?

– А ты не знаешь? – Борис вдруг обнял ее. – Иди ко мне, я тебя согрею.

– Пусти, дурак! – У Насти от злости навернулись слезы. Она уперлась руками ему в грудь, но Борис вдруг резко прижал ее к себе, и Настя почувствовала на своих губах его мокрые губы. В нос ударил запах перегара. Боже, да он еще и пьяный! Ее даже передернуло от отвращения. Девочка быстро присела и, выскользнув из кольца его рук, сильно оттолкнула от себя. От неожиданности он поскользнулся и повалился на спину, больно ударившись затылком о порог.

– Ты что творишь! – Держась рукой за голову, парень попытался подняться, но снова поскользнулся и растянулся во весь рост. Мысленно поблагодарив дворничиху, что та опять не

посыпала порог песком, Настя понеслась по лестнице к себе на этаж. На ее отчаянный звонок открыл отец.

– Что случилось? За тобой гонятся? – Он с тревогой посмотрел на раскрасневшуюся дочь, вышел на лестничную площадку и глянул вниз.

– Ничего не случилось.

Настя разделась, прошла в свою комнату и выглянула в окно. Борис стоял во дворе, глядя вверх. Быстро задернув штору, она отошла. – С первым поцелуем тебя! – горько усмехнулась Настя, вспомнила ощущение его губ на своих губах, и ее снова передернуло от отвращения. Фу, как противно! Зайдя в ванную, она принялась отплевываться. Затем вымыла губы с мылом и ожесточенно растерла их полотенцем.

– Котенок, с тобой все в порядке? – Тревожный голос отца заставил ее поспешно повесить полотенце на место.

– Все в порядке, пап. Я мою руки.

Она немного постояла, выжидая, когда отец уйдет, затем, вернувшись в комнату, снова подошла к окну. Во дворе уже никого не было. Зазвонил телефон. Настя подняла трубку.

– Настенька, ты почему так рано ушла? – В голосе Никиты сквозила тревога. – Мы с Натальей тебя искали-искали. Что-нибудь случилось?

– У меня живот заболел, – ляпнула Настя первое, что пришло в голову, и тут же мысленно выругала себя. Вот идиотка – не могла ничего умнее придумать. Теперь он точно будет считать, что ей приспичило в туалет.

– Съела что-нибудь? А сейчас как?

– Нормально, Никита. Спасибо за беспокойство. – И не ожидая ответа, положила трубку. Она вдруг почувствовала себя бесконечно уставшей. Нет, все эти любовные приключения ее совсем не привлекают. Может, Натке они и нравятся, но только не ей, Насте. За сегодняшний вечер она сыта ими по горло – надолго хватит.

Телефон зазвонил снова. Не буду брать, решила Настя. Но он трезвонил, не переставая. Скрепя сердце, она снова подняла трубку. Оказалось, опять Никита.

– Настенька, может, лекарство какое нужно? Или врача?

И что на него нашло? – раздраженно подумала Настя. А может, Наташка права и Никита действительно спятил: решил в нее влюбиться? Только этого ей не хватало – для полноты впечатлений.

– Не нужно никакого лекарства, – раздраженно отрезала она. – И вообще, Никита, чего это ты вдруг обо мне так печешься?

– Ну... просто по-соседски, – фальшивым голосом произнес Никита, – а что, нельзя?

– Ну, если только по-соседски. А то мне твоя сестричка кое-что нашептала. Вроде как ты ко мне неровно дышишь. Это что – серьезно?

– Немного есть. А ты против?

– Никита, да ты что? Мы же с тобой как брат и сестра, – сто лет друг друга знаем. Помнишь, как ты меня под мышкой таскал? Я и то помню.

– Но ведь я не брат. И потом – когда это было. Ты стала такая... совсем другая. Такая красивая! Наверно, ты права – влюбился.

– О нет! Никита, пожалуйста, не надо! Мы же с тобой так хорошо дружили, вспомни. Давай и дальше оставаться друзьями?

– Значит, ты мне даешь от ворот поворот? Другой есть?

– Да никого у меня нет, с чего ты взял? Просто мне это не нужно, пойми. Может, я еще не доросла? Давай будем, как раньше, а?

– Хорошо, забудь. Но подружке твоей! За ее длинный язык... Попомнит она у меня!

– Ой, только не трогай ее! А то она не будет со мной делиться. Никита, может, я потом? Может, я еще в тебя влюблюсь. Не сердись, ладно?

– Ладно, раз ты просишь. Новый год дома будешь встречать?

– Конечно, как всегда. А ты?

– Честно, я думал... вместе. Что ты, может, к нам придешь. Я бы Вадима позвал. А теперь, наверно, с ребятами соберемся у кого-нибудь. Заниматься когда начнете?

– Лично я – со второго, ну, может, с третьего января. А когда твоя сестренка соберется с духом, не знаю. Кстати, где она?

– Да я потерял ее потом из виду. Наверно, шляется с каким-нибудь очередным бойфрендом.

– Ладно, когда придет, пусть позвонит мне.

– Хорошо, передам.

Положив трубку, Настя некоторое время посидела на диване, бесцельно созерцая стену, потом пошла на кухню. Чувствуя на себе внимательный взгляд отца, с независимым видом разогрела блинчик, полила его сметаной и попыталась съесть. Но это получилось плохо – блинчик не лез в горло. Поэтому она долго смотрела в тарелку, ковыряя вилкой, и никак не могла приступить к еде.

Ей очень хотелось выговориться, поделиться с кем-нибудь своими переживаниями, поплакаться в жилетку. Но с кем? С папой? – да ни за что на свете! Рассказать об этом противном поцелуе – у нее язык не повернется. Еще неизвестно как он отреагирует, – не дай бог, пойдет выяснять с Борисом отношения. А маме вообще ни о чем нельзя заикаться: она ее из дому перестанет выпускать. Остается Наташка, больше не с кем.

Подруга позвонила в двенадцатом часу ночи и взволнованным шепотом заявила, что Настя ей срочно нужна. Прямо сейчас и немедленно. Пришлось отпрашиваться у родителей. Отец выразительно посмотрел на часы, но промолчал, зато Галчонок расшумелась: мол, приличные люди в это время спать ложатся, а не по хаткам шляются.

– Но, мам, ведь уже каникулы, завтра в школу не идти, – возразила Настя. – Я же не куда-нибудь, а к соседям. Понимаешь, Наташе надо срочно мне что-то рассказать.

– Воображаю! – желчно воскликнула мать. Но Настя не услышала продолжения: она уже звонила в соседскую дверь. Открывшая Наташка схватила подругу за руку и, приложив палец к губам, потащила на кухню.

– Ш-ш-ш! – зашипела она. – Предки уже легли. Ой, Настюха, что со мной было! До сих пор не верю, что уцелела. Вот влипла, так влипла.

– Ну, выкладывай.

– Понимаешь, там, на дискотеке, один парень сразу стал ко мне клеиться. Показалось, такой классный! Усики такие и взгляд, – аж до пупа пробирает. Тоже из казачьей гимназии, только он уже в одиннадцатом. В общем, пошла я с ним. Ты же смылась с этим своим... как его? Борисом. И Никита куда-то делся.

– Ну, пошла – и дальше что?

– Ой, что было! Он оказался таким идиотом! Сначала стал уговаривать пойти к нему домой: мол, там хорошая компашка собирается, и диски крутые есть. А когда я отказалась, – сказала, что поздно и родители будут ругаться... Так он, представляешь, говорит, давай будем... это... Ой, я не могу вслух произнести!

– Это самое?

– Да, только еще хуже. Мол, пойдём, тут есть одно место... Я ему говорю: – «Ты что, дурак? За кого ты меня принимаешь?» А он: – «Зря я что ли с тобой время теряю? Кончай ломаться!». Ужас! И давай пальто на мне расстегивать...

– Допрыгалась! Как же ты от него избавилась?

– Просто повезло. Наши мимо шли с дискотеки. Я сразу заорала: мол, подождите, я с вами. И он отстал. Только заругался вслед. Ой, как я домой неслась! На полусогнутых. До сих пор все внутри трясется.

– Так тебе и надо! Будешь знать! – Настя хотела добавить, что не надо черт знает с кем связываться, но, вспомнив о своем приключении, прикусила язык. Однако чуткая подруга сразу заметила ее заминку.

– А ты чего примолкла? Давай выкладывай. Борис с тобой ушел? Как у вас с ним? А Никита куда делся? Я видела, как ты с ним танцевала.

И Настя все рассказала. И про противный поцелуй, и про разговор с Никитой. И про его обещание разобраться с болтливой сестренкой. Но Наташка только отмахнулась.

– Вот напугал! Ничего он мне не сделает. Сам просил поговорить с тобой. Настя, скажи честно, мой братец тебе совсем-совсем не нравится?

– Натка, и ты туда же! Да не об этом сейчас надо думать! Тебе что, мало сегодняшнего приключения? Скажи спасибо, что легко отделались. Давай договоримся: до поступления в лицей больше никаких романов. Иначе я отказываюсь с тобой время терять.

– Хорошо, не буду. Только ты Никите ничего не говори, ладно? А то он меня убьет. И тебе, значит, тоже не повезло с этим Борисом. Вот козел! Они что – все такие, эти казаки? Неужели у них там нет нормальных ребят?

– Откуда мне знать? Но ты хоть поняла, что пора остепениться?

– Все, берусь за ум! – клятвенно заверила Наташка. – И вообще, руководи мной, а то пропаду.

– Тогда так. Завтра и первого отдыхаем, а со второго садимся заниматься. Каждый день по три часа, и так – все каникулы.

Весь следующий день Настя с мамой готовились к встрече Нового года. Елку они нарядили накануне, поэтому главной задачей был праздничный стол. Они испекли любимый фруктовый торт, зажарили гуся с яблоками и сделали три салата: оливье, креветочный и свекольный с орехами. А еще обожаемую отцом селедку под шубой. После чего мать отправилась по магазинам, а Настя принялась за уборку и мытье посуды, которую они измазали во множестве. Папочка, конечно, с утра сбежал на свою кафедру, чтобы потом прийти на все готовенькое. Правда, пообещал, что шампанское и напитки за ним.

К середине дня Настя так умаялась, что с удовольствием приняла предложение матери немного поспать перед новогодней ночью, – и убрюкалась аж до вечера. А в десять часов к ним напросилась Наталья – ее родители ушли встречать Новый год к какому-то нужному начальству. Никита с Вадимом тоже куда-то сбежали, и она осталась в одиночестве.

Едва уселись за праздничный стол, как в дверь позвонили: это явились Наташкин братец с приятелем. Они почему-то решили, что одинокая Наталья приготовит им праздничный ужин, – как будто она могла догадаться, что их компания развалится за час до Нового года. Пришли домой, а ее нет. Хорошо, что догадались позвонить к соседям. Друзей, конечно, тоже пригласили за стол, положили на тарелки всякой вкуснятины и предложили не стесняться. А они и не думали – сразу стали уписывать все подряд за обе щеки, девочки не успевали им подкладывать. Пробили куранты, все закричали: «С Новым годом!» – и стали целоваться. От Никиты Настя сумела увернуться, а от Вадима нет, он успел-таки смачно чмокнуть ее в щеку. И это оказалось совсем не противно, скорее наоборот, – Настя даже удивилась.

В общем, новогодняя ночь удалась. Они просидели до трех часов, после чего Настины родители заявили, что хотят спать, и предложили молодежи перебраться в квартиру Белоконовых, – что они с удовольствием и сделали. Плясали под телевизор, потом пили чай, потом снова танцевали, – утомонились, когда стало рассветать. Настя с Наташкой разложили диван и уснули на нем одетыми, а Вадим с Никитой улеглись в его комнате на софе. Утром после завтрака разбежались по домам, условившись вечером пойти в кино.

Добравшись, наконец, до родного дивана, Настя упала на него и стала приводить в порядок свои чувства. Чувства были разнообразными, сложными и не очень понятными. Никита весь вечер вел себя идеально, ничем не выдавая себя, – как будто и не было разговора, оста-

вившего в Настинной душе неприятный осадок. А Вадим был сама галантность. Но как ни старалась Наташка, как ни распускала перед ним хвост, на все ее ухищрения с его стороны не последовало никакой реакции. К подружкам он относился одинаково любезно, танцевал с обеими по очереди и все время рассказывал анекдоты – вполне приличные, но очень смешные. И при этом придавал своей физиономии несвойственное ей туповатое выражение, от чего становилось еще смешнее. В итоге они так нахохотались, что больше уже не могли, – только вытирали слезы, держась за животы, и умоляли о пощаде.

И все же в душе Насти поселилось беспокойство – не столько неприятное, сколько непонятное. Она стала перебирать в памяти события вчерашнего вечера, и в какой-то момент ее сердце екнуло. Ей вспомнилось лицо Вадима, на которое засмотрелась во время его очередной хохмы. Он не смотрел в ее сторону, но она шестым чувством поняла: все, что он говорит и делает, адресовано, в первую очередь, ей. Тогда она отмахнулась от этой мысли, но сейчас почему-то взволновалась. Она снова представила его взгляд из-под темных ресниц – как будто вскользь, как будто мимо. Почему этот мимолетный взгляд так запал ей в душу? Что-то было в этом юношеском лице, смуглом и тонком, – в уголках губ, в прищуре глаз, что-то тревожащее, что заставляло ее снова и снова мысленно вглядываться в него. И представляя себе его образ, возрождая в памяти милые черты, она вдруг почувствовала, что ее затягивает как в воронку – в какое-то новое пространство, куда и хочется, и страшновато. Она и не знала, что имя этому процессу – взросление.

Нет, решила Настя, тряхнув головой, не буду больше думать о нем. Сегодня ходим в кино – и на этом все. Ребятам надо в институт готовиться, а нам в лицей.

От этой мысли сразу стало легче. Незнакомое чувство, так встревожившее ее, свернулось калачиком и примостилось где-то на самом доньшке души. Будущее наполнилось планами предстоящих действий и ожидаемых результатов, отчего к ней вернулось прежнее состояние покоя и уверенности.

Глава 4. Поездка в Питер и кое-что другое

А четвертого января они всем классом укатили на экскурсию в Санкт-Петербург. Укатали экспромтом: директрисе внезапно предложили наградить этой поездкой лучший класс школы, – вероятно, у кого-то она в последний момент сорвалась. И та почему-то выбрала их девятый «А». В общем, им крупно повезло.

Город произвел на Настю неизгладимое впечатление. Сказать, что она была потрясена, – значит, ничего не сказать. Питер ее буквально околдовал, заворожил, влюбил в себя с первого взгляда. Она бродила по его площадям, по Невскому и испытывала почти физическую боль от окружающей красоты. Ей не хотелось ни в театры, ни в музеи, ей хотелось только одного: ходить по этому городу до изнеможения, впитывать в себя его воздух, и чтоб никто не мешал, не отвлекал ее от созерцания. В ней возникло странное чувство: будто она все это уже видела, – словно она жила здесь когда-то давным-давно и город еще тогда стал ее частью. А теперь приехала и сразу узнала.

И она дала себе слово, что когда-нибудь вернется сюда навсегда. Впервые в жизни ей не хотелось домой к папе и маме.

А по возвращении она стала бредить Петербургом. Она развесила на стенах его репродукции и часами, молча, созерцала их, испытывая тянущую тоску. «Но возвращался я домой, в простор меж небом и Невой...» – слова этой песни так соответствовали ее душевному состоянию, что она снова и снова включала магнитофон, пока мать не начинала кричать: – Ну все, хватит! Смени пластинку!

И когда она узнала от Никиты, что Вадим родом из Петербурга, то даже не удивилась. Конечно, этот юноша мог родиться только там. Ведь он был так схож со своим городом интеллигентностью и какой-то возвышенной одухотворенностью. Оказалось, что отца Вадима, офицера внутренних войск, перевели на Кавказ, и семья переехала с ним.

Вот почему Вадим такой задумчивый и немногословный, думала Настя. Наверно, он тоскует по своему городу, наверно, Питер живет в нем, как во мне. Ведь Вадим вырос там, видел его каждый день – как же ему, наверно, здесь тяжело. И ее собственный городок с его узкими улочками и разбитыми тротуарами впервые стал казаться Насте скучным и убогим.

Она согласилась заниматься постоянно у Натальи – ведь туда часто приходил Вадим. Он относился к подругам с приветливой сдержанностью, охотно помогал в учебе, шутил и смешил забавными историями из лицейской жизни, ничем не выказывая ни к одной особого расположения. Наташка отчаянно ревновала Никитиногo приятеля к подруге, а Настя помалкивала, избегая даже его взгляда. И только изредка позволяла себе тихонько любоваться милым профилем, слабо надеясь, что он этого не замечает.

Вообще-то говоря, в профиле не было ничего особенного: нос с небольшой горбинкой, глаза ничем не выдающиеся – обыкновенные, карие. В ее представлении образ красивого мужчины, вынесенный из детских сказок, выглядел совсем иначе. Но что-то в чертах его лица, в их соединении было такое, что с первой встречи врезалось ей в сердце, затронув в нем какие-то потаенные струны. И теперь, стоило ей услышать его голос или даже узнать, что он вот-вот должен прийти, они натягивались, вызывая в душе непонятно-радостную тревогу. Шестое чувство ей подсказывало, что, несмотря на ее напускное безразличие, он о чем-то догадывается, – и потому чувствовала себя при нем не в своей тарелке, разговор не поддерживала, а, закончив занятия, сразу уходила.

Умом Настя понимала, что ее поведение неестественно, но ничего с собой поделать не могла. Она и раньше была не особенно разговорчива, а теперь вообще замкнулась, стремясь почаще уединиться в своей комнате.

Первым ее состояние заметил отец. – Котенок, все хорошо? – спросил он однажды, заглянув к ней. Настя сидела на диване в своей любимой позе: поджав ноги и откинув голову на спинку. Она была настолько погружена в свои мысли, что не сразу сообразила, о чем ее спрашивают. Но, почувствовав его заботу, вдруг поняла: ей самой хочется поговорить с папой. Поговорить откровенно, как в детстве, – когда она забиралась к нему на колени, прижималась к широкой груди, вдыхая родной запах, и изливала все свои горести и проблемы этому самому близкому и любимому человеку. И вместе с тем она чувствовала, что о Вадиме не сможет сказать даже ему, – настолько это было трудно. Но может поделиться своим чувством к городу, который врезался ей в душу и ассоциировался с этим юношей.

– Папа, я влюблена, – помедлив, ответила она. – И это очень серьезно. Никогда не думала, что могу так сильно влюбиться.

– Что ж. – Отец погладил ее по головке, как маленькую. – Тебе уже шестнадцатый год – это естественно. И кто же он? Я его знаю?

– Его знают все, и он прекрасен. Он стоит на Неве. Он город. Папа, это мой город. Вот, никогда не жила в нем, а все равно он мой. Папа, я решила: через два года окончу лицей и поеду поступать в вуз только туда. Вы меня отпустите?

– Конечно, дочка. Будешь относиться к учебе серьезно, получишь хорошие знания, – почему нет? Любой питерский вуз даст тебе блестящее образование, безусловно, лучшее, чем здесь.

– А мама? Думаешь, она отпустит меня одну.

– Ну, мы ее уговорим. Неужели вдвоем не убедим? Ты, главное, веди себя соответственно. Чтобы она к тому времени видела, что ты уже достаточно взрослая, что тебе можно доверять. Тогда она не будет за тебя беспокоиться. А я думал, у тебя молодой человек появился.

– Нет, не появился. Теперь ты знаешь, чего я хочу больше всего на свете. Поэтому... буду учиться изо всех сил. Буду бить на медаль, вот увидишь.

– Только не перетрудишься, – это тоже ни к чему. Жизни надо радоваться каждый день, особенно в твои годы. Юность – лучшее время, ею надо насладиться в полной мере, чтобы потом было чего вспомнить. Я очень хочу, чтобы ты была счастлива, девочка моя.

– Я знаю. Спасибо тебе. Ты лучший папа на свете.

Она прислонилась к его плечу – самому надежному плечу в мире, а он обнял ее и прижал к себе. Так они долго сидели, прижавшись друг к другу, пока в комнату не заглянула Галчонок.

– Чего это вы сидите в темноте? Случилось что?

– Ничего не случилось, – как можно убедительнее ответила Настя, – просто мы с папой соскучились друг по другу.

– А по мне?

– И по тебе тоже. Иди, пообнимаемся.

Они занялись этим полезным делом, – а с кресла одобрительно глядел на них большими янтарными глазами любимый кот Федор.

Глава 5. Борис

Каникулы кончились. За ними потянулась длинная третья четверть, заполненная школьной текучкой и ежедневными дополнительными занятиями, отнимавшими почти все свободное время. Но девочки уже втянулись в этот процесс и потому не особенно им тяготились. А Наталья от переполнявшего ее чувства ответственности даже похудела. Она уже стала стабильной четверочницей, чем страшно гордилась, свысока поглядывая на прежних приятелей, – те погрязли в трояках и давно смирились с этим.

В один прекрасный день, когда после окончания уроков дежурная Настя подметала в классе обычный мусор: в основном выплюнутые жвачки и скатанные бумажные шарики, которыми обстреливали друг друга скучавшие на уроках мальчишки, – в класс влетела взволнованная Наташка.

– Настюха, там во дворе этот... как его? Борис! – выпалила она. – По-моему, он тебя поджидает.

– Какой Борис? – Настя давно забыла о приключении на новогодней дискотеке.

– Ну, этот... из казачьей гимназии. Стоит с Новиковым и о чем-то треплется. Точно по твою душу явился.

– О нет! – Настя мгновенно вспомнила запах перегара и омерзительный поцелуй. – Нет, Натка, я не хочу его видеть. Чего он приперся?

– Мне откуда знать? Наверно, по тебе соскучился.

– А может, просто к Сережке приходил? По делу. Сбегай, посмотри, может, уже ушел.

– Нет, на месте. Стоит и смотрит на двери. Что делать будешь?

– Не знаю. Буду сидеть, пока не уйдет.

– А если он вздумает сюда подняться? Слушай, давай сбежим через окно на первом этаже. Там в малышей классах окна на улицу выходят, – прыгать невысоко.

– А они не заперты?

– Не, не заперты. Я вчера слышала, как завучиха ругалась, что малышня окна на перемене пораскрывала. Чтобы, значит, заболеть и пропускать уроки. Пойдем, пока он сюда не явился.

Убедившись, что этот тип и впрямь стоит под школьной дверью и явно не собирается уходить, – от его вида Настю даже передернуло, – девочки спустились в раздевалку, оделись, поминутно с опаской поглядывая на двери, затем проскользнули на первый этаж к первоклашкам. Окна у них действительно были не заперты. Настя взобралась на подоконник и глянула вниз. Оказалось, прыгать довольно высоко, но делать нечего, – прыгнула. Правда, на ногах не удержалась, – больно ударилась пятой точкой об асфальт. Наташка бросила ей сумку с книгами, а сама прошествовала через двор.

– Ты Снегиря не видела? – преградил ей дорогу Новиков.

– Нет, она давно ушла. – Находчивая Наташка, старалась не глядеть на его приятеля, подозрительно уставившегося на нее.

– Как ушла? Она же дежурная.

– Она меня попросила, – спешила куда-то. А тебе зачем?

– Не твое дело. Смотри, если соврала!

– Ой, как я испугалась! Пойди, убедись сам, если не веришь. – И Наташка, задрвав нос, прошествовала мимо.

Домой девочки добрались без приключений. Но было ясно, что приключения впереди, – определенно «этот тип» явится снова.

И точно, – на следующий день он опять нарисовался в школьном дворе за пятнадцать минут до звонка, – отпросившаяся с урока Наташка обнаружила его на прежнем месте. При-

шло удирать тем же путем. Но уходить каждый день через окно – не лучший способ избавиться от нежелательной встречи. Надо было принимать кардинальные меры.

– Новиков, а чего это твой казачок под нашей школой каждый день торчит? – поинтересовалась Настя, когда ей все это надоело. – Что он здесь забыл?

– Тебя поджидает, – невозмутимо ответил тот. – А ты почему от него прячешься? Боишься, что ли?

– Вот еще! Боялась я всяких! Чего ему надо?

– Нравишься ты ему. Все время клянчит, чтоб я ему свидание с тобой устроил.

– Да он же идиот! Пьяный был, да еще и приставать начал.

– Настя, ты не права. Он неплохой парень. Знаешь, какой заводной. А выпил для понту, – он же на дискотеку трезвым пришел. Это его наши угостили. А как треснулся затылком, – помнишь, ты его толкнула, – сразу протрезвел. Он уже две недели просит, чтоб я его с тобой свел. Поговори с ним сама, он же тебя не съест. Не нравится – так и скажи. Но чтоб он это от тебя самой услышал.

– Ладно, убедил.

На следующий день, выйдя из школы, Настя сразу направилась к Борису. Он увидел ее и просиял: – Ну, наконец-то! Давай сумку понесу. Ох ты, какая тяжелая.

– Там словарь толстый, – пояснила Настя. – Англо-русский и русско-английский в одной книге. И задачник Сканави.

– А это кто?

– Ты что, не знаешь? Это же хрестоматия по математике. Лучше нет.

Они уже вышли из школьного двора и направились к Настиному дому. Наташка на всякий случай следовала в отдалении.

– Настя, давай встречаться, – просительно протянул Борис. – Не дуйся за тот вечер, ладно? Выпивший я был – для храбрости. Потому и вел себя, как дурак.

– А мы разве не встретились? – засмеялась Настя. – Будешь торчать каждый день под школой, – встречи обеспечены.

– Нет, я не о том. Ну что ты, не понимаешь? Я гулять с тобой хочу.

– Боря, мне не до гуляний, – серьезно сказала Настя. – Я очень занята. И вообще, если честно, ты мне не нравишься.

– Почему? Чем я так уж плох? Может, у тебя кто другой есть?

– Во-первых, это не твое дело. Во-вторых, мне с тобой не интересно. Просто не о чем говорить.

– Не понимаю. Как это – не о чем?

– Ну, хорошо, объясню. Вот скажи: что ты любишь делать? Чем занимаешься в свободное время?

– Телик смотрю. Или с пацанами тусуюсь. На дискотеки ходим. Ну, выпиваем иногда. Но это так, от скуки.

– А книги? Про что ты любишь читать?

– Детективы всякие. У ребят иногда беру, – у нас дома книг мало. Да я книги – не очень. Зачем, есть же телик.

– Но, Боря, в телевизоре показывают, что придумали другие. Тебе думать не надо, – смотришь готовенькое. А когда читаешь, представляешь себе героев, какие они, – ты же их не видишь. Это же в сто раз интереснее! Например, каким ты представляешь Пьера Безухова?

– Кого?

– Ты «Войну и мир» читал?

– Не, пытался, но не смог. Такая муть!

– Ну, у меня нет слов! О чем тогда разговаривать? Ты же темный непроходимо. Нет, у нас с тобой ничего не получится.

– погоди, что ты так сразу: «не получится, не получится!». Давай просто встречаться. Как это? Во, дружить. А то – дай мне чего почитать. Что сама любишь. Только не «Войну и мир».

– Боря, я же сказала: мне некогда. У меня уроков тьма. Да еще дополнительно занимаюсь.

– Дополнительно? А зачем?

– Надо. Какой ты любопытный! Ну, все, прощай. Мне домой пора.

– А можно, я тебя хоть иногда провожать буду? После школы.

– Зачем тебе время терять? Ну, провожай, если хочется. Только это зря.

– Тогда, может, завтра принесешь что-нибудь интересное? Из твоих книг. У тебя, наверно, много книг? Кто твои родители?

– Они в педвузе работают. Преподаватели. Да, у нас большая библиотека.

– Вот почему ты такая умная. Не, мы простые. Мать дома сидит – у меня еще младшая сеструха есть. А отец бизнесом занимается – крутится помаленьку.

– Так что же тебе принести? Детектив?

– Не, не надо, ну их. Ты дай что-нибудь серьезное. Только, чтоб не нудно было.

– Хочешь про путешествия? Ты Конечского читал?

– Не, не слыхал даже. Но про путешествия я люблю.

– Я дам тебе его «Ледовые брызги». Он капитаном был. Много плавал, а потом повести написал. Очень интересно. Читаешь и как будто с ним плаваешь.

– Тогда я завтра снова приду, хорошо? Сколько у тебя будет уроков?

– Как сегодня. Приходи, я книгу захвачу. Только никому не давай – это папина любимая.

Еще порвут.

– Не бойся, не дам. Оберну, чтобы не запачкать.

– Ладно, договорились. Ну, пока. Только, пожалуйста, без поцелуев.

– Да не буду я, – мы же просто дружим. Какая ты недотрога!

Он немного задержал ее ладошку, потом отпустил и, отвернувшись, быстро пошел прочь. Выходя со двора, не выдержал – обернулся, но Настя уже вошла в подъезд.

Наташка, спрятавшись за дерево, дождалась, когда Борис ушел, потом поднялась к Насте.

– Ну, рассказывай, – нетерпеливо потребовала она. – О чем ты с ним так долго трепалась?

Я думала, ты его сразу отошьешь.

– Да я пыталась, – призналась Настя. – Но не получилось. Он, знаешь, такой приставучий.

Предложил просто дружить.

– А ты что?

– Сказала, что мне не до этого, что очень занята. А он: «Можно тебя хоть иногда провожать из школы, ты же все равно домой идешь». Книгу у меня попросил.

– А ты?

– Пообещала. Завтра дам. Понимаешь, неудобно как-то. Он так просил – по-хорошему.

Да пусть читает, мне не жалко.

– Думаешь, ему книга нужна? Просто ищет предлог. А он тебе совсем никак? Он ведь хорошенький, очень даже.

– Да, симпатичный – пока молчит. Но стоит открыть рот... Полная темнота, даже поговорить не о чем. Представляешь, он «Войну и мир» не читал.

– Да кто ее читал? Если честно: я тоже не одолела, – призналась Наташка. – Так, кусками еще кое-где... а чтоб всю, у меня силы воли не хватило. Там местами такая муть!

– Во-во, он тоже сказал «муть». Вы, Натка, с ним два сапога пара. Надо его на тебя натравить.

– Не, он мне не нужен. Я хочу Вадима! – гордо объявила Наташка. – Хочу и получу! Ой, как он мне нравится! Только посмотрит, – у меня просто коленки подгибаются. Все равно я его соблазню, вот увидишь.

От этих наглых слов Настя просто онемела. Вот бесстыжая! И ведь соблазнит, у нее ума хватит. Вон она какая хорошенькая. Глазки голубенькие, волосики на висках кудрявенькие, золотистые – чистый ангелочек. А под локонами рожки торчат. И впервые в жизни она почувствовала к подруге острую неприязнь.

– Ты же мне его уступила! Первое слово дороже второго.

– А я хозяйка своего слова! Хочу – дам, хочу – назад возьму. Зачем он тебе – ты же не способна влюбиться. А я уже. По уши!

– А, по-моему, с твоей стороны это напрасный труд! Ты ему не пара – он слишком для тебя умный.

– А я что, по-твоему, – дура? Вот, значит, какого ты обо мне мнения? Ну, спасибо!

Наташка надулась и отвернулась. А Настя, молча, собрала книги, и, не попрощавшись, ушла. Дома она забилась в угол дивана и устала в одну точку, пытаясь собраться с мыслями. И чего я, собственно, взбеленилась? – думала она. Ну, нашла себе Наташка новый предмет, ну и что? Раньше ведь она, Настя, на это не реагировала. Сколько у Наташки их было – этих предметов. Но Вадим!

Вадим! Вот в чем дело. Наташка не должна его касаться, это... это нельзя. Он не такой – он необыкновенный. Чище чистого! Лучше лучшего! С ним так не годится. Но как это объяснить другим – той же Наташке? Еще смеяться начнет. Или ляпнет что-нибудь Никите. А тот – Вадиму. Что он подумает про нее, Настю? Сразу решит: влюбилась. Тогда хоть сквозь землю провались.

Так что же делать? Идти к Наташке мириться? Ой, как противно! Хотя, – а почему нет? Надо притвориться, что раскаиваюсь. Конечно, больно наблюдать, как она перед Вадимом вертит хвостом, но надо терпеть. Все равно у нее ничего не выйдет: он не из таких. Зато подруга не наговорит глупостей своему братцу.

И только Настя собралась поднять трубку, как Наташка позвонила сама.

– Настюха, до меня только дошло: мы же из-за парня поссорились! – изумленно заорала она. – Нет, ты представляешь? Выходит, какие-то брюки дороже нашей дружбы? Да никогда! Гори он синим пламенем – этот Вадим. Бери его себе с ручками-ножками и со всем остальным – ты мне дороже. Прости, я же не знала, что ты в него тоже втрескалась.

– Ничего я не втрескалась! – запротестовала Настя. – Просто нашло на меня, сама не знаю что. Знаешь, ну их, этих ребят, от них одни неприятности. Давай забудем все, и приходи ко мне, будем заниматься.

Глава 6. Подружки и «княжна Джаваха»

А нудная третья четверть с ее длинными неделями и редкими праздниками все тянулась и тянулась, – и не было ей ни конца, ни края. Больше всего Настя налегала на математику. Даже старательная Ирочка Соколова, переведенная к ним два года назад из школы с математическим уклоном, за ней не поспевала. Вначале Ирочка преуспевала в учебе: сказывалась сильная база ее прежней школы. Но потом, почувствовав, что здесь можно не переутомляться: пятерки сами плывут в руки, – Ирочка расслабилась и быстро скатилась с передовых позиций. Лишь нахватав четверок и даже тройков, она забеспокоилась и стала набиваться к Насте в подружки. Но Настя не забыла, как, обратившись однажды к Ирочке с каким-то пустяковым вопросом, получила полный отлуп. – Ишь чего захотела: чужим умом жить! – отрезала Ирочка, презрительно поджав полные губки. – Свой надо иметь!

С тех пор Настя на все Ирочкины поползновения никак не реагировала.

Наталья Ирочку ненавидела смертельно. Та однажды ее страшно унизила перед самым красивым мальчиком в их городе и его окрестностях. Мальчика звали Саша Оленин, и по нему умирали все – или почти все – ученицы их английской школы, а также расположенных поблизости немецкой, французской и даже музыкальной.

Ах, какой это был красивый мальчик! Появившись однажды в их школе на одной из дискотек, он произвел настоящий фурор: все школьницы сбежались полюбоваться его льняными локонами, фарфоровым личиком и умопомрачительными глазами цвета голубой эмали. А он с равнодушным видом обозрел их компанию, выискивая себе подходящую пару, и выискал-таки: остановился на Дианке Бермант, – которую Наташка называла не иначе как «крыса заморская» за ее экстравагантные наряды и вечное стремление хоть чем-нибудь да выделиться.

Всю дискотеку Саша клеился к Дианке, а та, закатывая глаза, млела от счастья. И когда он пошел ее провожать, за ними в отдалении плелась целая толпа умиравших от зависти девчат, среди которых была и Настина подруга.

Вообще-то Дианка была довольно хорошенькая с ее восточным типом лица, немного великоватым, но безупречно прямым носом и большими, слегка навывкате глазами. Пока она молчала, вполне могла понравиться. Но стоило Дианке открыть рот, как любому становилось ясно: перед ним набитая дура. Это довольно быстро понял и Саша – уже по дороге к Дианкиному дому. Поэтому, когда она, не дождавшись предложения встретиться, попросила о свидании сама, то получила вежливый отказ.

Для Наташки Оленин был хрустальной мечтой. Она смаковала, как шоколадки, все случайные встречи с ним и вздохом расписывала Насте их мельчайшие подробности: во что Саша был одет, с кем шел, как на нее, Наташку, посмотрел, и тому подобную чушь. Потом ей пришло в голову достать Сашину фотографию. И как раз в это время Ирочку Соколову перевели из школы, где она училась вместе с Сашей, в их класс. Наталья откуда-то об этом прознала и стала настойчиво подлизываться к Ирочке с целью выпросить у нее вожаденное фото. Но Ирочка мгновенно просекла, что тут дело нечисто, и с мнимым сочувствием предложила Наташке не ходить вокруг да около, а прямо сказать, чего ей надо. «Ты скажи, ты скажи, че те надо, че те надо? Может, дам, может, дам, че ты хошь» – лисьим голоском пропела она строчку из затертого шлягера. Наивная Наталья, не долго думая, и лягнула: чего. Поверила в Ирочкину искренность. А на следующий день девчата, вывалившись из школы, неожиданно обнаружили во дворе Сашу, поджидавшего кого-то. Как вскоре выяснилось, именно эту стерву Ирочку. Задрав нос, она подозвала Наташку и громогласно объявила:

– Саша, вот эта дурочка из нашего класса умоляет подарить ей твое фото. Но я же не могу без твоего разрешения.

Наташка оцепенела. Как она потом признавалась, больше всего ей хотелось тут же вцепиться в Ирочкину рожу. Только присутствие Саши не позволило ей выполнить это жгучее желание.

Но самыми потрясающими были его ответные действия: он с улыбкой полез в нагрудный карман, достал из него снимок размером 3x4 и протянул Наташке. Однако бдительная Ирочка перехватила карточку и со словами «перебьется, ишь, чего захотела!» сунула к себе в сумку. А потом, по-хозяйски взяв Сашу под руку, прошествовала мимо Натальи, стоявшей как оплеванная. А Саша только сочувственно развел руками.

Стало ясно, что красавец Оленин полностью у Ирочки под каблуком. И потому Наталья с этой минуты его просто презирала. До такой степени, что когда на следующий день он неожиданно окликнул ее: «Эй, Белолоконова, стой!» – она только презрительно сморщила нос и гордо показала спину. Но Саша догнал ее и преградил дорогу:

– Да ладно тебе, Белолоконова. Не дуйся. На, возьми.

И достал из кармана большую цветную открытку со своей физиономией. За такую любая из его поклонниц отдала бы полжизни. Однако закусившая удила Наталья только процедила: «Я не Белолоконова, я Белоконева. А это барахло можешь отдать своей крысе – мне и даром не нужно». И аккуратно обойдя его, прошествовала дальше. Но Ирочке ее подлость запомнила и только ждала подходящего случая, чтобы достойно отомстить.

Надо сказать, Ирочку не любила не только Наташка: из-за своего заносчивого характера Соколова умудрилась испортить отношения с доброй половиной класса. Но казалось, не замечала этого, наоборот, чем хуже относились к ней одноклассницы, тем выше задирала нос.

Особенно обожала Ирочка созерцать собственную физиономию. Редкую перемену она не вертелась в раздевалке перед большим зеркалом, накручивая на палец каштановые локоны и самодовольно мурлыкая. Даже самый умный и интеллигентный мальчик школы Саша Давыдов однажды выразился в ее адрес так: «Красивая. Но глупая».

Точнее и не скажешь.

Правда, последнее время физиономия Ирочки сильно озаботилась. По слухам, ей стало крепко доставаться от родителей за низкие оценки и гульки допоздна. Мать пообещала потребовать у Сашиных родителей, чтобы их сын оставил ее дочь в покое. Эта угроза так подействовала на Ирочку, что она прямо-таки набросилась на учебу. А поскольку для преуспевания в математике своих мозгов у нее не хватало, она судорожно стала искать, у кого бы их позаимствовать. И снова уперлась в Снегиреву: просто в их классе больше не к кому было обратиться, большинство само плавало в этом предмете. Ведь в английскую школу стремятся, как правило, гуманитарии, которых не привлекают точные науки. Почему-то никто до сих пор не додумался сделать английскую школу с математическим уклоном.

Однако Снегирева на Ирочкины поползновения никак не реагировала. На переменках ходила только с Белоконевой, да и на уроках, включая физкультуру, они не расставались ни на минуту, – короче, у Ирочки не было никакой возможности стать к Насте поближе. Тогда терпеливая Ирочка решила подождать подходящего случая. И дождалась-таки.

Дело в том, что Настя была жуткой книгочкой. Без книг она просто не могла нормально существовать. И повинна в том была Галчонок: это она привила Насте ненормальную любовь к чтению. С самого рождения Настя видела свою маму только с книгой. Даже когда та кормила дочку грудью, умудрялась читать. И за столом, – сколько муж с ней ни бился, так и не смог отучить от этой вредной привычки. В результате подросшая Настя переняла ее полностью: за обед без книги не садилась. На возмущение отца дочь отвечала, что иначе она не чувствует вкуса еды.

А сидение с книгой в туалете? «Кончай читать, выходи!» – нетерпеливые возгласы родителей ежедневно звучали в их квартире, относясь в равной мере как к матери, так и к дочери.

Впрочем, папочка в этом деле тоже недалеко ушел, только вместо книг он глотал за едой газеты. И при этом активно комментировал читаемое, правда, без всякого внимания со стороны слушательниц, поскольку каждая была погружена в свое чтение.

Однажды мать рассказала Насте о своей любимой книге, прочитанной в детстве. Книга называлась «Княжна Джаваха» – ее написала дореволюционная писательница Лидия Чарская. В советское время эта книга почему-то была запрещена, хотя, по словам Галчонка, ничего запретного там не было, одна сентиментальная любовь. Правда, в ней описывалась жизнь и нравы дворянства, – но ведь и Пушкин был из той среды, и Лермонтов, и Лев Толстой. Мать с таким восторгом отзывалась об этом романе, что прочитать его стало заветной Настинной мечтой. И когда на уроке литературы зашел разговор о писателях дореволюционной поры, Настя спросила учительницу, слышала ли та о Чарской. Литераторша ответила, что, конечно, слышала и даже пыталась отыскать ее книги в библиотеках, но не нашла.

– Я так мечтаю прочесть «Княжну Джаваху», – призналась Настя, – думала, вы посоветуете, где ее достать.

– Нет, – вздохнула учительница, – боюсь, твоей мечте не осуществиться. По крайней мере, в библиотеках нашего города ее точно нет, – да и в магазинах тоже. И на книжном рынке она мне ни разу не попадалась.

Ирочка с чувством тайной радости слушала их диалог. «Княжна Джаваха» стояла у нее дома на полке. Ее родители пренебрежительно отзывались об этом романе, доставшемся им еще от прабабушки, – считали, что там одна сплошная сентиментальщина и никаких продуктивных мыслей. Как будто любовь и верность сами по себе ничего не значат. Ирочка не соглашалась с их оценкой категорически, но спорить с родителями было себе дороже: никогда нельзя было предугадать их реакцию. В пылу спора они могли выбросить книгу на помойку.

На переменке Ирочка едва удержалась от желания сказать Насте, что поможет ее мечте осуществиться. Она решила отнести «Княжну Джаваху» ей домой – так надежнее. Ирочка представила, как Настя открывает дверь и видит исполнение своей мечты. И, конечно, тут же предлагает Ирочке свою дружбу и помощь.

Надо сказать, Ирочкин план осуществился, – но не сразу. Едва не сорвался – и все из-за этой вредины Белоконовой. Когда Снегирева открыла на Ирочкин звонок дверь, то сразу насторожилась и весьма недружелюбно спросила, чего той надо. И тогда Ирочка торжественно протянула ей книгу. Настя прочла название, и ее лицо сразу подобрело. Но тут из-за спины Насти выглянула ехидная физиономия ее подруги, и едва все не испортила.

Кого я вижу! – завопила Белоконова. – Сама Соколова пожаловала. И за что нам такая честь?

– Я не к тебе, а к Насте, – с достоинством среагировала Ирочка. – Книгу ей достала, думаешь, это было просто?

– А кто тебя просил? – Наталья с трудом удерживалась от желания наговорить этой стерве кучу гадостей: слишком свежо было воспоминание об Ирочкиной подлости.

– Спасибо, Ира, – сдержанно поблагодарила Настя Ирочку. – Действительно, тебе не стоило утруждаться. Я, может, сама где-нибудь достала бы ее.

– Нигде бы ты ее не достала, – возразила Ирочка, – эта книга редкость. Читай, она тебе понравится. Я сама ее проглотила за вечер.

– Настюха, да она к тебе подлизывается! – не унималась Наташка. – Не бери, и пусть катится! Я тебе десять таких достану.

– Перестань, Наташа! – оборвала ее Настя. – Ира, еще раз спасибо. Я прочитаю и завтра же отдам. Да ты заходи, – чего мы разговариваем через порог, как дикари.

– Ах, так! Ты еще и приглашаешь эту гадину! Тогда можешь сама с ней целоваться – ты мне больше не подруга! – возмутилась Наташка. – Все, я ухожу!

– Не уходи, Белоконева, – вдруг миролюбиво попросила Ирочка. – Ты права, я действительно бываю гадиной, – когда при мне покушаются на Сашу. Я так его люблю! – до смерти.

Произнеся эти слова, Ирочка, сама того не ведая, попала в точку: Наталья моментально помягчала. Любовь для нее была главным оправданием любых поступков, – влюбленному она могла простить все.

– Ладно, чего там, – сочувственно протянула она. – Конечно, такой парень! Я так тебя понимаю. Ну, расскажи, как у вас с ним?

– Сложно, – вздохнула Ирочка. – За ним же бегают все, кому не лень – кто тут устоит? Но он все равно потом ко мне возвращается. А я без него совершенно не могу. Если пару недель не увижу – все! – хоть на стенку лезь.

– Как же ты будешь жить, если он в другую влюбится? – сочувственно спросила Настя. Они уже прошли в комнату и удобно растянулись на разложенном диване.

– Не влюбится, – не очень уверенно ответила Ирочка. – Он тоже не может долго без меня, сам говорил.

– Так у вас уже давно? Уже целовались? – Глаза Наташки возбужденно загорелись.

– Если б только целовались! – вздохнула Ирочка. Она перевернулась на спину и уставилась в потолок. А Наташка и Настя, раскрыв рты, уставились на нее.

– Что... все было? Не врешь?! – У Наташки даже дух захватило. Еще бы! Такая возможность обсудить столь животрепещущую тему да еще с самим участником процесса.

– Конечно! А то стал бы он со мной так долго ходить. Другие нашлись бы – на все согласные. Только вы никому, ладно?

– Да не бойся, что ты! Разве можно про такое. Никому и никогда! Ну, расскажи, как это было? В первый раз.

– Как было? Ну... он сказал, что хочет. Сказал, давай. Нет, я не могу. – Ирочка перевернулась на живот и уткнулась лицом в диванную подушку. – Вот когда с тобой такое случится, я посмотрю, как ты будешь рассказывать. Язык не повернется.

– Ну, в двух словах! – взмолилась Наташка. – Как это вообще... твоё впечатление? Да не тушуйся ты – тут же все свои. Нам ведь тоже это предстоит.

– Впечатление? Нет слов! – призналась Ирочка. – Как будто прыгаешь в пропасть. Ой, девочки... это... это тако-ое впечатление!

– А больно... в первый раз?

– Еще как! И кроваво. А как страшно! Все, больше не спрашивайте, не могу. Сами попробуйте – тогда узнаете. Только умоляю, не проболтайте. Родители и так трупами ложатся, чтобы нас разбить, – и его, и мои.

– Я могила! – поклялась Наташка. – А Настя тем более. Да, подруга?

– Конечно, – подтвердила Настя. – А как вы с ним планируете дальше?

– Ты в смысле учебы? После школы – в институт. Мои настаивают, чтобы я шла в медицинский, а Саша, наверно, в Политех. Мне край нужна медаль, родители все мозги проели. Маман каждую неделю классной звонит. Настя, ты не поможешь? У меня геометрия не идет. Да и с неравенствами проблемы.

– А ты делай с нами уроки, – охотно согласилась Настя. – Хочешь, хоть сейчас. А чего Саша тебе не поможет? Он же в математической учится.

– Да у него самого с математикой нелады – сплошные тройки. Мы как-то пытались вместе уроки делать, – ничего не вышло. У него одно на уме... Да и я... когда с ним, уже ничего не соображаю.

– А почему ты из вашей школы ушла? Там же, говорят, знания дают на уровне.

– Знаешь, как там трудно учиться, – насупилась Ирочка. – Гоняют по-страшному. Чуть что – сразу тройка. У вас в сто раз легче.

– А я слышала, у тебя там какая-то история приключилась. – Наташка хитро взглянула на Ирочку. – Из-за Саши, да?

– Да есть там одна. – Лицо Ирочки потемнело. – Сука! Всю жизнь мне отравила. Саша из-за нее меня чуть не бросил. Ну, ничего, когда-нибудь ей аукнется. За все! Не надо, Наташа, об этом. Не хочу даже вспоминать.

– Ладно, не будем. Ну что, за уроки? – поднялась Настя. – Давайте стол раздвинем, а то тут места мало.

И они погрузились в математику. Ирочка занималась упорно и с видимым желанием. Она быстрее Натальи схватывала новый материал, стараясь разобраться в нем до тонкостей. Ее пробелы в знаниях были значительно меньше, чем у Настиной подружки. А главное, она сразу подмечала непонятные места и умела четко сформулировать вопрос – в отличие от Натальи, которая зачастую сама не могла объяснить, чего не понимает. Основной бедой Ирочки было полное отсутствие фантазии, из-за чего она, как ни старалась, не могла решать сложные задачи. Ведь для их решения надо уметь представить ход нескольких действий наперед: если сделаешь такое-то действие, то получится то-то, а если решать таким путем, то придешь к такому-то результату. Вот этого Ирочка не умела совершенно.

– Ну, скажи, – допытывалась она у Насти, – почему ты берешь эту формулу? Откуда ты знаешь, что она пригодится, ведь в условии ничего о радиусе не сказано?

– Но ведь для решения нужен объем цилиндра, иначе ты не найдешь его массу, – терпеливо объясняла Настя. – А без радиуса не найдешь площадь основания.

– А зачем нужен объем? – не понимала Ирочка. – О нем тоже ничего не говорится.

– Но, Ира, надо же знать главные формулы! – начинала раздражаться Настя. – Без этого ничего не решишь. Скажи, как найти массу через объем?

– Не знаю, – честно признавалась Ирочка.

– А как объем связать радиусом?

– Тоже не знаю.

– Вот видишь! Какие задачи, если ты не знаешь элементарных вещей? Наталья давно все это выучила, потому и решает лучше тебя.

– Да я не знаю, какие формулы надо учить, а какие не надо, – вздыхала Ирочка. – Вон их сколько, – разве все помнишь? Ты бы выписала, какие надо, а я бы вы зубрила. Я выучу быстро – у меня память хорошая.

– Я-то выпишу, мне нетрудно. Но их мало выучить, – надо решать, решать и решать. Попроси, чтобы тебе купили задачник Сканава с решениями, и сиди над ним каждый день, пока у тебя мозги не заработают. А пока возьми мой. Мы с Натальей все это уже прорешали – мы ведь вперед ушли.

– Какие вы умницы! – восхищалась Ирочка. – Я бы ни за что так не смогла. Даже не додумалась бы наперед решать! А чего вы так стараетесь?

– Надо.

– Секрет что ли? Ну ладно, не хотите, не говорите, а то я могу и проболтаться. Настя, можно я завтра приду? Хочешь, еще чего-нибудь принесу. Правда, мать не разрешает раздавать книги, но для тебя стащу.

– Не надо, у нас тоже много книг. Мама все время новые покупает. Это Чарскую она не могла достать. Приходи, когда хочешь.

– Давайте дружить троим, – предложила Ирочка, прощаясь. – Будем вместе уроки делать и везде ходить. Вы мне так нравитесь! Я не подлизываюсь, правда, нравитесь, давно уже.

– А как же Саша?

– Ну, Саша... Саша – это другое. Да он не каждый день со мной встречается – раз в неделю всего. А остальное время я все больше одна.

– А где вы с ним... это? – полюбопытствовала Наташка. – У тебя или у него?

– Наталья, прекрати! – оборвала Настя подругу. – Совесть надо иметь.
– Да нет, ничего. Ей же интересно, я понимаю, – вздохнула Ирочка. – У меня. Мои же до вечера на работе.

– А его родители что – не работают?

– Нет, тоже на работе. Но к нему в любой момент могут припереться полезные ископаемые.

– Кто-кто?

– Дед с бабкой, Саша так их называет Они, хоть и старые, но такие въедливые: все им надо знать: куда да с кем. Правда, Сашу они обожают, – всегда притаскивают что-нибудь вкусненькое, и денег, сколько ни попросит, дают. Хотя он много не просит – пенсия у них маленькая.

– И вы это... каждый раз, когда встречаетесь?

– Наталья, прекрати! – Насте остро захотелось дать Наташке пинка.

– Ну что здесь такого, спросить нельзя? – заныла подруга. – Если тебе неинтересно, не слушай.

– Каждый раз, – призналась Ирочка. – Понимаете, если уж начали, назад не повернешь. Но вы с этим делом не спешите, не советую. Потому что потом совсем другое отношение.

– Что, хуже стал к тебе? После этого? Вот гад!

– Нет, не хуже. Но иначе, это точно.

– Как иначе?

– Ну, это – как тайна. Пока не знаешь, один интерес. А когда узнаешь, совсем другой. Иногда прибежит, давай-давай... и убежит. И все.

– Вот оно что! – Наташка помрачнела и задумалась.

– Нет, вы не думайте, он хороший. Просто... наверно, они все такие. Ну, я пойду, а то уже поздно.

Она ушла. Наталья, видя, что Настя не склонна обсуждать услышанное, тоже пошла к себе. А Настя включила настольную лампу и погрузилась в «Княжну Джаваху».

Она прочла ее довольно быстро. И даже удивилась, почему эта книга произвела на ее умненькую и начитанную маму такое сильное впечатление. Простенький сюжет, довольно слезливая история и никаких особенных литературных изысков. В общем, не Лев Толстой. Когда она поделилась этой мыслью с Галчонком, та сразу же согласилась:

– Понимаешь, этот роман я прочла еще лет в двенадцать. Тогда он меня, конечно, поразил. Он ведь резко отличался от всего, что нам рекомендовали: от книг Шолохова и романов Горького. Для меня это был какой-то новый мир. Теперь-то я понимаю, что эта книга не классика, но она мне все равно мила, – как память о детстве.

– Понимаю, – задумчиво отозвалась Настя. – Мам, а у нас есть «Сага о Форсайтах»? Ася Смирнова так восхищалась этим романом. Ты его читала?

– Конечно! Это такая книга... такая! Кусок души! Как я тебе завидую, что она у тебя впереди. Но я смогла ее одолеть где-то лет в двадцать. До этого столько о ней слышала, но как ни пыталась начать, – не могла. Не доходило. А когда созрела, взяла однажды в руки и уже не смогла оторваться, пока все четыре тома не проглотила. Однако боюсь, тебе еще рановато за нее браться, подрасти чуть-чуть.

– Ладно. Но она у нас есть?

– Да, должна стоять в книжном шкафу, где-то в заднем ряду на верхней полке. Там четыре тома. А сейчас прочти лучше «Мастера и Маргариту» Булгакова, очень советую. Эта книга в твоём духе.

– О, я ее давно проглотила.

– И как она тебе?

– Чудо! Местами наизусть помню. А герои – просто вижу живыми. Воланд – это восторг! Вот ведь сатана, а неотразим. Море обаяния! Действительно, без тени нет света – как он прав!

А Мастер! А Бегемот! Ой, какой он гений – этот Булгаков. Но я читала, что он в жизни был не очень счастлив.

– Да, ему досталось. И за эту книгу тоже: сочли, что проповедует поповщину. Сам Шолохов его клеймил. Жил Булгаков трудно и рано умер, а сколько мог бы еще написать, – настоящий талант был. Но в России таланты во все времена редко доживали до старости. Вот и сейчас – если ты не имеешь связей и имени, да еще не столичный житель, на одном таланте далеко не уедешь. Бедность и неустроенность любой талант губят.

– Мам, завтра родительское собрание. Класная просила всех быть. Пойдешь?

– Не, не пойду. Что там делать? Опять слушать, как тебя хвалить будут? Мне уже неудобно: вечно Костю ругают, а Настю хвалят, будто не о чем больше говорить. «Поделитесь, как вам удалась такую умницу воспитать?» А как я тебя воспитывала? Да никак, – какая уродилась, такая и воспиталась. Вон, твоя Наталья – ее сколько ни воспитывай один ветер в голове.

– Нет, мама, ты не права. Наташа в последнее время очень изменилась, это все учителя говорят. Она же хочет со мной в лицей поступать – старается изо всех сил.

– Не знаю, не знаю. Свежо предание, да верится с трудом. Лучше бы она оставалась в своей школе. А то начнет в лицее себя показывать, а тебе краснеть за нее.

– Мама, как ты можешь так говорить? Мы же с Наткой с ясельного возраста дружим. Буду ей помогать. Зато не так страшно будет вначале – среди чужих.

– Ладно-ладно, вы сначала поступите.

Глава 7. Гололед

Зима, предчувствуя скорый конец, совсем разлютовалась. Весь февраль ветер дул, не утихая, – даже при небольшом морозе на улицу было носа не высунуть. Особенным кошмаром для горожан стал гололед. Ветер выметал не успевавший нападать снег, и все улицы города блестели, как отполированные. Ладно бы лед был ровный – так нет же, сплошные бугры и рытвины, чуть не так ногу поставишь, и растянулся. «Вечерка» каждый день перечисляла, сколько горожан попало в больницу с переломами рук и ног – их количество росло в геометрической прогрессии.

В один из последних февральских дней вдруг резко потеплело – до плюс пяти. Тепло продержалось пару дней, и улицы потекли. Однако толстый слой льда не успел полностью растаять, – и едва намерзшиеся за зиму горожане воспрянули духом, как под утро грянул мороз. Да такой, что все улицы и даже ступеньки у подъездов снова моментально покрылись скользкой-прескользкой коркой льда.

Спешившие к первому уроку подружки, выскочив из подъезда, не успели сделать и пары шагов, как, взмахнув руками, дружно повалились на спину, и так прокатились несколько метров, пока не въехали в куст. Чертыхаясь, они попытались подняться, – но не тут-то было. Вышло только на четвереньки: едва они принимали вертикальное положение, как тут же падали. Наконец, цепляясь друг за дружку, они кое-как поднялись, но на большее не решились: было ясно, что малейшее движение приведет к потере равновесия и новым ушибам. Так они стояли, обнявшись, и пытались сообразить, что предпринять, пока из подъезда не вышла дворничиха.

– Тетя Лиза, вы бы хоть возле дома посыпали, – обозленно крикнула Наташка, потирая ушибленную коленку. – Шагу нельзя ступить.

– А что толку? – отозвалась дворничиха. – Я же всю улицу не посыплю. Шли бы вы домой, пока ничего себе не поломали.

Она постояла минуту, раздумывая, потом махнула рукой и скрылась в подъезде.

– Настя, ты как хочешь, а я сегодня в школу не пойду, – решительно заявила Наташка. – Мне еще жить не надоело. И тебе не советую.

Она встала на четвереньки и медленно поползла к дому. Настя, следуя ее примеру, села на пятую точку и, отталкиваясь руками, тоже заскользила к подъезду.

– Это что за фигурное катание? – Веселый голос заставил Настю поднять голову. Над ней склонился неведомо откуда взявшийся Вадим.

– Вот, – растерянно пробормотала Настя, краснея от смущения, – все время падаем. Бугры такие скользкие. Уже два раза растянулись.

– Не надевайте сапожки на каблуках в гололед. Цепляйтесь-ка за меня.

Поддерживаемые его сильными руками девочки с трудом поднялись.

– А ты сколько раз шлепнулся? – поинтересовалась Наталья.

– А меня гололед не берет, – засмеялся Вадим. – Площадь опоры широкая: сорок пятый растоптанный. Где твой братец?

– В лицее должен быть. А что, его там нет? – забеспокоилась подруга. – Он рано ушел.

– Нет, не появлялся. Вот я и отпросился узнать, куда Никита подевался. Звоню-звоню к вам, – никто трубку не берет.

– Значит, с ним что-то случилось. – Наталья встревожилась не на шутку. – Пойдемте, позвоним в «Скорую», может, он уже в больнице.

Еще на лестничной площадке они услышали, как трезвонят телефоны в их квартирах. Настя кинулась к себе.

– Настенька, ты еще не ушла? – В голосе отца сквозила тревога. – Сиди дома, никуда не выходи. В городе такое творится!

– Пап, мы с Наткой только вышли из дому и сразу шлепнулись. Двигаться совершенно невозможно. Нам Вадим помог, Никитин друг, иначе пришлось бы возвращаться в подъезд на четвереньках. А Никита еще утром в лицей ушел, но не дошел. Сейчас будем искать его.

– Немудрено, такого гололеда я не припомню. Ну, будем надеяться, что ничего страшного не случилось. А ты позвони в школу. Скажи, что не придешь, родители не пустили.

– Ладно, скажу. А как вы с мамой?

– Мы задержимся до вечера. Пообедаем в буфете. Синоптики обещают днем потепление, может, подтает. В крайнем случае, такси вызовем.

– Пап, если еще позвонишь, и меня не будет, не волнуйся, значит, я у Белоконовых. Господи, хоть бы с Никитой обошлось!

– В случае чего, звони мне, я у себя в кабинете.

Положив трубку, Настя пошла к подруге. Наталья с убитым видом сообщила, что родители уже все знают: им на работу позвонила классная руководительница Никиты. У них в лицее такое правило: если кто отсутствует на уроке, немедленно ставить в известность родителей.

Ничего себе строгости, подумала Настя. Вот бы и у нас так было, – а то наши прогульщики совсем обнаглели. Хотят, с литературы смываются, хотят – с английского. Знают, что им за это ничего не будет.

– Все, девочки, давайте звонить в милицию. Больше ничего не остается, – предложил Вадим.

– А, может, в «Скорую»? – робко спросила Настя. – Или по больницам?

При этих словах с трудом сдерживавшая себя Наташка, наконец, разревелась. И тут загремел телефон. Наталья схватила трубку.

– Это я! – услышала она голос своего брата. – Я в милиции. Еле упробил дать позвонить. Тут страшная авария, и всех свидетелей забрали. Но уже скоро отпустят, – я тогда в лицей.

– Марш домой! – закричала Наташка. – Никакого лицей! Мы тут умираем от страха. Я сейчас маме буду звонить, что ты нашелся. Вечно влипаешь во всякие истории. Свидетель какой выискался!

– Наталья, да ты что? Тут такой ужас! Грузовик занесло на остановку, а там толпа... Все, трубку отбирают. Ладно, еду домой – ждите.

Впервые за этот час они, наконец, перевели дух.

– Пойду к себе, позвоню папе, что Никита нашелся. – Настя направилась к двери. Присутствие Вадима волновало и одновременно сковывало ее. Выскальзывая в коридор, она бросила на него быстрый взгляд, и он тут же его поймал.

Жаркая волна захлестнула Настю. Опустив пылающее лицо, она выскочила из Наташкиной квартиры, отчетливо понимая, насколько глупо выглядит со стороны.

– Настя, не уходи! – крикнула ей вслед Наташка. – Давай дождемся Никиту. Чего-нибудь вкусенького приготовим, – он там, наверно, страху натерпелся, голодный, как волк, придет.

– У меня сало в холодильнике есть, – задержалась в дверях Настя. – Давай сжарим яичницу с салом: Никита ее любит. Помнишь, как он ее наворачнул, – из четырех яиц. Я сейчас принесу. А яйца у тебя есть?

– Есть, только пять штук.

– Ничего, я еще принесу, мама много купила.

Очутившись в своей квартире, Настя упала на диван и стала приводить в порядок растрепанные чувства. Странный ожог души, испытанный только что, испугал и озадачил ее.

– Что со мной? – спрашивала она себя. – Почему это так сильно? А вдруг – любовь?

Она представила себе лицо Вадима, его ответный взгляд – и снова невидимое пламя опалило ее, заставив вздрогнуть.

– Любовь, – подтвердил солнечный луч, заглянувший в окно. – Любовь, – улыбнулся синий просвет неба между облаками. – Ты влюблена.

Влюблена! – с пронзительной ясностью поняла Настя. Что же делать?

В дверь позвонили. На пороге стоял Вадим.

– Настенька, мы вас ждем-ждем. Наташа уже беспокоиться начала. Вы в порядке?

Господи, она же совсем забыла, зачем вернулась. А зачем? Да, яйца! И, кажется, еще что-то. Сало!

– Иду, – как можно спокойнее отозвалась Настя, хотя внутри у нее все дрожало. – Заво- зилась тут. Сейчас принесу.

– Может, помочь?

– Не надо, я сейчас.

– Настенька, а давайте на «ты». А то слишком официально получается. Вы же с Никитой на «ты». Может, попробуем?

– Давайте, – улыбнулась Настя. – Только, боюсь, с непривычки будет трудновато.

Она отрезала кусок сала и половину буханки «Бородинского», положила в кулек пяток яиц и, стараясь не смотреть на своего гостя, позвонила Наталье.

– Масло у тебя есть?

– Есть, – отозвалась та. – Чего ты там ковыряешься? У меня сковорода уже раскалилась.

– Прикрути, я иду.

Они поджарили большую яичницу с салом, посыпали ее зеленым луком и сделали бутерброды из черного хлеба с маслом, сыром и колбасой. И тут объявился Никита.

– Ой, мамочки, как вкусно пахнет! – счастливо завопил он. – У меня слюнки текут!

– Мой руки! – сурово приказала Наташка. – Искатель приключений.

– Что же там стряслось? – спросил друга Вадим, раскладывая яичницу по тарелкам.

– Грузовик пошел на обгон, и его занесло. Прямо на автобусную остановку. А там люди. Ну и... можете себе представить. Кровавая каша. Такой крик стоял – у меня до сих пор в ушах звенит.

– Что, и погибшие есть?

– А то! Двоих сразу: женщину и пацана. И куча раненых.

– А водитель?

– Живой, только стеклом порезался. «Скорая» увезла с остальными. А меня в милиции допросили, что видел, как было. Правда, пришлось долго ждать. Сказали, что если понадобится, еще вызовут. А вы почему не в школе?

Наташка рассказала, как они катались на пятых точках по катку, в который превратился их двор. И как их спас Вадим.

– В общем, у вас сегодня внеплановый выходной, – подытожил Никита. – И чем вы собираетесь его заполнить?

– Сейчас посуду помоем и будем заниматься, – распорядилась Наташка. – У тебя или у меня? – обратилась она к Насте.

– Давай у меня. – Настя изо всех сил старалась не смотреть на Никитиногo друга, но ее взгляд то и дело наткался на его глаза, глядевшие на нее с немым вопросом.

– Нет, вы посмотрите, какой сознательной стала моя непутевая сестренка! – восхитился Никита. – Настя, ты заслуживаешь награды за воспитание подрастающего поколения. Но, может, все-таки останетесь? Мы вам поможем, если где непонятно.

– Правда, девочки, не уходите, – поддержал его Вадим. – Мы без вас будем скучать. Вы занимайтесь, а мы посуду помоем.

– Это пожалуйста, – согласилась Наташка. – Это по справедливости: мы готовили, а вы моете. Ладно, остаемся.

Настя подумав, что ее необоснованный отказ может показаться подозрительным, согласилась. Под упорным взглядом Никитино друга она окончательно смутилась и уронила вилку. Молодые люди с готовностью кинулись ее поднимать и одновременно крепко стукнулись лбами под столом. Отпрянув, Никита вдобавок треснулся затылком о ножку стола. Наташка захихикала.

Настя встала, незаметно показала подруге кулак и молча направилась в соседнюю комнату. Наташка, продолжая хихикать, поплелась следом. Там Настя отвесила подруге звучный тумак, после чего они немного поборолись и, наконец, сели за уроки. Но мысль о том, что Вадим так близко, сильно мешала Насте сосредоточиться. Из-за этого она сделала две ошибки, – ответ никак не сходился. Наконец, Наталья разозлилась.

– Ты или решай, или мечтай! – раздраженно заявила она. – Вечно на меня ворчишь, а сама?

– У меня голова болит, – не придумала ничего лучшего Настя, чтобы отвязаться. – Знаешь, я лучше, домой пойду. – И не глядя на надувшуюся подругу, собрала книги. Дома легла на диван и стала заново разбираться в своих чувствах.

Главное, размышляла она, чтобы никто не догадался, что я влюбилась по-настоящему. Боже упаси проговориться Наташке. Она, конечно, поклянется, что будет молчать, как акула, и тут же проболтается Никите. Может, и не тут же, но не утерпит, – это точно. А он – Вадиму. Тогда хоть сквозь землю провались.

Она представила себе развитие событий: Наташка шепчет своему братцу потрясающую новость, тот – другу, друг... о, нет! Что он подумает про нее, Настю? Скажет, вот идиотка! Или что похуже. Нет, ни за что на свете... никто никогда не должен догадаться, что с ней происходит. Молчать, терпеть и по возможности не смотреть в его сторону. Может, само пройдет.

Хорошо Наташке, размышляла она. Как влюбится, сразу начинает вертеть перед парнем хвостом и хоть бы хны – совсем не боится, что тот догадается. Наоборот, даже жаждет этого. Почему же ей, Насте, так страшно? А может, пусть? Ну, догадается – и что здесь такого? Все влюбляются. Может, дать ему понять?

Она представила себе этот процесс: многозначительный взгляд, особую улыбку, вздох – и на нее нахлынула волна страха и восторга. А вдруг он ей ответит взаимностью? Как Борис. И тоже захочет ее поцеловать. Вот он протягивает к ней руки... прижимает к себе... его губы касаются ее губ...

Диван будто выскользнул из-под нее, и она ухнула куда-то в бездну. В ушах шумело, сердце стремилось выскочить из своей клетки, тело свела странная судорога. Потрясение было столь велико, что она долго приходила в себя.

«Ого! – испуганно подумала Настя. – Я ведь только представила. А если бы на самом деле? Может, я какая-то не такая? Наташка, наверно, уже сто раз целовалась, и хоть бы что. У кого бы спросить совета?»

Спросить совета было не у кого. Мама? Да ни за что на свете! Такое поднимется! Вообразит себе чего и близко нет. Папа? Но ведь он мужчина, он такого никогда не испытывал. Он не поймет. Да и что он посоветует? Скажет, держи себя в руках, ты девушка, тебе надо быть скромной. Может, с Соколовой – она уже все испытала. Может, она объяснит, что с ней, Настей, происходит, – и посоветует, как себя вести дальше.

А вдруг растреплется всему классу? Наверняка, растреплется. Нет, Ирочке нельзя.

Вадим! Вадим, что со мной? Вадим, почему ты все время перед глазами? И все время хочешь тебя увидеть. А когда ты рядом, я как скованная. Почему так?

Что ты делаешь сейчас, Вадим? О чем думаешь? И что будет с нами дальше?

А предмет ее переживаний сидел с другом на кухне и вел беседу, – как вы думаете, о чем? Да все о том же. Потому что та же проблема их волновала больше всего на свете. Что поделаешь, такой у них был возраст.

– Похоже, мы с тобой тянемся к одному и тому же цветку, – ревниво сказал Никита, исподлобья глядя на друга. – Но учти: я давно на нее смотрю. Может, не будешь путаться под ногами?

– Мы друзья или мне показалось? – помолчав, спросил Вадим.

– Скажем так: приятели.

– А думал, друзья. Выходит, ошибался?

– Ты не увливай. При чем здесь друзья? Я тебе ясно сказал: Настя мне нравится. Понял?

– Понял. Мне тоже.

– Так, – расстроился Никита. – И что теперь? Драться будем?

– Зачем драться? Мы что – неандертальцы? Кого она выберет, тот с ней и будет. И потом – она же еще девочка. Давай подождем. Обещаю со своей стороны ничего не предпринимать. Но если она сама... знай, я ей отвечу.

– А может, разойдемся по-хорошему? Ты исчезнешь, и все. Не будешь перед ней маячить.

– Нет.

– Ладно, ты прав: она еще школьница. Хотя... теперь такие школьницы! Больше нас с тобой знают.

– Не надо, Никита. Наш брат тоже хорош. Вон недавно пацаны девочку за гараж затащили и юбку ей задрали. Она стоит, плачет, а они... рассматривают. Хорошо, успел двоим дать по морде. Так они еще и угрожать начали: мол, какое мне дело, чего вмешиваюсь. В общем, так. Если хочешь, – могу к тебе больше не приходиться. Хотя, если честно, – очень жаль.

– Нет, давай оставим все, как есть. По правде говоря, ты мне тоже... нужен. Жаль, что так получается. Ладно, забудем. А насчет тех пацанов, – их можно понять. Им же интересно. Хорошо у кого младшие сестры есть. Я все успел увидеть, пока Наташка росла. Как ее пеленали и сам труссы менял, когда заиграется. Она меня совершенно не стесняется.

– А Настя?

– Ну, Настя. Настя – другое дело. Она у нас принцесса.

– Хорошая девочка! – вздохнул Вадим.

– Очень! – грустно согласился Никита.

Глава 8. Туманы

– Настюха, ура! Дождались, дождались! Наконец-то! – Наташкин вопль по телефону заставил Настю продрать глаза и взглянуть на часы. Боже, еще только шесть утра! Как охота спать! И чего эта ненормальная дождалась?

– Чего ты дождалась? – зевая, спросила она.

– Как чего? Весны! Сегодня же первое марта – ты что, забыла?

– Натка, я тебя убью! Ты соображаешь, который час?

– Да какая разница?! Как ты можешь дрыхать, когда весна на дворе?

– Какая весна – минус восемь! Посмотри в окно – темень, хоть глаз выколи. Еще минимум час поспать можно.

– Ну и дрыхни, соня несчастная! А я музыку включу, – буду рассвет встречать. Первый весенний!

И Наташка бросила трубку. А Настя выключила свет, укрылась с головой одеялом и попыталась заснуть. Но сон пропал. Она полежала с закрытыми глазами, потом встала, снова зажгла свет и подошла к зеркалу. Из зеркала на нее смотрело худенькое взъерошенное существо: еще не девушка, но уже не девочка, – так, серединка на половинку.

«Никакой фигуры! – огорченно думала Настя, придирчиво рассматривая свое отражение, – скелет в ночной сорочке и патлы дыбом. И ты еще мечтаешь ему понравиться».

Она прислушалась, не встали ли родители, потом скинула сорочку, и голенькая, поминутно оглядываясь, снова подошла к зеркалу. Увиденное огорчило ее еще больше. Ключицы торчат, коленки худые, грудь нулевого размера и никаких бедер. То ли дело Наташка: плечики покатые, ключиц почти не видно и кофточка на груди так красиво оттопыривается.

– Почему я такая? – мысленно спрашивала она, пытливо вглядываясь в свое отражение. – Отчего мне стало трудно жить? Я должна стать женщиной, родить детей. Но откуда это все возьмется? Из ничего?

«... а потом их тела слились...» – внезапно всплыла в памяти фраза из недавно прочитанного романа. Господи, неужели... и с ней так будет? А вдруг... Вадим? Нет-нет, это невозможно. Значит – не Вадим? Другой? О нет, ни за что на свете!

Вот если бы кто меня сейчас увидел, подумала она, заливаясь краской, точно решил бы, что девка сбрендилась. На неприличной почве.

– Настя, ты что, не слышишь? Возьми трубку! – Голос матери заставил Настю опрометью кинуться к кровати и нырнуть под одеяло. Еще не хватало, чтобы та застала ее в таком виде.

– Сейчас возьму, – сонным голосом отозвалась она. – Дай проснуться.

– А чего у тебя свет горит, если ты спишь?

– Да так – хотела встать, а потом решила еще поваляться. Настя схватила трубку. Ну, она сейчас Наташке покажет!

– Ты уймешься, уродина! – тихо зарычала она. – Уже родителей разбудила. Еще раз позвонишь – убью!

– Настенька, с весною вас! – услышала она, холодея, голос Вадима. – Извините, что так рано, но уж очень не терпелось вас поздравить. Не знал, что вы еще спите.

– Ой, Вадим, простите! – залепетала Настя, пылая от смущения. – Я думала, это Натка, она мне уже звонила. Думала, снова она.

– Да мы уже все друг другу позвонили. Она и сказала мне, что вы проснулись. Еще раз, извините. У вас сегодня много уроков?

– Нет, всего четыре: алгебра, две литературы и химия. А что?

– Пойдемте вечером во Дворец культуры строителей? Там сегодня молодежная дискотека – весну отмечают.

- А кто еще? – спросила Настя, замирая от счастья. Неужели она с Вадимом – вдвоем?
- Никита с Наташей. Это его идея. У него там знакомый контрабас – он его и пригласил.
- А билеты?
- Сказал, проведет четверых бесплатно. Пойдешь? Завтра воскресенье – можно вечерок

отдохнуть.

- Ладно, я спрошу у родителей. Если разрешат, пойду.
- А что, могут не разрешить?
- Да нет, это я так, для проформы. Раз Никита с Наташей идут, конечно, разрешат.
- Тогда до вечера? Зайду часиков в пять – ты будешь готова?
- Да, конечно.

И он отключился. А Настя, счастливо улыбаясь, стала заново переживать их разговор. Какое замечательное утро! Он позвонил – и так рано! Значит, ему не терпелось ее услышать. Как он обращается к ней: то на «вы», то на «ты». Какой у него голос – ласковый, глубокий и такой... проникновенный. Проникает прямо в сердце. Ни у кого из знакомых ребят нет такого голоса.

Сегодня вечером я его снова увижу, радостно думала она. И, наверно, буду с ним танцевать. Хоть бы ничего не помешало. Надо маме сейчас сказать, а то вдруг они задержатся на работе и будут волноваться, что меня нет.

Родители без слов отпустили ее, только попросили возвращаться не очень поздно и чтоб не одна. Уроки пролетели как один миг, а химичка даже умудрилась поставить ей на одном уроке сразу две пятерки – вот такой замечательный выдался день. Солнышко временами проглядывало из-за туч, температура к полудню поднялась до плюс десяти, и лед на асфальте быстро растаял. Народ сразу расстегнул пальто и снимал шапки, а улицы заполнили толпы гуляющих горожан. В общем, первый весенний денек удался.

Весь день Настя летала, как на крыльях, в предвкушении встречи. Но перед самым вечером эта выдра Наташка умудрилась напрочь испортить ей настроение.

– Ну да! – ни с того, ни с сего вдруг заявила она. – Они, значит, оба будут за тобой увиваться, а я с боку припека? Меня это не устраивает.

- И что ты предлагаешь? – насторожилась Настя.
- Ты танцуй с Никитой, а я буду с Вадимом.
- А если Вадим меня пригласит?
- А ты ему откажи. Скажи, Никите обещала.
- Я что, все танцы ему обещала? С какой стати? Сама можешь танцевать со своим братцем.

– А какой мне интерес? Он мне и дома надоел. Нет уж, возьми его на этот вечер себе.

– Ах, так! В таком случае, я никуда не иду.

Настя представила себя танцующей весь вечер с Наташкиным братом, и у нее начисто пропала охота идти на эту дискотеку. Действительно, чего она там не видела? Натку в паре с Вадимом? Вот удовольствие! Лучше позанимаюсь, решила она, до экзаменов чуть больше четырех месяцев осталось. А когда повторять?

– Ладно, так и быть, давай танцевать с Вадимом по очереди, – пошла на попятную Наташка. – Просто, я не хочу, пока ты с ним танцуешь, стенку подпираешь. Вдруг меня никто не пригласит. А Никита со мной сам не захочет: найдет себе какую-нибудь мымру.

– Нет, Наташа, я не пойду, – твердо сказала Настя. – Я уже расхотела. Буду заниматься – до экзаменов осталось всего ничего. Иди сама, и танцуй, с кем хочешь.

– Какая ты, Настя, гадина! – закричала Наташка и вдруг бурно разревелась. – Все должно быть только по-твоему! Только тебе должно быть хорошо! Знай, если не пойдешь, ты мне больше не подруга! Лучше с Соколовой буду дружить.

– Вот и правильно. Дружи с Соколовой, а меня оставь в покое. Вы с ней очень друг другу подходите.

При этих словах Настин голос предательски дрогнул: она почувствовала, что еще немного и тоже расплачется. С трудом сдерживаясь, Настя выскочила из Наташкиной квартиры и заперлась у себя, твердо решив не открывать дверь и не отвечать ни на какие звонки.

Сначала было тихо – но недолго. Когда затрезвонил звонок, Настя зажмурилась и зажала ладошками уши. Но это не помогло. Он звонил, звонил и звонил, не переставая, – потом вдруг смолк, и Настя услышала звук отпираемой двери. Только тогда до нее дошло, что это трезвонили родители: наверно, у них руки были заняты книгами или покупками.

И точно – выскочив в прихожую, она увидела своих папу и маму, державших в одной руке по набитому книгами портфелю, а в другой – по ручке от огромного кулька с чем-то тяжелым. Учуввав волнующий запах, в коридор вышел Федор и требовательно заорал. Родители дружно поставили портфели под вешалку, выругали дочь, что та им не открыла, и потащили кулек на кухню.

– Что там? – спросила Настя, втягивая носом запах сырости. – Посмотрите на Федора: сейчас в обморок грохнется.

– Толстолоб. – И отец вывалил в раковину здоровенную рыбину. Рыбина шевелила широким хвостом и вопросительно смотрела на Настю.

– Где вы ее взяли?

– Купили, где ж еще. Только из института вышли, – машина подъехала с живой рыбой. Ну, мы и разорились.

– И что с ней делать?

– Почистить и пожарить. Доверяем это тебе. Да, кстати – ты что, не идешь никуда? А говорила?

– Передумала. Но чистить я ее не буду. Как ее чистить? – она же совсем живая. Я не живодер, меня совесть замучает.

– Ладно, запусти ее в ванну. Вечером придем, и мама почистит. Почистишь, Галчонок?

– Попробую, – неуверенно отозвалась мать. – Но если она будет так же вилять хвостом и смотреть мне в глаза, я тоже не смогу.

– Да вы что, обалдели? – возмутился отец. – В том то и ценность, что она живая. Кто же ест дохлую рыбу? Ладно, тащи ее в ванну и налей побольше воды. Вернемся, разберемся.

И они быстренько умотали. А Настя наполнила ванну водой и запустила туда толстолобика. Пока она его тащила, рыбина не шевелилась, – Настя с облегчением подумала, что та уснула. Но у края ванны толстолобик дернулся и резво плюхнулся в воду, окатив девочку целым снопом брызг. В ванне рыбина походила кругами, обживаясь, потом поднялась к поверхности и пошевелила губами, словно хотела что-то сказать. Федор, опираясь передними лапами о край ванны, с интересом следил за ней.

Может, она есть хочет, подумала девочка. Дать ей крошек, что ли? И только она нацелилась пойти на кухню, как в дверь снова зазвонили.

– Настенька, откройте, это я, – прозвучал самый прекрасный голос на свете. – Открой, пожалуйста!

Настя, конечно, открыла, – как не открыть собственному счастью?

– Настенька, что случилось? – огорченно спросил Вадим. – Наташа сказала, что ты не идешь. Вы что, поссорились?

– Понимаешь, Вадим... – начала Настя, лихорадочно придумывая, что бы такое соврать поприличнее, – но тут из ванны послышался истошный вопль Федора. Настя метнулась туда, Вадим за ней.

Картина, представшая перед ними, заставила скорчиться от хохота. Федор с выпученными от ужаса глазами стоял на задних лапах и ожесточенно скреб передними по скользкому

краю ванны, безуспешно пытаясь выскочить из нее, – а рыбина, пристроившись сзади, меланхолично жевала кончик его хвоста.

Вытащив мокрого и несчастного Федора, Настя замотала его в полотенце и отнесла в кресло. Затем пересаживала рыбу в таз – та, свернувшись калачиком, еле поместилась в нем, – и поменяла воду. Снова опустив в ванну толстолоба, она покрошила булку, и они стали наблюдать за его действиями. Толстолоб, переплывая от одной крошки к другой, быстренько слопал все угощение и остановился у края ванны, просительно повиливая хвостом.

– Не наелся, – констатировал Вадим. – Надо дать ему что-нибудь посущественнее. Каких-нибудь насекомых.

– Мух сейчас нет, – улыбнулась Настя, – тараканов мы вывели. Может, колбасы?

– Попробуй.

Колбасу рыбина съела с не меньшим аппетитом, закусив ее кусочками вареного мяса и сосиски. После чего опустилась на дно ванны и замерла.

– Теперь спать пошел. И что вы с ним собираетесь делать?

– Понятия не имею.

– Ну ладно. Настенька, одевайся быстрее – времени до начала всего ничего.

– Вадим, я не пойду.

– Но почему? Ведь утром ты согласилась. Что случилось?

– Настроение пропало.

– Из-за чего? Из-за подружки? У нее вообще глаза на мокром месте. Вы что, поссорились?

Ну, как ему объяснить? Ведь не скажешь: тебя не поделили. До чего же он красивый, просто, Олег Меньшиков, только еще красивее.

Хочу пойти, вдруг поняла Настя. Пусть эта выдра как хочет, а я пойду. Иначе буду весь вечер жалеть.

– Ладно, уговорил, – обрадовала она Вадима и пошла в другую комнату переодеваться. Открыв шифоньер, Настя остановилась в нерешительности. Что надеть? Наташкино платье? Что-то не хочется. Старое бархатное? Но оно такое допотопное! А если что-нибудь из маминых нарядов?

Она порылась в материнском гардеробе и неожиданно наткнулась на платье невиданной красоты. Бледно-голубое из стрейча, поблескивающее разноцветными искорками. На груди вырез в виде трех длинных капель, и от плеча вдоль всего рукава тоже красивые разрезы. Ох, и платье! И где мать такое оторвала?

Торопливо натянув находку, она подошла к зеркалу. Почти впору, только в плечах и на бедрах чуть-чуть широковато. Но с тонким серебристым пояском почти незаметно, как будто так и надо.

Однако к платью нужна соответствующая обувь. А лапа у дочки уже побольше маминой. Что же делать? Надеть старые лодочки? Нет, к такому платью они, пожалуй, не подойдут.

Она открыла нижний ящик с обувью матери и сразу обнаружила новые серые туфли с серебряной пряжкой. И каблучок – просто загляденье! Но налезут ли?

Туфли налезли, правда, с трудом. Ну, ничего, до Дворца она дойдет в сапогах, а там потерпит. Подойдя к зеркалу, Настя попыталась с помощью маминой косметики сделать себе макияж. Но из этого ничего хорошего не вышло: лицо стало грубым и излишне взрослым. Нет, ей положительно нельзя краситься.

Она старательно стерла следы косметики, спрятала туфли в сумку и вышла в прихожую.

– Ох, ты! – восхищенно воскликнул Вадим, глядя на нее во все глаза.

– Нравится? – смущенно спросила Настя.

– Нет слов. Супер! Ты ослепительна. Мы пойдем за Белоконевыми?

– А они идут?

– Собирались. Правда, Наташа сначала тоже заупрямилась, но потом согласилась. Так какая кошка между вами пробежала, если не секрет?

– Секрет! – отрезала Настя. – Ты звони им, а я внизу подожду.

По дороге во Дворец подруги старательно не смотрели друг на друга и помалкивали. Молодые люди сначала безуспешно пытались их рассмешить, но потом тоже примолкли, – так, молча, и дошагали до Дворца. И только в гардеробе, когда Вадим снял с Насти пальто, Наташка не удержалась.

– Ничего себе! – изумленно воскликнула она, вытаращив глаза на Настин наряд. – А приbedнялась: денег у предков нет. Небось, пол-автомобиля стоит.

– Не знаю, – честно призналась Настя, – это мамино. Я стащила у нее из шкафа. Давай помиримся, а то перед ребятами неудобно.

– Давай, – сразу согласилась Наташка. – Отойдем к зеркалу. Хочешь, новость скажу.

– Ну?

– Ты давно видела своего Бориса?

– Да уже пару недель назад. Только он такой же мой, как и твой.

– Новиков сказал, что Бориса забрали в милицию. Он мне позвонил, когда ты ушла. Думал, ты у меня, у вас никто не брал трубку.

– Да ты что! А за что?

– Они с пацанами гуляли в Студенческом парке, а там у девчонки цепочку сняли. Ну, она сразу в крик, и милиция всех загребла. И вроде, она на Бориса указала и на еще одного парня. Теперь их судить будут.

– Какой ужас! А Борис что?

– Он, конечно, отказывается. Только, кто ж ему поверит. Говорят, его папаше втихую предложили: двадцать тысяч – и никакого суда.

– Кто предложил? Может, это провокация?

– Не знаю. Менты, наверно. Сережка говорит, что вообще это все подстроено. Знают, что у его папаша деньги водятся. Борис у них уже два дня сидит, но пока упирается, не признается.

– Наташа, ты соображаешь, что говоришь? Милиция – как можно?

– Ну да, ты еще веришь в сказки про доброго дядю Степу. Только в жизни все иначе.

– Не мог Борис это сделать, – уверенно сказала Настя. – Насколько я успела его узнать, не мог. Вот ужас! Чем же ему помочь? Может, в милицию сходить, заступиться? Сказать, что он человек порядочный, что мы его знаем.

– Ага, только тебя там не хватало! Не вздумай встревать – тебе же еще и достанется. Зря я тебе сказала.

– Я с папой посоветуюсь, может, он чем поможет. Все-таки у него связи.

– Ох, Настя, не вмешивай ты в это дело родителей. Забудь! Пошли, ребята ждут.

Но настроение Насти резко упало. И дело было не только в Борисе. Этот парень ей не нравился, и его длительное отсутствие она восприняла с большим облегчением. Подумала, что он все понял и решил оставить ее в покое. А оказывается вот в чем дело.

Насте стало жутко. Жившая в ней безмятежная уверенность, что справедливость всегда торжествует, рухнула в одночасье. Выходит, человека можно обвинить в чем угодно, если это кому-то выгодно. Даже невиновного. И ничего не докажешь. Боже, в каком страшном мире она живет. И люди, которых она считала всесильными, даже такие, как ее отец, ничего с этим поделать не могут. Наоборот, сами могут нарваться на неприятности. Конечно, ведь их вмешательство может повредить чьим-то меркантильным интересам.

Бедный Борис! Как ему, наверно, там плохо и страшно. И не на кого надеяться. Ведь если даже его отец не может помочь, – иначе бы парень уже был на свободе, – то кто же может?

А она еще была с ним такой недоброй. Презирала его. А собственно – за что? За то, что нравилась ему, что он этого не скрывал. Но ведь он не виноват, что любил ее, – как умел. Разве

за это презирают? Ведь она тоже любит, правда, другого. Но могла бы хоть попытаться понять Бориса, посочувствовать ему.

А вдруг это он сорвал цепочку? Ведь она его почти не знает. А если это правда?

– Настенька, что-то случилось? – Тревожный голос Вадима оторвал ее от тягостных размышлений. Рассказать ему или не стоит? Интересно, как он отнесется к чужой беде?

Едва подумав об этом, Настя уже поняла, как. Конечно, не останется равнодушным. Тем более что Борис ее знакомый. Потому что – Настя вдруг ясно почувствовала, – она тоже нравится Вадиму. От этой мысли состояние безнадежности сразу испарилось. У нее есть Вадим, он всегда ее защитит, не допустит, чтобы с ней случилась беда. И когда-нибудь они будут вместе.

Она взглянула ему в лицо, и горячая волна счастья хлынула ей в душу. Какой он красивый! Вроде бы в отдельности все обыкновенное: лоб, брови, глаза, губы... Но собранное воедино – нет прекраснее. Этот взгляд – внимательный и такой... острый, как укол в сердце. Его рука на ее талии, а в другой ее ладонь. И эта улыбка – сочувственная и все понимающая.

Наталья куда-то исчезла, и они остались вдвоем. На какое-то время мысли о Борисе покинули ее. Она наслаждалась музыкой, близостью Вадима, самим танцем – таким плавным и нежным. Танго. О, танго! – ты танец моей любви.

Краешком глаза она заметила Никиту, танцевавшего с незнакомой высокой девушкой. Он улыбнулся Насте, но его улыбка была какой-то невеселой. А может, ей показалось? Оркестр заиграл быстрее, пары разделились, и каждый стал танцевать, кто во что горазд. Настя залюбовалась ловкими красивыми движениями Вадима, тоже задвигалась в такт музыке – и вдруг почувствовала острую боль в пятке. Жавшие туфли, наконец, дали о себе знать.

Она отошла за колонну, стянула туфельку и потрогала кожу над пяткой. Мокро – и как больно! Водянка. Да такая здоровенная! Она попыталась натянуть туфельку и едва не вскрикнула от боли. Так и осталась стоять на одной ножке под сочувственным взглядом Вадима.

– Не могу надеть, пятку растерла, – жалобно сказала она и чуть не заплакала. Что теперь делать? Идти в раздевалку босиком или прыгать на одной ножке? Вот опозорилась!

– Давай номерок, я принесу сапоги, – распорядился Вадим. – Ничего страшного, пойдем, прогуляемся.

– Что случилось? – подошел к ним Никита. – Ножу растерла? Как тебя угораздило?

– У мамы туфли стянула, – призналась Настя, – а они жмут.

– Ну и лапы у вас с Натальей. Кстати, ты ее не видела?

– Она танцевала с каким-то рыжим парнем. Но это было еще в начале дискотеки. А больше не видела.

– Опять кого-то подцепила. Ведь договорились идти домой вместе. Ох, допрыгается моя сестренка!

– Извини, Никита, но мы тоже уходим. – Вадим прямо посмотрел другу в глаза. – Танцевать Настя больше не может. Пойдем потихоньку домой.

– Да, конечно. Я немного задержусь, одну девушку хочу проводить. Здесь недалеко. Знать бы только, где Наталья. Ладно, пока.

И он ушел. А Настя с трудом натянула сапоги и, прихрамывая, направилась в гардероб.

Выйдя на улицу, они остановились от неожиданности: на город опустился густой-густой туман. Свет фонарей с трудом пробивался сквозь его плотную пелену, на расстоянии нескольких метров уже ничего не было видно. Размытые силуэты прохожих двигались, как в замедленной съемке, и автомобили непрерывно гудели, предупреждая друг друга.

– Как же мы домой дойдем? – растерялась Настя. – Ничего не видно.

– Ориентируемся, – успокоил ее Вадим. – Держись за меня, старого туриста. Так что у вас опять приключилось, если не секрет? Чем тебя подруга снова расстроила?

И Настя рассказала про знакомство с Борисом, про их встречи и его арест. Только о поцелуе умолчала.

– Он тебе нравится? – помедлив, спросил Вадим.

– Нет, совсем нет. Но мне его очень жаль. Понимаешь, Борис простой парень, может, не очень умный, но не подлец, это точно. Не мог он так поступить. Очень хочу ему помочь, но как, не представляю.

– Настенька, а ты на сто процентов уверена в его невиновности? Насколько я понял, ты и виделась с ним всего несколько раз. С кем он дружит, как проводит свободное время? А если ты в нем ошибаешься? Может, пусть лучше в этой истории разберутся те, кому положено? Тем более, что у тебя к нему ничего нет.

– Наверно, ты прав, – согласилась Настя. – Но у меня такое чувство, будто он ждет от меня помощи. Ведь не зря Сережа с Натальей поделился – знал, что она мне расскажет. Может, Борис его просил об этом?

– Но что ты можешь сделать?

– Не знаю. Может, для начала с папой поговорить? Он ведь заведует кафедрой, – у него всякие студенты учатся. Может, у кого есть родители из милиции.

– Что ж, попробуй. Хотя я бы не советовал. Думаю, у твоего отца своих проблем хватает – у кого их нынче нет. Ладно, был бы этот парень вам близким человеком.

– Но ведь должен же кто-то за него заступиться? Нельзя же так! А если со мной беда случится и все отвернутся – каково мне будет? Ты только представь.

– Нет, не надо, не пугай меня. С тобой ничего плохого не должно случиться. Но я прошу: если тебя что-то тревожит, делись со мной. Хочу, чтобы ты считала меня своим другом, настоящим другом, хорошо?

– Хорошо, – улыбнулась Настя, – спасибо тебе. Ты такой добрый.

За разговором они незаметно добрались до Настинного двора. Туман стал еще гуще, – свет фонаря почти не пробивал его. Они остановились у ее подъезда и постояли некоторое время молча.

Он решает, можно ли меня поцеловать, вдруг поняла Настя, еще подумает, что я только этого и жду. Надо прощаться. Но как не хочется!

– Я пойду, – нерешительно сказала она, – поздно уже.

– Как нога? Болит? – участливо спросил он.

– Да я как-то притерпелась. Но немного печет.

– Обязательно помажь «Спасателем». У вас есть?

– А что это?

– Мазь такая – сразу боль снимает. И заживет намного быстрее.

– Впервые слышу.

– Давай я в аптеку сбегаю, куплю. Она меня не раз в походах выручала.

– Ой, мне неудобно тебя утруждать.

– Ничего, я быстро.

Он проводил ее до двери и убежал. Дома никого не было. Настя зажгла свет и разулась. Нога выглядела угрожающе: огромный пузырь и краснота вокруг. Она протерла водянку одеколоном и осторожно проколола иголкой. Из отверстия вытекла желтоватая жидкость, и стало легче. Вскоре прибежал Вадим. Настя помазала болячку белой, пахнущей травами мазью, и боль сразу утихла.

– Уже не болит! – изумилась она. – Просто, чудо! Давай, я тебе деньги заплачу, мазь, наверно, дорогая.

– Никаких денег, – отказался Вадим. – Ну, как там рыба?

– Ой, я о ней совсем забыла! – И Настя кинулась в ванну. Рыбина неподвижно стояла на дне. Но едва зажегся свет, она поднялась к поверхности и открыла рот, явно ожидая подачи. Настя опустила в ванну палец, рыбина поплыла к нему, коснулась губами и, недовольно шевеля

хвостом, отплыла. Под брюхом у нее висела длинная черная цепочка. Вскоре она оторвалась и медленно опустилась на дно.

– Опять проголодалась. – Настя покрошила хлеба и немного вареного мяса, – все это толстолобик с аппетитом съел.

– Во прожорливый! – Вадим потрясенно смотрел на рыбу. – Наверно, неделю не ел. Надо у него воду поменять, – вон сколько грязи на дне.

Во время этой процедуры в дверь позвонили. Настя пересаживала рыбку в таз, поэтому пошел открывать Вадим. Настя слабо надеялась, что звонит Наташка или, в крайнем случае, ее братец, но за дверью оказались родители. По затянувшемуся молчанию она поняла, что они изумленно разглядывают гостя. Плюхнув толстолоба в таз, Настя выскочила в прихожую.

– Папа, мама, познакомьтесь, это Вадим, Никитин друг, – затараторила она, покраснев до ушей. – Он мне помогает пересаживать толстолоба.

– Куда пересаживать? – поинтересовался отец. – И зачем?

– Он столько съел: и мяса, и хлеба – ужас сколько! А теперь на дне ванны – ну, сам понимаешь. Вот мы и решили поменять воду.

– Понятно. Что ж, приглашай своего гостя с нами поужинать. Вы, как я понимаю, с вечеринки. Кстати, я вспомнил: этот молодой человек встречал с нами Новый год. А где Наташа с Никитой?

– Мы их потеряли. – Настя покраснела снова. – Я ногу растерла, и Вадим помог мне дойти до дому.

– Чем это ты растерла? И кто тебе разрешил надевать мое новое платье? – сердито спросила мать. – Я за него еще даже не заплатила. Боже, да оно все мокрое!

– Так рыба. Мы же ее пересаживали.

– Нельзя было переодеться? Все платье забрызгала, – теперь стирать придется.

– Извините, мне пора домой, – заторопился Вадим. – До свидания!

– Куда же вы? А поужинать? Да прекрати ты со своим платьем! – сердито прервал жену отец. – Не уходите, оставайтесь.

– Нет, нет, спасибо, мне пора! – И Вадим быстренько ретировался.

– Чего ты к ней прицепилась? Постеснялась бы при молодом человеке! – напустился отец на Галчонку. – Платье пожалела, а дочь позорить не жалко?

– Подумаешь, молодой человек! Рано ей еще кавалеров заводить – пусть сначала школу окончит. Берет без разрешения мои вещи, а ты потакаешь. Если хочешь знать, это платье я взяла у нашей лаборантки, еще сама не мерила. А твоя доченька уже успела его выгваздать.

Не желая больше слушать перебранку родителей, Настя переоделась и пошла в ванную. Толстолоб смиренно сидел в тазу, свернувшись калачиком. Вода не покрывала его спину, но он терпел.

– Бедненький! – пожалела его Настя. – Сейчас я тебе свежей водички налью, страдалец ты мой.

Зашедший в ванную отец заметил:

– Все равно ему в этой воде не выжить: она же хлорированная. Давай его почистим и пожарим. Так охота рыбки жареной.

– Только через мой труп! – отрезала Настя. – Интересно, ты сам ему будешь брюхо вспарывать или меня заставишь? Ты погляди: он же смотрит на нас человеческими глазами.

– Спусти воду, и он уснет.

– Нет! Он не уснет, он задохнется.

– Так что, он теперь здесь навсегда поселится? А купаться где?

– Буду его в таз пересаживать. А потом обратно.

– И долго это будет продолжаться? Может, его сразу отправить в реку, коли так?

– Там вода ледяная, а он уже привык к теплой. Может простудиться. У него начнется воспаление легких.

– У рыбы нет легких, у нее жабры. Чему вас в школе учат?

– Ну, воспаление жабр. Или жабер? Нет уж, пусть живет здесь, пока не потеплеет. Нечего было такого живого приносить. А теперь терпите. Через месяц выпущу его в Дон.

Галчонок с интересом слушала их диалог. По выражению ее лица было видно, что она уже простила дочь и одобряет ее решение. – Что с Федором? – спросила она. – Почему он из-под дивана не вылезает?

– Попытался поймать толстолоба лапой и свалился в ванну. Так толстолоб ему чуть хвост не отъел. Он так орал! Наверно, никак в себя не придет.

Во время их разговора рыбина стояла у края ванны, будто прислушиваясь. Заметив, что Настя опустила ладонь в воду, она подплыла и взяла в рот Настин мизинец.

– Щекотно! – засмеялась девочка. – Он снова есть хочет.

– Нет, вы обе, определенно, чокнутые. Кому расскажешь, со смеху помрут. Ну, шут с вами, делайте, что хотите. – Махнув рукой, отец направился на кухню. – Мы сегодня будем ужинать или нет?

– Сейчас толстолоба покормлю, и будем. Мам, достань яйца и ветчину. И муку – я омлет сделаю.

После ужина отец заглянул в комнату дочери. Та сидела на диване с книгой и усиленно пыталась делать вид, что увлечена чтением.

– Переверни книгу, – хмыкнул отец, – она у тебя вверх ногами. Значит, этого красивого юношу зовут Питером?

– Нет, – улынулась Настя. – Но он у меня с ним ассоциируется. Вадим родом из Питера и очень на него похож.

– И что у тебя с ним?

– Ничего. Просто друзья. Он из Никитино класса.

– Это я уже слышал. Значит, просто друзья? – Отец испытующе глянул на дочь. – А может, не просто? Ну-ка посмотри мне в глаза.

– Ну, он мне нравится, – покраснела Настя. – А что?

– Нет, ничего. Похоже, здесь симпатия взаимная. Что ж, пятнадцать лет – возраст первой любви. Только ты не теряй голову, – а то у вас, нынешних акселератов, все слишком быстро происходит.

– Папа!

– Ладно, ладно, не тушуйся. Как там с физикой?

– А ничего хорошего: скачем галопом по Европам. Уже электричество заканчиваем, а задач толком не решали.

– Не страшно, вы к этому материалу еще вернетесь в десятом классе. Ты, главное, готовь программу лица: решай побольше задач по механике, у них на вступительных проверяют, в основном, этот раздел. Но зато задачи дают довольно трудные. Ты хоть в них разбираешься?

– Да вроде, разбираюсь. Мы с Наташей уже почти всего Рымкевича прорешали. Лизавета сначала делала на нас квадратные глаза, а потом махнула рукой, – учите, что хотите. Даже не спрашивает. Говорит, чего вас спрашивать, – вы и так все знаете.

– Ну, хорошо, дочка, отдохай, не буду больше тебе докучать.

Он вышел. Но едва Настя собралась стелить постель, как позвонил Никита. Тревожным голосом он сообщил, что Наталья домой до сих пор не явилась и неизвестно, где ее искать. И что он уже получил нагоняй от родителей. А когда возразил, что не обязан быть надзирателем этой вертихвостке, они пообещали оторвать ему голову, если с ней что-нибудь случится.

– Настя, пойдем, поищем ее, – робко попросил Никита. – Может, она где поблизости отирается. Дома не вмоготу – меня предки уже задолбали. Пусть только явится – я ей такое устрою!

Насте очень хотелось сослаться на больную ногу, но совесть не позволила. Все-таки родная подруга – а вдруг с ней действительно что-то стряслось? Испросив у родителей согласие, она похромала одеваться.

Ищи ветра в поле, подумала Настя, когда они с Никитой вышли со двора. На темных улицах было пустынно. Туман немного рассеялся, но все равно контуры редких прохожих едва угадывались. Они постояли, размышляя, куда идти, потом пошли направо. С таким же успехом могли пойти налево – вероятность удачи была одинакова. Пройдя два квартала и так никого и не встретив, повернули назад. Часы показали половину двенадцатого. Они снова остановились у ворот и долго стояли, ощущая в душе нарастающую тревогу.

Позади слышались торопливые шаги. Оглянувшись, они разглядели в мутной тьме Вадима, спешившего к ним. Оказалось, он позвонил Никите и, узнав о пропаже Наташки, решил присоединиться к друзьям.

– Может, в милицию ходим? – предложил Вадим. – Сообщат по радиации нарядам, пусть они тоже поищут.

– Если до часу не явится, ходим, – хмуро отозвался Никита.

– А давайте сейчас позвоним. И в милицию, и в «Скорую». – Настя с жалостью глядела на мертвенно бледное лицо Наташкиного брата.

– Не, я домой не пойду, – отказался Никита. – Там меня мать живьем сожрет. Давайте еще подождем с полчаса, а тогда в милицию.

И они снова погрузились в тревожное ожидание, временами поглядывая на светившийся циферблат Никитиных часов. Минут через пятнадцать послышался шум машины. Вынырнувший из темноты милицейский уазик остановился возле их двора – из открывшейся двери выскочила зареванная Наташка в сопровождении пожилого милиционера.

В общем, история с ней приключилась ожидаемая – почти как на новогодней дискотеке. Очередной кавалер показался ей вполне положительным, и она позволила ему себя проводить. Но по выходе из Дворца к ним присоединились двое его приятелей, и они все вместе стали настойчиво звать Наташку в гости, – а когда она заартачилась, просто взяли под руки и поволокли к машине. Хорошо, что у нее хватило ума заорать. Ее вопль привлек внимание проходившего мимо патруля, и всю компанию забрали в отделение. Там их допросили, записали адреса, после чего отвезли Наталью домой. Что стало с теми парнями, ей неизвестно.

Никита поблагодарил милиционера, сделав попытку сунуть ему купюру, но тот вежливо отказался и укатил. Едва машина скрылась в тумане, Наташкин братец схватил сестру за плечи и принялся ожесточенно трясти, приговаривая: – Еще раз... еще раз... такое устроишь... своими руками придушу! Чтоб уже больше никого не мучила!

– Да-а, а кто меня бросил? – вопила Наташка, размазывая слезы. – Эти смылись, а ты пошел свою дылду провожать! А я что – одна должна была возвращаться, да-а-а?

– Марш домой! – прорычал Никита и с размаху дал ей под задницу Наташка взвизгнула и понеслась к подъезду, приговаривая: – Все маме скажу: и как ты меня бросил, и что дерешься! – Мрачный Никита, не попрощавшись, пошагал следом.

Вадим с Настей молча глядели им вслед. Правота Наташки была очевидна, как и их общая вина, оставалось только благодарить Бога, что все закончилось благополучно. Когда брат с сестрой скрылись в подъезде, Вадим обнял Настю и притянул к себе. От неожиданности она онемела, неловко ткнувшись носом в его куртку.

– Обещай мне беречь себя, – глухим голосом произнес он. – Если с тобой случится беда, мне будет очень больно. Обещаешь?

Не поднимая глаз, она кивнула и, вывернувшись из его объятий, побежала через двор. Но у подъезда не выдержала, оглянулась. Он стоял, ссутулившись, на прежнем месте. Насте мучительно захотелось вернуться и еще раз прижаться к его куртке, – но, устыдившись, она стремительно нырнула в полумрак подъезда и понеслась к себе.

После этого случая Наташку вообще перестали выпускать по вечерам из дому. На ее возмущенные вопли Никита молча показывал внушительный кулак. Но однажды во время очередной истерики не выдержал и выдал:

– Ну, скажи, скажи, почему к тебе вечно цепляется всякая мразь? Почему к Насте и к другим порядочным девчонкам такие не пристают, а к тебе моментально?

– Откуда я знаю! – ревела Наташка.

– А я скажу: потому что ты так себя ведешь! Все эти твои ужимки, дурацкое кокетничанье и хихиканье умному парню до лампочки, а всяким подонкам, – то, что надо. Сама напрашиваешься! Сиди дома и носа не смей высовывать, пока не поумнееешь.

С горя Наталья еще усерднее налегла на учебу. Тройки по математике совсем исчезли из ее дневника, да и с русским наладилось. Благодаря частым диктантам она почти перестала делать ошибки. Но зато другие предметы были в сплошном пролете – на них ее усердие не распространялось.

– Ты что, совсем спятила? – возмутилась Настя, когда подруга схватила третью пару по химии. – Скоро конец четверти, а у тебя с химией полный провал. И по истории ни одной оценки, даже рефераты не пишешь.

– Так ведь их в лицей не сдавать, – беззаботно ответила Наташка. – Тройки во всех случаях в аттестат поставят, а больше мне не надо.

– А в лицее как будешь химию учить? Там ее по вузовскому учебнику изучают, а ты в основах ни бум-бум.

– Да, а если я не поступлю? Буду зубрить, как дура, эту химию, а она мне потом не понадобится.

– Натка, нет, ты невозможная! Можно подумать, что ты учишься ради оценок или лицей, а не ради того, чтобы просто знать. Неужели тебе ни капельки не интересно?

– На химии ни капельки! Более занудного предмета я не знаю. Не буду ее учить ни за какие коврижки. Мне и тройка хватит. А история – это вообще полный бред. Сегодня нам одно внушают, завтра другое. А послезавтра еще чего-нибудь придумают. Три учебника – и во всех история разная. Разве это наука?

– Ну тебя в болото! – рассердилась Настя. – Делай, что хочешь, только потом не обижайся. Как ты к предмету относишься, так и он будет к тебе, – по третьему закону Ньютона.

В общем, полностью убедить эту лентяйку Насте не удалось, но все же их разговор не прошел даром: Наталья слегка напряглась и стала уделять внимание остальным предметам. Тем более, что мартовская погода этому способствовала: практически весь месяц то дождь, то снег, а под конец и вовсе начались пыльные бури при минусовой температуре, – носа не высунешь на улицу.

– Будет, наконец, весна в этом году или нет? – тоскливо ныла Наташка, вглядываясь в хмурое небо. – Весь март ни одного солнечного денечка – ну сколько можно? Хочу на травку.

– Придет апрель, будет тебе и травка, и солнышко. А пока зубри: до экзаменов меньше трех месяцев.

Настя пару раз спросила Сережу Новикова о судьбе Бориса, но тому ничего не было известно. С отцом она на эту тему так и не поговорила, не решилась. Сначала совесть ее немного мучила, потом собственные заботы и проблемы оттеснили мысли о парне на второй план.

Однако через пару недель, выйдя из школы, Настя внезапно увидела Бориса, поджидающего ее на привычном месте.

- Выпустили? – облегченно спросила она.
 - Отец бабки заплатил, и отпустили, – мрачно ответил он.
 - Кому заплатил?
 - Да той девке. Чтоб написала заяву, что обозналась.
 - И она взяла?
 - А то! Ей только того и надо было. А из гимназии меня поперли.
 - Как поперли? Ты же ни в чем не виноват.
 - А кому это надо? Как только меня взяли, на следующий же день вывесили приказ. Чтобы, значит, не нести ответственность.
 - Но ведь тебя отпустили. Требуй, чтоб восстановили.
 - Отказали. Отец ходил к начальству – сказали, что мое место уже занято. Там у нас есть воскресная школа для желающих – как только кого отчисляют, сразу его место занимает один из них. Да я и сам обратно уже не хочу. Будут на меня косо глядеть да пальцем показывать.
 - И что теперь будешь делать?
 - Не знаю. Пока буду отцу помогать, – он торгует на вещевом рынке. Перекантуюсь до армии, а там посмотрю. Девятилетка у меня есть – может, потом пойду в вечернюю школу. Если дальше учиться захочется. А ты как?
 - Да все по-прежнему. Учусь, в основном.
 - Парень у тебя не появился?
 - В твоём понимании – нет, я ни с кем не гуляю. Но скажу тебе по секрету: мне очень нравится один человек.
 - А ты ему?
 - Кажется, тоже.
 - А кто он?
 - Это секрет. Не спрашивай, все равно больше ничего не скажу.
 - Значит, у меня никаких шансов?
 - Ты же это знал с самого начала. Борис, не обижайся, пожалуйста. Ты хороший, но мы с тобой разные люди. Давай остаемся друзьями?
 - Ладно. Что думаешь делать после девятого?
 - Будем с Наташей поступать в лицей при Политехе. Трудно, но мы попытаемся. Там ее брат учится.
 - Ого, куда вы замахнулись! Тогда действительно тебе не до гулянок. Но мне можно хоть иногда тебя видеть?
 - Конечно, о чем речь! Приходи, когда захочешь. Много времени я тебе уделять не смогу, но иногда пообщаться – почему нет? Может, чем тебе помогу или ты мне.
- Он проводил ее до дома, печально постоял несколько минут, повздыхал и, наконец, ушел. Потом еще пару раз навестил, а затем совсем пропал. Много времени спустя Настя встретила его в парке, – он шел, держа под руку симпатичную полненькую девушку, и выглядел вполне довольным жизнью. Мысленно порадовавшись за Бориса, Настя незаметно свернула в боковую аллею.
- Перед самыми каникулами Никита огорошил подружек сообщением, что в лицей уже подано заявлений – выше крыши. Там же всего пятьдесят мест. Уже три человека на место, – а что будет в июне? – Вы когда собираетесь подавать? – сердито спросил он. – Чего тянете кота за хвост? Всего делов: пойти да записаться. Особого приглашения ждете?
- А куда спешить? – отмахнулась Настя. – Там заявления принимают до середины июня. Успеем еще. Подадим на каникулах.
 - Ну-ну, тяните. Дождетесь, что прием прекратят или еще чего придумают.
- И как в лужу глядел. Явившись в приемную лицейя, подружки с ужасом прочли, что при конкурсе более пяти человек на место к экзаменам допустят только абитуриентов с аттестатами

без троек. К Наташкиному ужасу, конечно, ведь Насте светили только пятерки, тогда как ее подруге грозили целых четыре тройка.

– А я тебе что говорила? – выговаривала ей Настя. – Тройка по истории – это вообще маразм! Ты что, даты не в состоянии запомнить? А химия? Скажи спасибо, что химичка тебя пожалела по доброте душевной. А то могла бы и пару в четверти вкатать – при твоих знаниях.

– Это ты виновата! – ныла подруга. – Ты меня плохо заставляла. Меня не уговаривать надо, а действовать силой.

– Силой – это как? Лупить, что ли?

– И лупить! А что? Если я иначе не понимаю. Бери ремень и лупи, разрешаю.

– Больше ничего не придумала? Кому больше надо – тебе или мне?

– А тебе не надо? Ты что, не хочешь, чтоб я поступила? Тогда так и скажи. Подруга называется!

– Я тебе сто раз говорила: берись за химию, – ты здорово слушала? Завтра же иди на консультацию, – химичка двоечникам на десять утра назначила. Виляй перед ней хвостом, стелись половичком, но чтоб она позволила тебе по частям пересдать хвосты. И зубри, зубри, зубри!

– А история? А география? А физкультура? Разве все исправишь?

– Исправишь, если захочешь! Будешь делать все задания и не пропускать уроки, – историк и Ксения тебе четверки поставят, они люди покладистые. А физкультуру не надо прогуливать, и все. В лицее вообще пропускать занятия нельзя: там пару раз сбежишь – и на педсовет. А еще раз прогуляешь – и привет.

– Господи, прямо казарма какая-то! Насть, может, не надо туда, а? Ни разу не косануть – я так не смогу.

– Тогда нечего и соваться. Оставайся в школе и не морочь мне голову.

– Не, я без тебя не хочу. Надо распустить слух, что лицей плохой, чтобы больше заявлений не подавали. Тогда, может, допустят и с тройками.

– Натка, нет, ты невозможная! Только тебе такое могло взбрести в голову.

– Ну, хорошо, хорошо, я их исправлю. Ну, исправлю, я же сказала, чего ты на меня уставилась?

– Посмотрим. Легко сказать, да трудно сделать.

Глава 9. Встреча в автобусе

Но вот, наконец, и весенние каникулы. Правда, радости мало: то дождь, то снег, то льет, то сыплет. Теперь это называется весна.

Наконец, на третий день каникул выглянуло солнышко. И природа сразу повеселела: лужи заблестели, воробьи зачирикали, асфальт стал быстро подсыхать и почки на жерделах из коричневых бугорков превратились в темно-розовые шарики, готовые вот-вот лопнуть и выпустить на свет жемчужные лепестки.

Наталья с утра унеслась на ярмарку присмотреть себе ботинки, сапоги уже были не по сезону. Настя не захотела с ней идти. Весенняя обувь у нее была прошлогодняя, поэтому она решила посмотреть свое любимое «Дог-шоу». Но только уселась перед телевизором, как затрещонил телефон. Подруга решительно потребовала, чтобы Настя немедленно приехала на рынок: сама она ну никак не может ни на чем остановиться. Насте очень хотелось послать ее подальше, но совесть не позволила, – пришлось одеваться и тащиться на ярмарку.

Там было народу – не протолкнуться. Настя еле отыскала возле обувных рядов Наташку, – та примеряла уже десятую пару. Пожилая кореянка терпеливо доставала из коробок все новые и новые ботинки, стараясь угодить привередливой покупательнице. Когда Настя пробилась сквозь толпу, Наталья вертелась у стоящего на земле зеркала, разглядывая свои ноги в остроносых полуботинках на немыслимой шпильке: не каблук, а просто гвоздь со шляпкой.

– Настя, как они тебе? – важно спросила Наташка, задрав ногу, чтобы продемонстрировать обновку. В этот момент у нее подвернулась вторая нога, и она, хватая руками воздух, загнула прямо на расставленные коробки, – те дружно рассыпались по мокрому тротуару.

– Нисего, нисего... – торопливо заговорила кореянка, помогая ей подняться. – Сицяс уберу.

– Сними их сейчас же, пока каблук не сломала, – зашипела Настя. – Ты же в них двух шагов не сделаешь. Смотри, уже вымазала в грязь.

Красная Наталья с натугой стянула ботинки. – Такие классные! – огорченно проныла она. – Под мои джинсы так бы смотрелись.

– Идем отсюда, – потянула ее за руку Настя, – пока тебя не заставили платить за испачканную обувь. Смотри, сколько коробок помяла своим задом.

Наталья нехотя последовала за ней. Они дважды обошли обувные ряды, пока Наташка не остановила выбор на симпатичных полусапожках с невысоким устойчивым каблукочком. Настя одобрительно кивнула, и подруга, немного покрутив носом, все же расплатилась с улыбочивым корейцем. Тому хорошенькая покупательница так понравилась, что он на прощание подарил ей коробочку с обувным кремом.

– Господи, когда же я буду сама денежки зарабатывать? – мечтательно стонала Наташка по дороге к автобусной остановке. – Чтоб покупать, чего хочется. Представляешь, иду я вся в шикарном прикиде, и вдруг возле меня останавливается хорошенькая иномарочка и из нее выходит Он!

– А тебе не кажется, что иномарочки внезапно останавливаются возле девиц легкого поведения? – съязвила Настя. – И на какие такие заработки ты собираешься шикарно прикидываться? Может, сначала определишься с профессией?

– Ну тебя, Настя! Вечно ты настроение испортишь. Помечтать нельзя, что ли? Может, я на такую работу устроюсь, где платят в валюте? В какой-нибудь крутой банк.

– Чтобы платили хорошо, надо учиться хорошо. И работать много.

– Нет, с тобой ни о чем невозможно разговаривать! У тебя одно на уме: учиться, учиться, учиться! Прямо как дедушка Ленин. Некоторые и без учебы прекрасно устраиваются. Вон

Лешка с третьего подъезда – в казино приткнулся. Уже на «Ауди» раскатывает. А учился – мать без конца в школу вызывали. Помнишь, как она его лупила прямо во дворе?

– Ну и что? Тебе нужны такие деньги? Да пусть бы мне хоть миллион платили, я бы ни за что туда не пошла. Не зря говорится: если с головой беда, в казино ступай тогда.

– Потому что ты несовременная! Так и помрешь какой-нибудь инженершей или учительницей. А я хочу хорошо жить. Богато.

– Хорошо и богато – не одно и то же. Ладно, давай кончать этот разговор, а то опять поругаемся. Вон наш автобус подходит, бежим.

В обратный автобус народ набился под завязку – подруги еле протиснулись к кабине водителя, где было не так тесно. У окна на месте для пассажиров с детьми развалился долговязый парень, а рядом пыталась примоститься толстая тетка с двумя большими кошелками. Колени парня были широко расставлены, из-за чего тетка все время сползала с сиденья. Наконец, она не выдержала.

– Молодой человек, вы бы сели поаккуратнее, – раздраженно сказала тетка, – больше половины сиденья занимаете.

Тот не шелохнулся, продолжая глядеть в окно. Тетка ожесточенно заерзала, стараясь усесться поудобнее, но парень расставил колени еще шире.

Народ с возмущением наблюдал эту сцену. Первой не выдержала Наталья.

– Я вот все думаю: почему мужчины всегда сидят с растопыренными коленками? – громко обратилась она к окружающим. – Женщины сидят аккуратно, коленочки вместе, а мужской пол расставляет их аж под углом сто двадцать градусов.

– Так им мужское достоинство мешает, – насмешливо отозвалась дама в шляпе. – Как плохим танцорам.

– Точно! – заржал парень. – Мое достоинство требует много места.

Сидевший напротив пацан лет семи услужливо захихикал.

– Хамство никогда не было признаком ума. – Настя осуждающе посмотрела на парня. В этот момент пацан оглянулся, и девочка вспомнила: это он стрелял в птиц.

Пацан тоже узнал ее. – Толян, это она, – тихо сказал он, с ненавистью глядя на Настю. – Помнишь, рогатку разломала, что ты мне сделал?

Парень уперся в Настю тяжелым взглядом, от которого ей стало не по себе. Тут в разговор вмешался пожилой мужчина в военной форме. – Ну-ка, встань! – потребовал он, обращаясь к парню. – Женщины стоят, а ты развалился, – совести у тебя нет!

Парень смерил его презрительным взглядом и снова уставился в окно. Пассажиры возмущенно загудели.

– Остановите автобус! – обратился военный к водителю. – Тут одного наглеца надо высадить.

Автобус остановился. Молча встав, парень направился к открывшимся дверям, пацан последовал за ним. Уже в дверях парень оглянулся, и Настя снова почувствовала на себе его тяжелый взгляд. Потом двери закрылись, и автобус покатил дальше.

– Чего он на тебя выверился? – обеспокоилась Наталья. – Ты его знаешь?

– Самого нет, а тот мальчишка у меня под окном птиц стрелял. Еще зимой. Когда я с Вадимом познакомилась, помнишь? Я тогда его рогатку разломала и пообещала уши надрать, если еще раз в нашем дворе увижу. А он мне братом пригрозил. Надо же, – сколько времени прошла, а не забыл. Маленький, а какой злопамятный.

– Выходит, он знает, где ты живешь? Смотри, будь осторожнее: мне не понравилось, как этот тип на тебя смотрел. Еще устроит какую-нибудь пакость.

– Да ну, боялась я всяких.

Дома уже на лестничной площадке Настя почувляла сладкий запах ванили. Бабушка приехала, обрадовалась она. Бабушка Зара, мама Галчонка, пекла потрясающие плюшки и ватрушки, от аромата которых у любого слюнки текли, а уж у Насти и давно.

– Зарочка приехала, ура! – завопила она, повисая на шее бабушки. – Ка-ак хорошо! Ты надолго?

– На пару деньков, если не прогоните. Хочу Федора забрать: мыши замучили. Может, хоть от запаха кота поубавятся. Ах ты, моя красавица, да как же ты выросла, Настюшечка-душечка! Небось, кавалеры проходу не дают.

– Зара Варгановна, да разве вы способны мышонка прибить, вы их во двор выпускаете, признайтесь, – пошутил отец.

– Нет, я их в поле выношу – не рядом с двором. Пусть бегают, им тоже жить хочется.

Бабушка Зара физически не могла поднять руку на живое существо. Она жалела всех, включая мух и комаров. Доходило до анекдота. Однажды отец застукал ее на кухне за странным занятием: открыв настежь форточку, она что-то выбросила из сжатого кулачка. Оказалось, таракана.

– Почему вы не раздавили его? – возмутился отец. – Хотите, чтоб обратно приполз?

– Как можно, ему же будет больно! – всплеснула руками бабушка. – Представь, если бы тебя раздавили. Как бы твои косточки захрустели?

– Я не таракан! И не ползаю по чужим тарелкам. Сравнили!

– Он не виноват, – его Бог таким сделал. Он тоже любит свою спинку. Потому и убегает, сломя голову. Думаешь, не понимает, что его хотят прибить?

После этих разговоров отец молча крутил пальцем у виска и уходил из кухни. С бабушкой Зарой спорить было невозможно: на любое возражение у нее всегда был готов контраргумент. А в трудных случаях она просто апеллировала к Всевышнему, который почему-то всегда оказывался на ее стороне.

По окончании церемонии объятий внучка потащила бабушку в ванную. Увидев толсто-лоба, немедленно выставившего из воды рот, та пришла в восторг:

– Ой, какая прелесть! Она кушать хочет. А как ее зовут?

– Ее зовут Рыба. А папа на нее все время покушается. Ба, что с ней делать? Она все ест и такая непряхотливая: даже вода с хлоркой ей нипочем. Может, в дедушкин пруд?

– Конечно! Можно еще и ее приятелей запустить – сейчас прудовую рыбу везде продают. Артурчик обещал за мной приехать, тогда и заберу ее с Федором, пусть поплавает на воле. Ну, а ты как? С мальчиками уже целовалась?

– Мама, у вас одно на уме! – возмутилась Галчонок. – Ей об учебе надо думать: в самый трудный лицей поступать собралась.

– Ай, зачем ей лицей? Такую красавицу и без лица возьмут. Шестнадцатый год – как же без мальчиков? Я в ее годы твоего старшего брата под сердцем носила.

– Мама, прекратите ваши глупости! Сейчас другое время. Пусть сначала высшее образование получит, а потом о кавалерах думает.

– Так ей сколько тогда будет? Старой девой будет. Кто ее тогда возьмет? Внучка, глупая у тебя мать, не слушай ее. Меня слушай.

– Все, закончили! – скомандовал отец, заходя в ванную. – Больше не о чем спорить? Давайте обедать, уже терпения нет.

– Ну, поделись с бабушкой, есть у тебя мальчик? Кого любишь? – снова принялась приставать к внучке Зарочка, когда они вечером уединились в комнате.

– Нет у меня никого, – отнекивалась Настя. Но та не отставала.

– Ай, как нет! Зачем неправду говоришь? С родной бабушкой поделиться не хочешь. Я же не твоя мать – она всегда скрытной была. Не бойся, я ей ничего не скажу.

– Да не боюсь я. Ба, давай я на раскладушке лягу? Люблю спать на раскладушке – как будто летом на балконе. А ты на моем диване. Положено: гостю место.

– Ладно, стели. Что, ни разу на свидании не была? Неужели никакой мальчик не нравится? Это плохо.

– Почему плохо?

– В твои годы надо, чтоб мальчики нравились. Ты наполовину армяночка, в тебе южная кровь течет. Если никто не нравится, надо к доктору.

– Да все у меня в порядке. Ладно, скажу: нравится один. Только он на три года старше.

– Это хорошо, что старше. Так и надо. А ты ему?

– Не знаю. Иногда вроде нравлюсь, а иногда... Все каникулы прошли, а всего два раза виделись. Он друг Никиты, вместе лицей оканчивают, куда я буду поступать. Его Вадимом зовут.

– А фамилия?

– Не знаю.

– Не знаешь? Нравится, а фамилию не знаешь? А вдруг он какой-нибудь нерусский?

– Ба, а я кто? А ты? Какая разница: русский, нерусский? Помнишь, как в мультике про поросенка: главное не кто ты, а какой ты.

– Ну, все-таки... Ты в России живешь – лучше, чтобы русский.

– Да у меня с ним ничего нет! Просто нравится – и все. Один раз показалось, что он ко мне тоже что-то испытывает, – когда он меня в клуб пригласил перед каникулами. А потом – ничего.

– Тогда он глупый. Такая девочка! Если старше на три года, значит, ему восемнадцать уже. Уже женщина нужна – на что ему девочка? Забудь его – другого найди.

– Ба, как ты можешь! Неправда, никого у него нет. Он в институт готовится, занимается много. И потом – как это: «найди другого»? Если один человек нравится, то никто другой уже не нужен. Это ведь от меня не зависит.

– Молодая ты еще, глупая. Ладно, давай баиньки. Завтра побольше о нем расскажи. Так, значит, ты еще с ним не целовалась? Правду скажи.

– Ба, да ты что? Конечно, нет! Я же тебе сказала: ничего нет. Нравится – и все. И вообще, мне в лицей надо готовиться. Вот поступлю, тогда буду влюбляться.

– Бедняжка! Даже любить ей некогда. Самое лучшее – и все потом, потом. Ну, спи, голубка моя. Дай, я тебя в щечку поцелую.

Глава 10. Чужая беда

Первый школьный день после каникул прошел под знаком любви и дружбы. Перед лицом скорой разлуки, и возможно навсегда, девятиклассники погрузились и сделались подчеркнуто внимательными друг к другу. Слухи о том, что Снегирева с Белоконовой намылились в лицей при Политехе, все-таки просочились, но особенного ажиотажа не вызвали, поскольку добрая половина девятиклассников тоже наострила лыжи – кто куда. Только завучиха, встречая Настю в коридоре, грустно качала головой да математичка Светлана недвусмысленно дала подругам понять, что категорически не согласна с их предательством. Просто взяла и вкатала Насте подряд две четверки – ни за что. А Наталье вообще вклеила тройку за пустяковую ошибку. Но подружки даже не стали выяснять с ней отношения: ясно же, что Светлана так поступила с горя. Как же, ее самая большая надежда и опора уходит, да еще и подружку с собой уводит, – когда та, наконец, поладила с алгеброй и выбилась в хорошистки. Выходит, трудилась-трудилась, возилась с ними едва ли не с начальной школы – и все напрасно, пожинать плоды на выпуске будет кто-то другой.

Возвращаясь из школы, Настя стала свидетельницей конфликта, уже давно расколовшего их двор на жалельщиков бродячих псов и их ненавистников. Возле мусорного бака, грустно понурясь и став от этого еще миниатюрней, топталась бабушка Зара, а на нее наседали дворничиха, грозно размахивая метлой.

– Еще раз увижу, что псов приваживаешь, прямо этой метлой огрею! – орала дворничиха. – А семейку оштрафую! Не смей больше их кормить! Всю песочницу загадили!

– Но, как же не кормить? – жалобно лепетала Зарочка. – Они так нуждаются! Вон как животики присохли. Ты же кошек не гоняешь, а они тоже – в песочек.

Три разнокалиберных пса за мусорными баками молча ожидали окончания разборки.

– Не твое армянское дело! У себя дома распоряжайся! От кошек польза! Уйдут кошки – придут крысы. А псы мало что гадят, так еще на людей бросаются. Вон давеча малышка целая стая чуть не порвала. Чтоб я больше этой кормежки не видела, последний раз предупреждаю!

Сокрушенно качая головой, Зарочка направилась к подъезду. Псы, не солоно хлебавши, гуськом побрели со двора.

– Ба, не расстраивайся, – догнала ее Настя. – Ты собирай косточки или что там еще, а я буду в школьном дворе собачек подкармливать. Там их все жалеют – они добрые и никого не трогают. И сторожиха не ругается, они ведь ночью двор охраняют. Знаешь, какой лай поднимают, если бомжи или хулиганье забредут. Ты складывай в кулек, а я буду забирать. А захочешь сама покормить, пойдем вместе.

Сбегав на улицу, она положила под дерево бабушкино угощение: размоченные в бульоне корочки хлеба с костями. И сейчас же прятавшиеся за углом собаки потянулись к еде.

– У тебя или у меня сегодня обедаем? – позвонила Наталья. Они давно уже перешли на совместную кормежку, дабы зря не терять время на готовку: за едой можно было обсудить самые животрепещущие вопросы, чтобы потом уже ни на что не отвлекаться.

– Давай у тебя. – Настя втайне надеялась что-нибудь узнать о Вадиме: может, объявится или хотя бы позвонит Никите. Ей очень хотелось спросить о нем, но она терпела, не хотела лишней раз привлечь Наташкино внимание. Ведь та такая ушлая: моментально просечет, что к чему, а потом Никите натреплет о Настинем повышенном интересе.

За все каникулы Настя так и не увидела Вадима – если не считать той дискотеки. Сначала ждала, что он зайдет или хотя бы позвонит, – но время шло, а ничего не происходило. И Настя крепко загрустила. Ведь тогда, после памятного объятия и его слов, полных заботы и участия, она была почти уверена, что небезразлична ему. И вдруг все – полное молчание. Но в глубине души она продолжала надеяться, и каждый день втайне чего-то ждала.

Сидя у Натальи в комнате, Настя напряженно прислушивалась к звукам за стеной. Вот хлопнула дверь: это пришел Никита. Зазвонил телефон, потом умолк и послышался голос Наткиного брата:

– Вы не знаете, почему Туманов опять не был в лицее? Я звоню, звоню, у них никто не отвечает.

Туманов? У Насти екнуло в груди. Это, наверно, он. Это наверняка его фамилия, ведь она ему так подходит. Туманов – туманный, как его город, как его душа. Вадим Туманов – о, как прекрасно это сочетание! Вадим, я хочу тебя увидеть! Почему ты пропал?

И будто услышав ее мольбу, в комнату заглянул Никита.

– Представляете, девочки, какая у Вадима беда: с Дениской совсем плохо. Уже неделю жарит под сорок, и никакие антибиотики не помогают. Отец у них снова в командировке, а они с матерью по очереди дежурят в больнице. Такой славный пацан, вот жалко!

– А кто это? – осторожно спросила Настя. – Дениска? Младший брат Вадима.

– У Вадима есть брат?

– Ну да, а ты что – не знала? Десять лет хлопцу. Такой умный, из шахматной секции, бывало, не вытащишь, и вдруг месяц назад как сглазили. Только сядет за уроки – сразу «не могу, голова болит». Вадим однажды хотел дать ему по шее, чтоб не придурился, а он голову в плечи втянул и так жалобно попросил «не бей меня, мне плохо». – И вырвал. Его к врачам. Взяли кровь, а там – ужас! Положили в больницу, обследовали: красная волчанка системная. В общем, конец света.

– А что это?

– Типа рака соединительной ткани. Неизлечимо.

– Как? Он что, умрет?

– Да, говорят, долго не протянет. Нет, врачи пытаются спасти, – кровь ему переливают. Недавно за дикие бабки какое-то суперновое лекарство достали. Сказали, организм молодой, может, справится. Но надежды мало. Их мать прямо с лица спала, плачет и плачет. И Вадим – просто посерел. Уже неделю в лицее не был.

– А давайте сходим к нему в больницу? – встрепенулась Наташка. – Фруктов отнесем или еще чего. Может, поможем чем. А ты, Никита, тоже мог бы иногда подежурить, все-таки он тебе друг. Хоть поспит. Пойдемте сейчас?

– Но я даже не знаю в какой он больнице.

– Так узнай! Звони подряд во все приемные, – в конце концов, попадешь, куда надо. Не так уж их много.

Больницу, где лежал Дениска, они нашли быстро, – помогла его классная руководительница. Их сразу впустили в палату, только попросили долго не утомлять больного, – мальчик очень слаб. Вадим сидел возле постели дремавшего брата. При взгляде на него у Насти заныло сердце, таким усталым и осунувшимся было его лицо.

– Вот, Настенька, какая у нас беда, – сказал он, глядя на нее покрасневшими от недосыпа глазами. – Не знаю, как справимся.

– Говори, что надо, – вмешалась Наташка. – Что купить, приготовить? Мы апельсины принесли и шоколад.

– Спасибо, но он почти не ест. Насильно заталкиваем. Мне самому ничего в горло не лезет. Только спать дико хочется. Он всю ночь метался, а сейчас вроде задремал. Может, полетчало.

– Вадим, а вы поспите, – предложила Настя. – Я посижу с ним, а вы идите, прилягте где-нибудь. А потом меня Наташа сменит. Вы только скажите, что надо делать.

– Вот спасибо! – обрадовался Вадим. – Я на свободной койке лягу. Немного посплю, а то совсем отупел, – ничего не соображаю. А Наташе не надо, мама скоро придет. Ты ничего не делай, просто посиди. Если он проснется, дай ему попить из этой баночки. Он только компот

пьет или воду. Ох, ребята, какое великое вам спасибо! Вы даже не представляете, как я вам рад. А то такая безнадега, – хоть сам ложись да помирай.

– Мы теперь будем каждый день приходиться и по очереди дежурить, – распорядилась Наталья. – А ты, Никита, приноси Вадиму задания и помогай, чтоб он совсем не отстал. Что же ты молчал до сих пор? – напустилась она на Вадима. – Мы же друзья! Не в пустыне живешь.

– Да как-то в голову не пришло. Растерялись мы с мамой. Она за работу страшно переживает: вдруг уволят, как тогда жить?

– А ваш отец знает?

– Нет, он звонил неделю назад, но мы ему ничего не сказали, думали, обойдется. А Дениске все хуже и хуже. Мама побоялась отцу говорить. Он же на задании – расстроится, еще и с ним что-нибудь приключится. Но теперь придется сказать.

Вадим лег и сразу отключился. Наташка подмигнула Насте, и они с Никитой на цыпочках вышли. Настя осталась наедине со спящими братьями.

Как они не похожи, думала она. Никогда не скажешь, что братья. Дениска беленький, кожа бледная, прозрачная, лоб высокий, выпуклый. А Вадим смуглый, чернявый и лоб у него совсем другой формы. Но какой красивый! Вот он спит, а я смотрю на него и не могу насмотреться. Я люблю его, да, люблю. И, кажется, он это понимает.

Она почувствовала на себе чей-то взгляд и резко обернулась. Широко раскрыв серые глаза, на нее смотрел Дениска. Настя приложила палец к губам и показала на Вадима.

– Пусть поспит, – прошептала она, – он только что прилег. Тебе дать чего-нибудь? Хочешь компоту?

– Ты Настя? – тихо спросил мальчик. – Мне Вадим про тебя рассказывал.

– Настя, – подтвердила она. – А что он рассказывал?

– Что ты ему нравишься. У него твоя фотокарточка есть, он мне показывал.

Будто горячей волной обдало Настю. Она украдкой быстро взглянула на Вадима – вдруг он слышит. Но тот, уткнувшись носом в подушку, крепко спал.

– Ты его любишь? – Недетский испытующий взгляд мальчика, казалось, проникал прямо в душу. Не имело смысла перед ним притворяться. Вдохнув, она молча кивнула.

Он отвернулся и долго глядел в окно. Потом спросил:

– Я умру?

– Ты что! – шепотом воскликнула Настя. – Даже и не думай об этом! Тебя обязательно вылечат.

– Я умру, – утвердительно произнес Дениска. – Я это чувствую, я знаю.

– Тебе больно?

– Нет, мне никак.

– Как это – никак?

– Я будто падаю. Падаю, падаю. Внутри так пусто. Не знаю, как сказать. Пусто и холодно. А когда поем, сразу так тяжело. Хочется все вырвать.

– Все равно надо кушать, иначе точно умрешь. Может, тебе апельсин почистить? Или шоколадку?

– Разбуди Вадима.

– Не надо. Пусть поспит.

– Я писать хочу.

Настя растерялась. Вот так ситуация. И что теперь делать? Может, правда, разбудить Вадима? Но он так сладко посапывал, что ей стало его жаль. Ведь только что заснул.

– Я медсестру позову. – И она выскочила из палаты. В больничном коридоре было пусто. Она заглянула в одну палату, в другую, – везде были только больные. Наконец, в конце коридора Настя обнаружила кабинет, где сидели несколько человек в белых халатах.

– Там мальчик хочет по-маленькому, – смущенно сказала она.

– Так дайте ему утку, – раздраженно ответили ей. – Что вы с пустяками приходите?
Настя вернулась в палату. Денис выжидающе смотрел на нее.

– Давай, я дам тебе утку, – предложила она, плохо представляя себе, что это такое. – Где она?

– Под кроватью.

Нагнувшись, Настя достала белый продолговатый сосуд и растеряно посмотрела на него.
Что дальше?

– Сунь под простыню, – предложил мальчик. – Я попробую сам.

Он повожился под простыней, пытаясь пристроить судно, но у него не получилось.

– Не могу больше терпеть. Больно! – Он едва не заплакал. – Разбуди Вадима.

Глядя на это бледное личико с глубокими тенями под глазами, Настя почувствовала, как ее затапливает бесконечная жалость к беспомощному малышу.

– Не надо. – Она решительно отдернула простыню. – Я тебе помогу.

Настя увидела впалый живот, худенькие ножки и то, что отличало его пол от ее, что она видела раньше только на картинке в учебнике. Взяв маленький пенис двумя пальцами, она пристроила его к горловине судна. Дениска напрягся, и Настя увидела, как по эмалированной поверхности потекла мутная струйка.

– Это все? – растерянно спросила она. – Так мало? Ты же говорил, что уже не можешь терпеть.

– Больше не получается. Хочу еще, но не могу. Там в коридоре справа туалет, вылей. И сполосни.

Когда Настя вернулась, Вадим сидел на кровати, протирая руками глаза. Увидев в ее руках судно, упрекнул брата:

– Что же ты меня не разбудил?

– Я ей говорил, а она не захотела, – жалобно ответил мальчик и вдруг тоненько заплакал.

– Дениска, не надо, не плачь! – Настя наклонилась к мальчику и поцеловала его. А тот, с усилием приподнявшись, обхватил ее за шею и тесно-тесно прижался.

– Ты придешь еще? – горячо зашептал он. – Скажи, придешь?

– Конечно, приду, завтра же приду. Что тебе принести?

– Не знаю. Принеси, что хочешь. Только приходи, – обещаешь? И бессильно упал на подушку. Вадим молча наблюдал за ними.

– Первый раз вижу, чтоб он незнакомого человека обнял, – сказал он, провожая ее до дверей больницы. – Всегда чужих дичился.

– Что врачи говорят?

– Плохо. Нет, какое-то время они его потянут. Завтра снова кровь перельют. Только это все... – Он безнадежно махнул рукой. – Тает, как свечка. Маму жалко. А когда отец узнает, то вообще... Он же на него молится. Как мы будем без Дениски, не представляю.

Тут лицо его дрогнуло, и он, быстро пожав ей руку, скрылся за больничной дверью.

Настя немного постояла, с трудом пытаясь сообразить, куда ей теперь. Мир вдруг гнеуще переменялся: стал тусклым и безрадостным, даже небо потемнело. А ведь еще утром все было другим. Она дурачилась с Наташкой, сидела на уроках, мечтала о Вадиме и даже не подозревала, что на свете есть такое страдание. Это чужое страдание, связанное с юношей, которого она любила, внезапно заслонило весь мир, сделав ее собственные проблемы просто микроскопическими. И вдруг она поняла, что никогда больше не будет прежней беззаботной девочкой, – сострадание резко сделало ее старшей.

Наконец она сообразила, куда ей надо, и медленно побрела домой.

– Где ты пропадала? – Возмущенный тон матери диссонансом прозвучал в Настинном мире, полном скорби и печали. – Наталья давно дома, а ты все где-то бродишь.

– Погоди на нее кричать, видишь, она не в себе, – остановил отец жену. Он близко подошел к дочке и заглянул ей в глаза. – Что случилось, котенок?

– О, папа! – Настя уткнулась в родную грудь и с облегчением заплакала. – Папочка, как мне его жалко!

– Кого? Ну-ка успокойся и расскажи все по порядку.

И Настя рассказала о маленьком мальчике, которому не суждено стать большим.

– И что теперь? Ты решила сделаться сиделкой? А как же лицей? – Возмущенный тон матери так не соответствовал душевному состоянию Насти, что она даже растерялась. Как мама может? У людей такое горе, а она – о лицее.

– Это мои друзья! – твердо сказала она. – И мы будем помогать Вадиму. Будем дежурить поочередно, чтоб он мог поспать и делать уроки.

– У него что, родителей нет?

– Отец в командировке на Кавказе, а мама работает. Она не может быть в больнице круглосуточно, – ее тогда уволят и им будет не на что жить.

– Это их проблемы! Кстати, как фамилия этого Вадима?

– Туманов. А что?

– Я так и знала! Определенно, евреи! Только они так умеют устраиваться за чужой счет.

– Галина, что ты мелешь! – рассерженно закричал отец. – Ты сама кто, забыла? Националистка какая выискалась!

– Ничего не хочу знать! – Мать гневно топнула ногой. – Тебе надо, чтоб она тоже заболела? А если это вирусная инфекция? Я сама читала: природа волчанки до сих пор не установлена. Пусть сиделку нанимают!

– У них денег нет на сиделку! – сквозь слезы выкрикнула Настя. – Там одни лекарства знаешь, сколько стоят! Я все равно буду ходить, я Дениске обещала! Он же меня ждать будет!

– Ладно, дочка, не плачь, что-нибудь придумаем. Мы с мамой сейчас пойдем, прогуляемся и все обсудим. А ты обедай и садись за уроки. – Отец поднялся и вышел в прихожую, рассерженная Галчонок последовала за ним.

После их ухода Настя немного успокоилась. Она надеялась, что мать вернется уже с другим настроением. Так бывало не раз. Отец никогда не допускал ссор при дочери. В минуту, когда скандал начинал разгораться, родители уходили из дому и выясняли отношения за его стенами, возвращаясь уже умиротворенными.

Вернулись они нескоро. Едва взглянув на мать, Настя сразу поняла, что на этот раз взаимопонимание достигнуто не было.

– Значит так, Настенька, – устало сказал отец. – В чем-то мама права: это не дело ежедневно бегать в больницу и тем более делаться сиделкой. Этим должны заниматься взрослые. Тебе надо готовиться к экзаменам. Друзей, конечно, бросать в беде негоже, но всему надо знать меру.

– Папа, я все равно завтра пойду. Я обещала.

– Никуда ты не пойдешь! – снова взорвалась мать. – Иначе я сама поговорю с этим Вадимом и его матерью. Нечего на чужом горбу выезжать!

– Мама, что ты говоришь! – закричала в отчаянии Настя. – Никто ни на ком не выезжает, мы с Наташей сами так решили. Если ты это сделаешь, я тебе никогда – слышишь? – никогда не прощу!

– Все, прекратили! – скомандовал отец. – Завтра сам пойду с тобой и разберусь на месте: что можно сделать и чем помочь. А сейчас успокойся и садись за уроки.

Настя ушла в свою комнату и попыталась взять себя в руки. Угроза матери ошеломила ее. Но, понимая, что слезами горю не поможешь, она начала лихорадочно искать выход. И вскоре поняла, что предложение отца вполне разумно. Папа не способен никого обидеть и обязательно попытается помочь, думала она, он ведь такой добрый! И он знает, что Вадим мне нравится,

он на моей стороне. Но мама! Никогда не думала, что она может быть такой... такой жестокой. Как же мне теперь жить с этим, как к ней относиться?

Будто услышав ее мысли, в комнату вошел отец.

– Котенок, ты не должна обижаться на маму, – сказал он, садясь рядом. – Это она от страха за тебя наговорила такое. Действительно, никто не знает, откуда эта болезнь берется. Вдруг ее и впрямь приносит вирус? А она смертельна.

– Но ведь тогда и Вадим заболел бы, и его мама. И врачи, – горячо возразила дочь. – Нас бы туда не пустили.

– Медицина далеко не все знает. А вдруг одни люди подвержены этой болезни, а другие нет. Ведь такое может быть?

– Папа, я должна пойти! Пойми, он будет меня ждать. И Вадим – ему же тоже надо заниматься, в институт готовиться. Если мы не поможем, то кто? Ну как вам объяснить?

– Ладно, ладно, не горячись. Пойдем вместе и посмотрим, что можно сделать. А на маму зла не держи, все-таки она твоя мама. Она, конечно, не права, но ты должна попытаться ее понять и простить.

– Но как она могла? При чем здесь еврей, не еврей? Это мерзко!

– Согласен. Но я попробую тебе объяснить. Это у нее с детства. Так получилось, что в классе, где училась мама, все ребята были русские, она одна – армянка. И нашлись глупые мальчишки, которые ее стали обзывать «армяшкой» и дразнить. Еще в младших классах. А там дети бывают такими жестокими. Она немала слез пролила из-за этого, и с тех пор у нее на всю жизнь остался комплекс неполноценности.

Настя попыталась возразить, что не замечала за своей мамой никаких комплексов, но вдруг вспомнила вопрос бабушки, русский ли Вадим. И ее озабоченный вид при этом. Значит, бабушка помнила о маминых злоключениях, значит, это правда. Конечно, если б ее, Настю, стали дразнить или обзывать, она бы тоже переживала, да еще как. Но сколько она помнила, с ней в школе всегда носились. А мальчишки так просто стелились, не знали, как угодить. Бедная мамочка!

– Ты все же расскажи: что у тебя с этим юношей? – сочувственно продолжил отец. – Может, я тебе помогу, посоветую.

– Ты ей насоветуешь! – влетела в комнату мать, вероятно, она подслушивала под дверь. – Ты понимаешь, что он намного старше ее? Ты это понимаешь?

– Понимаю. Очень хорошо понимаю. Но зачем кричать?

– А если понимаешь, так чего ты тут рассусоливаешь? Отправляйся на свою кафедру, я сама ей кое-что объясню!

Когда за отцом звучно захлопнулась дверь, мать, глядя дочери прямо в глаза, резко спросила:

– Ты уже с ним целовалась?

– Это что: допрос? – возмутилась Настя.

– Потому что ты моя дочь! И я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь стряслось раньше времени.

– Мама, как ты можешь! Ничего такого и близко нет! Мы просто друзья – и все.

– Только не рассказывай мне сказки! Тебе скоро шестнадцать – самый опасный возраст! А этот парень намного старше, – что это за дружба? Что у вас может быть общего?

– Просто он друг Никиты, учится с ним в одном классе. А Наташа моя подруга.

– Только не пудри мне мозги! Как будто у Никиты мало друзей. Но ты за них что-то не больно печешься, только за этого Вадима.

– Ну, хорошо, он мне нравится.

– Так я и знала! Нравится! Ты с ним целовалась? Говори правду!

– Нет.

– Не ври мне! Ты знаешь, что когда парень целует девушку, у него все хозяйство поднимается? И о чем он думает при этом, и какие у него возникают желания. Тебе это надо?

– Какое хозяйство? – растерялась Настя.

– То самое! Которое в брюках!

Какой ужас! Настя вытаращила на мать глаза. Что она говорит? И тут же подумала: а вдруг это правда? А вдруг, действительно, когда он ее обнимал... а сам в это время... о чем думал? Что чувствовал? Кошмар!!! Да чтоб она теперь! Да никогда! Да ни за что! Обнимать и думать... о таком! Да ни в жизнь! Интересно, Наташка об этом знает?

Прочитав мысли, написанные у дочери на лбу, Галчонок слегка успокоилась. Она, конечно, понимала, что перегнула палку, но ничуть не жалела. Ничего, пусть знает, – может, глупостей не наделает раньше времени. Оставив дочь в полном смятении, мать поднялась и ушла на кухню.

Настя долго сидела, уставившись в темное окно. Информация, прозвучавшая из уст матери, поразила до самых глубин ее чистую девичью душу. Вот ужас! Значит, и Никита такой? А папа? Он же тоже мужчина. А она-то... постоянно к нему лизаться лезет. Хотя нет, что она – совсем с ума сошла? Папа нет, папа исключение. И потом – она же его дочь.

Как же теперь жить с этим? Как вести себя с ребятами? И зачем только мама сказала... такое? Теперь при встрече с Вадимом или Никитой она постоянно будет думать: а вдруг у них... это на уме? Фу, как противно!

И светлая радость, рождавшаяся в ее душе при мысли о милом юноше, бесследно исчезла, – осталось только темное и нечистое.

Надо за уроки садиться. Но как не хочется! Ничего не хочется. Жить не хочется! Лягука я спать, подумала она, может, завтра соберусь с мыслями – как жить дальше.

Не буду больше с ним встречаться, решила она. Буду держаться от них всех подальше. Буду только учиться, окончу лицей и уеду в Питер. Буду там жить, и мне никто не будет нужен. Раз у них на уме такие гадости.

Она разобрала постель и легла. Заглянувшая к ней через час Галчонок с удивлением обнаружила дочь спящей, хотя часы показывали только восемь вечера.

Глава 11. Нападение

Утром отец предложил дочери зайти после уроков к нему в институт, чтобы вместе отправиться в больницу. Закрыв за родителями дверь, Настя побрела на кухню. Есть не хотелось совершенно и вообще не хотелось ничего, но надо было собираться в школу. Она поставила на огонь молоко, насыпала туда геркулеса и только тогда вспомнила, что еще не умывалась. Во время чистки зубов почувяла из кухни горьковатый запах: ее каша сгорела. Сунув почерневшую кастрюлю в раковину, она сжевала холодную сосиску, запила водой и направилась одеваться, но в коридоре наступила на лапу Федору, крутившемуся рядом в ожидании кормежки, – тот взвыл и больно вцепился в ногу. Она метнулась на кухню за йодом и едва не растянулась: там плескалось целое озеро: кастрюля с кашей загородила отверстие для слива, вода из раковины хлынула на пол, залила кухню и потекла в коридор.

Настя взяла тряпку, но воды было так много, что стало ясно: вытереть все она не успеет, опоздает на урок. Тогда она бросила тряпку на пол, села на табуретку и заплакала.

Поплакав, она продолжила уборку, иначе вода могла протечь к низовым соседям, тогда неприятностей не оберешься. Пойду на второй урок, решила Настя, потом все объясню мамочке, она меня пожалеет. От этой мысли она слегка успокоилась, решив взять себя в руки, ведь все равно надо как-то жить дальше.

Когда она вышла со двора, до начала второго урока оставалась уйма времени. Пойду пешком, решила Настя, может, по пути придумаю, как вести себя с Вадимом и другими ребятами.

Завернув за угол, она услышала оклик: – Эй, девушка, можно вас на минутку? – Настя оглянулась. Из открытой двери «Москвича» выглядывал парень, энергично махая ей рукой. Она подошла поближе.

– Девушка, не подскажете, как проехать в медицинский институт, – попросил парень. – А то мы блуждаем-блуждаем и все никак до места не доберемся.

Настя начала было объяснять дорогу, но он прервал ее. – Может, покажете по атласу? Мы так быстрее сориентируемся.

Настя наклонилась к протянутой карте – как вдруг какая-то сила подхватила ее и буквально втолкнула на заднее сиденье машины. Следом ввалился здоровенный тип, притиснув ее к парню с картой. «Москвич» рванул с места и стал быстро набирать скорость.

– Выпустите меня! – отчаянно закричала Настя. – Чего вам надо?

– Скоро поймешь, – зловеще процедил парень за рулем и оглянулся. Настя, холодея, узнала в нем типа из автобуса, которого они с Наташкой так ядовито высмеяли перед пассажирами. – Ну что, наложила в штаны? Будешь знать, какое у меня достоинство.

Настя на миг оцепенела. Нет, это мне снится, подумала она. Этого не может быть. Ведь я только что шла по тротуару. Всего минуту назад. И вдруг в этой страшной машине. Что же делать?

Лихорадочно ища спасения, она с надеждой взглянула в окно. Мимо шли люди, старушка на тротуаре торговала семечками, женщина с девочкой вышли из магазина и приготовились переходить дорогу.

– Выпустите меня! – снова закричала она. – Я на уроки опаздываю.

– Заткнись, – прошипел парень справа. – Сиди и не рыпайся, а то печень проткну. – И Настя почувствовала, как что-то острое больно уперлось ей в бок.

«Папа! – с отчаянием подумала она. – Папочка, спаси меня!» Но папа был далеко и ничем не мог ей помочь. Никто на свете мне не поможет, вдруг поняла Настя. Надо самой. Иначе...

Она представила, что хотят с ней сделать эти ублюдки, – и чувство дикой ненависти захлестнуло ее. Страх куда-то исчез, а взамен появилось жгучее желание вцепиться насильни-

кам в морды, расцарапать до крови. Но где ей было с ними справиться. Их трое, и они условно сильнее. Но все равно она не дастся. Умрет, но не дастся!

Тем временем машина вынеслась на площадь, в ее центре возвышалась фигура гаишника. Он повернул голову в сторону легковушки, пошедшей на обгон грузовика, и шагнул ей навстречу.

Сейчас! – вдруг решила Настя. И взвившись, она коршуном бросилась на парня за рулем, ладонями закрыла ему глаза, с силой надавив на них пальцами. Потерявшая управление машина, вильнув, понеслась прямо на милиционера. Настя увидела его нарастающую фигуру, лицо с открытым ртом, потом ее пронзила нестерпимая боль в боку, бок загорелся огнем, она отчаянно закричала – и с облегчением провалилась в спасительное небытие.

Сначала ее долго-долго не было, совсем не было. Нигде. Потом она вдруг обнаружила себя в каком-то запредельном мире. Его бесконечное пространство было пронизано острыми решетками, между которыми она все продиралась и продиралась, обдирая бока, – и не было этой муке ни конца, ни края. Высокий протяжный звук не давал ей сосредоточиться, сообразить, кто она и где обретается. Внезапно появилось осознание, что кто-то решает ее судьбу, потом ей было велено вернуться, и она со страшной скоростью понеслась назад. И пока летела, вспомнила все. Сначала вспомнила, что она человек, девочка, потом свой дом, папу и маму, потом страшную машину, пудовую боль в боку и темноту. Но едва она с облегчением поняла, что спасена, как боль сделалась невыносимой. – Бо-о-о! – чуть слышно простонала она, но ее услышали. Вдруг стало легко-легко, и все исчезло.

Когда сознание вернулось вновь, боли уже не было. Настя открыла глаза. Сквозь молодую листву за окном пробивались солнечные лучи и оглушительно чирикали воробьи. Она перевела взгляд на чье-то близкое лицо и долго пыталась понять, кто это. Она видела брови, глаза, губы, но они все время расплывались, делаясь то резче, то мутнее, и все никак не могли собраться воедино. Устав, она снова закрыла глаза и почувствовала неодолимое желание спать.

Проснувшись, Настя опять увидела знакомые черты, но теперь они соединились в озабоченное лицо женщины в белом халате. Лицо облегченно вздохнуло и улыбнулось.

– Проснулась, детка? Как себя чувствуешь? Можешь говорить?

Настя попыталась ответить. Губы разжались, но пересохший язык занимал во рту слишком много места. – Пи... – с трудом выдавила она и обессилела.

– Тебе утку?

– Воды.

Женщина поднесла к губам чайную ложечку. Настя жадно выпила прохладную влагу. Язык принял нормальные размеры, и стало легче дышать.

– Еще.

– Может, соку?

– Воды.

Женщина дала ей еще ложечку и встала: – Пойду, позову твоих родителей. Ты пока в реанимации, но самое страшное уже позади. Тебя прооперировали. Сюда посторонним нельзя, но им разрешили в порядке исключения, уж очень просили.

Вот небо. Облако. Вот мама, – думала Настя, глядя в измученное лицо Галчонка. Мысли рождались коротенькими, быстро уплывая. – Я живая. Я в больнице. Мне не больно.

– Доченька, как ты? – Мать опустилась на колени у кровати и заплакала.

– Ну-ну, хватит. Главное, жива. – Отец поднял мать с колен. – Не расстраивай ее.

Пошла медсестра.

– Повидались? Теперь уходите, а то у меня будут неприятности. Через пару дней переведем ее в палату, тогда можете даже ночевать.

Глава 12. В больнице

Соседкой по палате, куда поместили Настю после реанимации, оказалась пожилая женщина, перенесшая операцию на желудке. Она любила поговорить и надолго занимала внимание Настиной мамы, остававшейся теперь на ночь. Для Насти это было большим облегчением. Ей не хотелось отвечать на нескончаемые вопросы матери и о чем-либо спрашивать ее саму. Она часами лежала молча, делая вид, что дремлет, и открывала глаза только когда предстояли процедуры. Она чувствовала, что ей предстоит узнать что-то страшное и потому пыталась оттянуть неизбежное, пока у нее не появятся силы справиться с новостями. А больше всего ей хотелось, чтобы ничего этого не было вообще: пусть бы вернулось утро, когда она беспечно вышла со двора и направилась к школе, – и чтобы никто ее не окликал, и не заталкивал в страшный автомобиль.

Первые дни к ней никого не пускали. Настя была этому только рада. На вопросы матери, хочет ли она повидать своих друзей, рвущихся ее проведать, она отрицательно качала головой. Такое безразличие пугало Галчонка, но врачи посоветовали ей не настаивать, подождать, пока дочь не придет в себя, ведь она пережила такое потрясение.

Через пару дней после перевода в общую палату Насте сообщили, что с ней хочет побеседовать следователь. Настя приготовилась увидеть строгого мужчину с пронзительным взглядом, но в палату вошла симпатичная женщина средних лет в форме, на которую был наброшен белый халат. Приветливо поздоровавшись, она попросила Настину соседку ненадолго покинуть их. Галчонка в это время тоже не было, ей зачем-то приспичило на кафедру. Настя осталась со следователем одна.

– Расскажи мне, девочка, все, – ласково обратилась к ней женщина. – Не бойся, эти люди никогда больше не причинят тебе зла.

– Я не боюсь. – Настя внезапно почувствовала доверие к собеседнице. – Я все расскажу, с самого начала.

И она рассказала. Про сломанную рогатку и происшествие в автобусе, из-за которого ее хотели похитить три жутких типа, – и что в одном из них она узнала брата пацана, подстрелившего птичку. Следователь внимательно слушала и время от времени что-то записывала.

– К вам никто из них не обращался? – спросила она, когда Настя закончила. – Кто-нибудь из родных этих ребят или знакомых. Ни о чем не просили?

– Нет, – покачала головой Настя.

– А к твоим родителям? Они тебе ничего не говорили?

– Нет.

– Если обратятся, не вступайте с ними ни в какие переговоры и сразу дайте мне знать. Я оставлю на тумбочке свой телефон.

– Они что – на свободе? Я думала, их поймали. Они убежали?

– Нет, конечно, я имею в виду только их родственников. Те парни, что сидели с тобой на заднем сиденьи, задержаны.

– А тот, что за рулем?

– Ты не знаешь? – Следователь как-то странно посмотрела на Настю. – Он убит. Он сбил сотрудника ГАИ и пытался уехать, а когда патрульная машина преградила дорогу, выскочил с пистолетом в руке. Позже выяснилось, что это игрушка, но с виду – полная копия боевого оружия. Патруль, конечно, открыл огонь на поражение. Признано, что применение оружия было оправдано, – кто ж знал, что у него игрушка.

– Убит? – Услышанное потрясло Настю до глубины души. Она почему-то вспомнила русый чуб парня и его руки на руле. Мертв, – из-за чего? Из-за какой-то обиды, желания отомстить. Да, он хотел похитить ее, может быть, изнасиловать, насладиться ее унижением, но все

это в пределах жизни. Он, конечно, негодяй, но живой, был живой. А теперь он в могиле. За его глупое желание что-то доказать другим – только доказать! – его убили.

– Кто его родители? – спросила она, немного придя в себя.

– Как ни странно, вполне порядочные люди, оба строители. Сейчас они, конечно, в транс. Парень даже прав не имел. Но неоднократно раскатывал с друзьями на отцовской машине в поисках приключений. Сам учился в техникуме, и отзывы оттуда – хоть орден давай. А вот друзья у него оба бездельники, нигде не работают и не учатся, еле девятилетку окончили.

– Их посадят?

– Обязательно. Тем более, что они уже состояли на учете в милиции за хулиганство. Но погибший, Резник его фамилия, Анатолий Резник, ими верховодил. Он же хлюпик по сравнению с ними, а они во всем ему подчинялись, просто, смотрели в рот. Вообразил себя суперменом. Сейчас родители арестованных пытаются их выгородить, адвокатов наняли. Тот, что тебя пырнул, утверждает, что ты сама напоролась на нож, когда машина резко тормознула. Мол, они тебя лишь попугать хотели. Только экспертиза это отрицает. Им уже по восемнадцать, не отвертятся. Будут деньги сулить или угрожать, не поддавайтесь и ничего не бойтесь. А чуть что, сразу мне звоните, хорошо?

Настя молча кивнула. Следовательно сложила бумаги и попрощалась, пообещав навестить ее еще раз. После ее ухода соседка вернулась в палату.

– Ну? О чем вы говорили? – полюбопытствовала она.

– Он погиб. Его застрелили, – с трудом вымолвила Настя и заплакала.

– Кто? Один из этих бандитов? И тебе его жалко? Да я бы их всех – к стенке, будь моя воля! Нашла из-за кого плакать. Он бы тебя уж точно не пожалел.

– Но ведь я живая.

– Скажи врачам спасибо! Еще немного, и истекла бы кровью. Тебе ножом печень пропороли, мерзавцы эти.

А вдруг, действительно, я сама напоролась, подумала Настя. Машина так резко затормозила. Меня могло бросить на лезвие, а оно было такое острое. А теперь им дадут лет по десять. Или даже по двадцать. И что их ждет в тюрьме? Говорят, оттуда выходят законченными бандитами. А вдруг они потом захотят меня найти, чтобы отомстить. Тогда точно убьют.

А этот Анатолий из-за меня – в земле. Наверно, если б он знал, чем это кончится, никогда б на такое не решился.

А я? Зачем только я нагрубилась ему в автобусе? Нет, все равно пацан мог узнать меня, даже если бы промолчала. Зачем только мы сели в этот автобус? Хотя, мальчишка знал мой двор, мог и на улице показать меня брату.

Зачем только я прицепилась к мальчишке тогда во дворе, сломала его рогатку? Но иначе я не спасла бы ту птичку, и других он мог подстрелить. Как все одно цепляется за другое. И где то начало, изменив которое, можно было бы избежать всего этого?

Ее размышления прервала вернувшаяся мать. – Ты чего такая? – сразу прицепилась она к Насте. – Опять что-то стряслось?

– К ней следователь приходила, – сообщила соседка. – Представляете, ваша дочка жалеет этих идиотов. Узнала, что их главаря застрелили, и даже заплакала.

– Я же просила без меня ее не расспрашивать, – расстроилась Галчонок. – Теперь опять будет молчать часами, пока совсем не свихнется. Там твои друзья внизу. Все трое. И Вадим этот. Позвать?

– Только Наташу, – нехотя согласилась Настя. Вадим, подумала она. Нет, не хочу. Дениска. Она вспомнила, что планировала с отцом навестить мальчика – и вдруг поняла, что беду этой семьи чувствует уже не так остро. Своя боль заслонила, пересилила чужую.

Глядя на оживленное лицо подруги, Настя от души позавидовала ей. До чего же хорошо им жилось раньше. Самая большая проблема – случайный трояк. И она вдруг почувствовала

себя намного старше подруги, настолько старше, что их прежние радости и печали показались ей полной ерундой.

– Ты почему ребят к себе не пускаешь? – напустилась на нее Наташка. – Вадим так хотел тебя видеть! Ты что на него в обиде? Да – как ты себя чувствуешь?

– Терпимо. Какие обиды, с чего ты взяла? Как его брат?

– Выписали Дениску. Сказали, какое-то время ему будет лучше. Но недолго, так прямо и сказали. Станет хуже, тогда уже все, конец. А сейчас он даже есть стал, сам просит. Может, выкарабкается. Ты-то как? Больно?

– Я же сказала: терпимо. Что в школе? Как у тебя с историей – исправила?

– С историей неважно. По-моему, он не хочет ставить мне четверку. Я уже и руку поднимаю, а он будто не замечает. Просила дать доклад, так он всем дал, а мне нет. Даже Соколовой дал и Митьке. Представляешь?

– Здорово он на тебя разозлился. Интересно, за что?

– Да я сдуру ляпнула, что история не наука, а флюгер. Раньше на Ленина и Сталина молились, а теперь они чуть ли не враги. Так он прямо взвился. А недавно я сбежала с последнего урока, вот он теперь меня в упор не видит. Прямо не знаю что делать. Точно, хочет вкатать трояк.

– А ты подойди к нему после уроков, извинись. Скажи, что была не права. И зубри историю изо всех сил.

– Да чего там не права – еще как права! Знаешь, как противно извиняться ни за что. Хотя придется, все-таки с урока я сорвалась.

– А как с химией?

– С химией порядок. Никита меня проверяет. Уже все тройки исправила. Настя, ты, правда, не хочешь видеть Вадима? Он тебе что – уже не нравится?

– Мне они все не нравятся, – мрачно ответила Настя, глядя в сторону. Ну как ей объяснить? Не расскажешь же о том разговоре с матерью: про поцелуй и «хозяйство». Интересно все же, как бы Наташка на это отреагировала. После, может, и расскажу, подумала Настя, но не сейчас.

– Ты знаешь, того парня убили, – сменила она тему.

– Конечно, знаю. Так ему и надо. Ишь, за пистолет схватился – совсем без мозгов.

– Но ведь пистолет был ненастоящий.

– А у него что, на лбу это было написано? Откуда ментам знать: настоящий, ненастоящий. Он гаишника покалечил машиной, да еще за оружие схватился. Псих ненормальный.

– Но ведь он совсем мальчишка. Следователь сказала, что ему только стукнуло восемнадцать. Те двое старше его и уцелели, хотя именно один из них меня пырнул.

– Нет, у тебя точно не все дома! – возмутилась Наташка. – Ты хоть понимаешь, что они могли с тобой сделать? Не вздумай их жалеть! Так что мне сказать Вадиму?

– Говори, что хочешь. Ничего у нас с ним не было и не будет.

– Ладно. Выходит, я ошибалась. У тебя лицо временами бывало такое счастливое – когда ты на него смотрела. А, может, ты и права – тебе сейчас, действительно, не до этого. Поправляться надо и к экзаменам готовиться. Ну, побегу, а то они, наверно, заждались.

В последующие дни Настя быстро пошла на поправку. Наталья приходила к ней почти каждый день, приносила уроки и рассказывала о новостях. Одноклассники и учителя передавали Насте привет и желали скорейшего выздоровления. Просили не волноваться за пропущенное, обещали, что помогут догнать, может, даже от экзаменов освободят. Следователь еще раз навестила ее, сказала, что оба парня во всем признались, но всю вину свалили на своего погибшего друга, – мол, это его инициатива, потому что у него на Настю был зуб.

В общем, все складывалось более-менее благополучно, поэтому Настя изо всех сил старалась не показывать, как ей плохо. Она побывала на краю вечной тьмы, и часть этой тьмы

осталась в ней. Раньше я считала, что мир делится на мужчин и женщин, богатых и бедных, размышляла Настя, а теперь знаю, что он делится на тех, кого хотели убить, и кого не хотели. Из всех знакомых только меня хотели убить. Но ведь хорошего человека не убивают. Значит, я плохая? В нашей семье стреляли только в прадедушку, но то была война. Я хуже всех, вот в чем дело. Из-за меня погиб человек. Как бы узнать, что они думали обо мне, эти ребята, как бы понять? Как же сильно они меня ненавидели! Чем я вызвала такую ненависть?

Так она терзала себя, оставаясь одна. Только ежедневные занятия спасали ее от окончательного погружения в отчаяние. Она цеплялась за них, как за соломинку, видя в будущем поступлении какой-то выход, просвет во мраке, царившем в ее бедной душе. Даже возможная встреча с теми парнями не столько пугала ее, сколько мысли о предстоящих расспросах в школе. Ей страшно не хотелось возвращаться в класс, встречаться с ребятами, выслушивать слова сочувствия. По мере приближения дня выписки она лихорадочно искала способ избежать этого и, наконец, нашла.

– Папа, я не хочу возвращаться в школу, – решительно заявила она перед выпиской. – Всего один месяц остался. Поговори с директором, может, мне разрешат сдать все экстерном?

– Конечно, котенок, – сразу согласился отец, с жалостью глядя на исхудавшее личико дочки. – Действительно, тебе не мешает еще посидеть дома. Там у вас на переменах такое творится – вдруг толкнут или ударят в бок. Конечно, так и сделаем. А я тебе подарок приготовил – угадай какой.

– Не знаю – зачем подарок? Я не заслужила.

– Еще как заслужила! – И отец вынул из портфеля серебристый сотовый телефон, о таком Настя не смела и мечтать. – Я и маме купил, и себе. Будем теперь всегда на связи. Как чуть что, сразу созваниваемся. И чтоб ты его не забывала класть в сумку, слышишь?

– А деньги откуда? Он же страшно дорогой. Автомобильные потратил?

– Да бог с ним, с автомобилем. Зато теперь буду всегда знать, где ты и как.

Да разве те парни дали бы мне позвонить, молча подумала Настя, но ничего отцу не сказала. Он достал инструкцию и положил на одеяло.

– Почитаешь потом. Спросишь, что не поймешь.

– Пап, ты же так мечтал о машине. Все деньги потратил?

– Нет, конечно, я же самые простые модели купил. Деньги остались. Скажу тебе по секрету, доцент Сосновский покупает по случаю «опель», а мне обещал свою «копейку», недорого. На днях решится. У нее, конечно, стаж приличный, но, говорит, на ходу. Хочу маме сюрприз сделать, а то она тоже решила, что с машиной покончено. В общем, если поступишь в лицей, исполню свою мечту: повезу вас в кругосветное путешествие: море, Москва, Муром, Питер.

– Папочка, неужели получится? С тобой, на машине – такое счастье! Хоть бы ничего не помешало.

– Ну вот, уже улыбаешься. Слава богу! Как с домашними заданиями – справляешься?

– Вполне. Мне так стали нравиться точные науки. Еще бы компьютер. Понимаю, конечно, что это слишком... но, может, когда-нибудь потом?

– Будет и компьютер, потерпи. Наши лаборанты наловчились их по частям собирать, недорого получается. Обещали мне к осени сделать.

– Ой, папочка, правда? Как хорошо! Знаешь, я, наверно, тоже стану педагогом. Как ты. В Питере же есть педвуз?

– Конечно, и превосходный. На какой же факультет ты планируешь поступать?

– Хочу стать преподавателем математики, физики и информатики.

– Что ж, разумное желание. Специалисты широкого профиля всегда нужны. Даже если и не станешь педагогом, все равно работу найдешь.

– Нет, я решила стать педагогом. Как мои родители. Не так уж мало вы получаете, жить можно.

– Но ты не забывай, мы же в вузе работаем. Да мама еще и с учениками подрабатывает. А вдруг тебе в школе придется начинать? Там нынче ой как непросто! Зарботки мизерные, а требования к учителю и со стороны органов образования и родителей очень большие. А детки! В школе сейчас работать не приведи бог.

– А я, может, сразу в аспирантуру пойду. Защищусь, как ты, тогда меня и в вуз возьмут.

– Ага, размечталась. Думаешь, это так просто? У тебя к тому времени семья появится, может, малыш народится, а семейной женщине написать диссертацию очень трудно. Твоя мама, как ни пыталась, ничего не вышло.

– Я замуж не выйду, я уже решила. Ни за что! Никогда! А ребенка можно будет потом, когда всего достигну, усыновить. Или удочерить.

– Котенок, что ты несешь? Почему это ты замуж не выйдешь, какая чепуха! Этот твой Вадим – вы что, поссорились? Он ведь тебе нравился, сама говорила.

– Никто мне из них не нужен. Нравился и разонравился. И не напоминай мне о нем. Мне они все противны.

– Так. Видно крепко он тебя обидел. Может, все-таки расскажешь, что произошло. Это из-за того, что ты его братишку не навестила? Но ведь ты не виновата.

– Папа, никто меня не обижал. И все, хватит об этом!

– Ну, ничего. Это ты под впечатлением – из-за тех бандитов. Время пройдет, и ты изменишь свое мнение. Не все молодые люди негодяи, среди них встречаются и вполне достойные.

– Папа, ты не понимаешь! Мне никто из них вообще никогда не будет нужен, даже думать о них противно. Оставь эту тему, прошу тебя!

– Ладно, не горячись. Крепко же тебя зацепило. Ну не буду, не буду. Все образуется. Побегу, а то у меня через час зачет.

Он поцеловал ее и ушел. А Настя устало опустилась на подушку и закрыла глаза. Неужели и папа... был таким же, когда встречался с мамой? – думала она. Нет, конечно, он самый чистый, самый лучший человек в мире. Интересно, как они с мамой начали встречаться, как у них все произошло. Ведь я как-то появилась на свет. Прекрати! – приказала она себе, – больше не о чем думать? Лучше займись алгеброй.

И она достала из тумбочки задачник.

Глава 13. Выпускные и вступительные

Ее выписали перед майскими праздниками. После больничной атмосферы звуки и запахи весны показались Насте особенно сладостными. Весь их двор был усыпан жемчужными лепестками жердел, зацвел жасмин, на большом кусте белой сирени уже обозначились зеленоватые шишечки, обещавшие через пару недель превратиться в многолепестковые гроздья, источавшие дивный аромат. Выйдя из машины, Настя долго любовалась потешным зрелищем: огромная стая воробьев истошно орала, наблюдая за поединком двух пернатых соперников – те, перелетая с ветки на ветку, остервенело клевали друг друга. Интересно, чего они не поделили, думала девочка, неужели такие страсти из-за какой-нибудь воробьихи? А остальная компания как переживает. Наверно, кричат, чтобы прекратили, или, может, наоборот, подзуживают. До чего похоже на людей.

Почувствовав на себе взгляд, обернулась, и у нее заколотилось сердце: возле подъезда стоял Вадим, молча глядя на нее. Опустив голову, она прошла мимо, лишь кивнув в знак приветствия, и поспешила на свой этаж.

Родители ушли на работу, а Федор все еще гостил у бабушки Зары. Настя заглянула в холодильник, – там было полно продуктов, даже любимая красная икра имелась, но есть не хотелось совершенно. А чего мне хочется, спросила она себя. Хотелось плакать. Ну что ж, плакать, так плакать. Но едва она взяла носовой платок, как плакать расхотелось. Надо чем-нибудь заняться, подумала девочка и тут же поняла, что заниматься не хочется ничем. Совершенно. Тогда она легла на диван и уставилась в потолок.

Так она лежала, может, час, а может, два. От этого занятия ее отвлек длинный звонок в дверь. И чего людям дома не сидится? – раздраженно подумала Настя и поплелась открывать. А открыв, сразу пожалела об этом: на лестничной площадке и на самой лестнице, толпился, похоже, весь ее класс.

– Настюха, с выздоровлением! Как ты? Когда придешь? – радостно загалдели ребята. Настя посторонилась, пропуская гостей, и одноклассники сразу заполнили всю квартиру. На столе выросла гора из цветов и фруктов. Испытывая сложное чувство благодарности и досады, Настя предложила всем садиться на что придется. Но, видимо, это у нее получилось плохо – потоптавшись и вежливо поинтересовавшись ее самочувствием, одноклассники гуськом потянулись к выходу. В квартире осталась одна Наталья.

– И долго ты будешь изображать умирающего лебедя? – злым голосом спросила Наташка. – На тебя просто смотреть противно. Ну, случилось, случилось, – так что теперь, помирать? Сколько можно?

– Если противно, не смотри, – равнодушно отозвалась Настя.

– Ах, так! Уже, значит, не нужна? Может, мне вообще уйти?

– Если хочешь, уходи.

– А если не хочу? Вот не уйду – и все! Настя, что с тобой? Нельзя же на весь свет злиться.

Вадим так ждал, когда тебя выпишут, – и мы все тоже.

– Наташа, я не злюсь. Просто... мне плохо, очень плохо. Может, я еще не поправилась. Ничего не хочу – только чтоб меня никто не трогал.

– А как же лицей? Ты что, уже не хочешь поступать? А уроки?

– Не знаю. Вообще-то хочу, но... не знаю.

– Понимаю. Просто не хочешь, чтоб я мешала. Конечно, одной легче заниматься. А я, дура, ждала тебя, сама не садилась за новые параграфы. Ладно, как-нибудь перебыюсь. Сяду к Митьке на первую парту – можешь сидеть в гордом одиночестве.

– Сиди с кем хочешь, я в школу не вернусь.

– Как не вернешься? А экзамены?

– Сдам экстерном. У меня еще бок побаливает, – соврала Настя. – Можешь уроки мне больше не носить, у меня есть программы по всем предметам.

– Настя, за что ты на меня сердисься? Что я тебе сделала? Мы ведь так дружили! Неужели нашей дружбе конец?

– Наташа, прости меня. У тебя есть Никита и Вадим, они тебе помогут. Ты теперь и без меня справишься, если захочешь. А я – оставь меня! – И она, наконец, с облегчением заплакала.

Наталья молча развернулась и хлопнула дверью. А Настя, завалившись на диван, вдоволь наплакалась и незаметно уснула.

Через день наступило Первое мая – ее любимый праздник. Засветло явились гости: бабушка Зара и дедушка Артур. Привезли баллон меду и мешок картошки, знали, что детки за зиму все подъели. Увидев исхудавшую и бледную, как свечка, любимицу, Зарочка пустила слезу и заявила Галчонку, что она всегда знала: им нельзя доверять ребенка. От любимой внучки остались кожа да кости – где у них глаза? И решительно потребовала отпустить Настю с ними. Раз она в школу больше не пойдет, то и нечего ей в городе пыль глотать. Родители не протестовали, а Настя даже обрадовалась: ведь ей так хотелось куда-нибудь уехать, чтоб никого из знакомых не видеть и не слышать. Все сели за стол, позавтракали, выпили сладкого домашнего вина, потом Настя собрала вещи, забралась с бабушкой в их старенькую машину, дедушка сел за руль – и они с облегчением укатили из города, который не уберег их любимую детку от такой беды.

В большом дедушкином доме было тихо и пахло ванилью. Федор, увидев Настю, сразу заорал и полез по ней, как по дереву, цепляясь за одежду, – дедушка еле отодрал его от внучки. А кот все выгибался у него в руках, продолжая орать и тянуться к своей любимице. Пудель Франт, дедушкин воспитанник, едва Настя ступила за порог, принялся ходить вокруг нее кругами, совсем не реагируя на Федора, ревниво кричавшего «псы!» и яростно плевавшегося. Время от времени Франт останавливался и потешно шаркал задней лапой. Уделив каждому внимание: Федора потискала и поцеловала в нос, а Франта почесала за ухом и потрясла вежливо поданную лапу, – Настя побежала к пруду. Толстолоб сразу приплыл на зов. Он совсем раздобрел, бока стали отливать темным серебром, а толстые губы моментально высунулись из воды в ожидании подачи.

– Бабушка, он меня помнит, помнит! – радостно закричала Настя. – Да он ко всем приплывает, – отозвался дедушка, – привык, что его все пичкают. Как подойду к берегу, так он тут как тут. Разжирел, только на сковородку. Да ведь рука не поднимается: он же умный, собака. В глаза смотрит, как человек. Вот, поди ж ты, – рыба, а понимает, как к себе расположить. – И дедушка сыпанул в воду большую горсть корма. Толстолоб резво принялся подбирать угощение, а рядом засновали его приятели – разнообразная рыба молодь, запущенная дедушкой в пруд.

– Дедуль, неужели ты их будешь жарить? – засмеялась Настя. – Они же у тебя почти ручные. Не жалко?

– Приятеля твоего пощажу, а остальных чего ж не пожарить в охотку. А иначе у них тут перенаселение обозначится, весь пруд испортят. Ступай в дом, бабушка зовет: она твой любимый торт испекла, медовый со сливками и орехами.

– Да я еще не проголодалась.

– Ничего, это не еда, а так, – перекусишь да домашним молочком запьешь. А я тем временем гамак повешу.

Лежа в гамаке, Настя залюбовалась синими просветами неба между белорозовыми цветами, густо усыпавшими яблоневые ветки, – и вдруг почувствовала, как душевная боль потихоньку начинает ее отпускать. Впервые за много дней она вдруг озаботилась предстоящими экзаменами. Чего я без толку лежу, подумала девочка, в гамаке можно качаться и с книгой. И вернулась в дом за учебником.

– Ой, да что ж ты и в праздник не даешь покоя своей бедной головке! – запричитала бабушка Зара. – Только приехала и опять за учебники. Отдохни, завтра позанимаешься.

– Нет, ба, мне сейчас захотелось, – возразила внучка. – Не люблю я без дела валяться, у меня тогда мозги закисают.

– Так возьми почитай чего-нибудь, журналы полистай, вон их сколько на подоконнике. Там кроссвордов полно, ты же любишь их разгадывать.

– Не хочу журналы, уравнения те же кроссворды.

Она прожила в поселке все майские праздники. Ей очень нравилось их армянское село с добротными домами, где даже встречные собаки вели себя дружелюбно. Село было богатым: почти в каждом дворе имелся автомобиль, а то и два. Населяли его работающие приветливые люди, всегда здоровавшиеся при встрече. Многие знали Настиных родных и потому часто приглашали в гости, а пригласив, вели себя тактично, угощали вкусными армянскими блюдами и ни о чем не расспрашивали. За эти недели Настя поправилась душой и телом и совсем забыла про свой бок. Она успешно одолела программу по математике и чувствовала себя вполне подготовленной к предстоящим испытаниям. С физикой дела тоже шли неплохо, а диктанта Настя не боялась совсем: ее грамотность была безупречной. Видимо, здесь сыграла роль любовь к ежедневному чтению, без которого она просто не могла нормально жить.

Но стоило вернуться в город, как тягостные мысли вновь овладели ею. Она старалась поменьше выходить из дому, даже в магазин заставляла себя идти с трудом. Нет, ее не страшила встреча с теми бандитами: она знала, что их осудили на длительные сроки, – ее страшили воспоминания. Но выходить из дому все равно приходилось: нужно было показываться врачам. Несколько раз Настя встречалась на лестнице с Наташей и Никитой. Она вежливо здоровалась, стараясь не смотреть на друзей, а те, кивнув, пропускали ее и долго глядели вслед.

Галчонок не очень переживала из-за душевного состояния дочери, считая его перед предстоящими испытаниями вполне нормальным, но отец никак не мог с этим смириться. Его девочка, прежде такая живая и общительная, вдруг превратилась угрюмое существо, дичившееся всех. Конечно, ей пришлось пережить такое потрясение – но ведь, в конце концов, все наладилось. Сколько же можно прятаться и отказываться от общения с друзьями?

– Котенок, давай, наконец, поговорим откровенно, – решительно заявил он, зайдя к ней под вечер. Дочь сидела за столом с выключенной настольной лампой, глядя в темное окно. Услышав звук отворяемой двери, она включила свет и повернулась к отцу, всем видом демонстрируя нетерпеливое желание, чтоб ее оставили в покое. Но тот упрямо сел на диван и похлопал рядом с собой ладонью. Когда Настя пересела, он обнял ее за плечи, притянув к себе, как всегда делал в такие минуты. Но против ожидания дочь не положила голову на его плечо, а наоборот, резко вырвалась и стремительно пересела обратно.

– Что такое? – возмутился отец. – Что я тебе сделал? Дочь продолжала молчать, глядя на него исподлобья.

– Галина, иди сюда! – закричал отец. – Почему родная дочь шарахается от меня, как от прокаженного? Обнять ее уже нельзя.

– И нечего ее обнимать! – резко отозвалась мать, заходя в комнату. – Она уже большая, и ей это неприятно.

– Ах, вон откуда ветер дует! И что ты такого наговорила, что ей родной отец стал неприятен?

– Что нужно, то и наговорила. Чтоб она держалась от вас всех подальше. Еще успеет наобниматься, пусть сначала поумнеет.

– Да ты посмотри, что с ней творится! Ни друзей, ни подруг у нее не осталось. Все молчком да молчком.

– Ничего, пусть лучше к экзаменам готовится. Шел бы ты отсюда, не мешал ей.

– Да она целый час сидела в темноте, какие занятия? Ты мать, хоть поинтересуйся, что у нее на душе.

– Папа, все в порядке, просто я задумалась, – прервала их перепалку Настя. – Над задачей. И действительно, шли бы вы оба из моей комнаты, не мешали.

Рассерженный отец поднялся и вышел, Галчонок последовала за ним. Настя осталась одна, и ей снова стало хорошо. Она уже привыкла к одиночеству и совсем не тяготилось им. Книги заменили ей людей, став ей настоящими друзьями. Перед ними не нужно было притворяться, оправдываться, – с ними можно было оставаться самой собой. Они уводили ее в иной мир – к чужим судьбам, которые порой оказывались еще труднее, чем ее собственная. Их герои по-разному реагировали на свои несчастья – некоторые ломались, сдаваясь обстоятельствам, другие, наоборот, боролись, – и Насте порой казалось, что только они понимают ее. «Сагу о Форсайтах» она проглотила за три вечера и по уши влюбилась в Ирэн. Она только не понимала, зачем та снова вышла замуж, если ей хватало денег, оставленных старым Форсайтом. Жила бы себе и жила в свое удовольствие, – так ведь нет, опять влипла. Зачем? Ведь мужчины так ужасны! Сомса Настя возненавидела всей душой. Правда, в одном она с ним соглашалась: что прекраснее всего природа, а в людях мало хорошего. Себя она отождествляла с Джун, так и не вышедшей замуж и посвятившей свою жизнь служению искусству.

Я тоже не выйду замуж, размышляла Настя, ни за что не выйду. Богатой мне не быть – и не надо. Буду учить детей, они лучше всех. Уеду в Питер, и, может быть, как-нибудь там устроюсь. Хоть дворником, ведь, говорят, дворникам дают жилье. Сначала окончу институт, потом поработаю дворником, чтобы получить квартиру, а затем попытаюсь устроиться в школу.

Но сколько ни избегала Настя встреч с одноклассниками, на консультацию в школу идти пришлось – там разъясняли правила поведения на экзаменах и требования к оформлению работ. Экзамены в этом году проводились вне школьных стен – в Центре тестирования при университете. На консультации Настя изо всех сил старалась держаться с одноклассниками приветливо, всем улыбалась и кивала, – но ребята все равно почувствовали ее отчуждение и потому не стали приставать с досужими разговорами и расспросами. Наталья демонстративно села за первую парту к Митьке, поэтому Настя сидела одна. Ей очень хотелось по окончании быстренько уйти, но ее задержала учительница.

– Ну, как ты, Снегирева? – сочувственно спросила Светлана. – Как самочувствие?

– Спасибо, все нормально, – сдержанно ответила девочка. – Можно, я пойду домой готовиться?

– А как ты сама считаешь, справишься? – не отставала учительница. – Может, тебе что-нибудь объяснить?

– Нет, не надо. Мне все понятно. Я по задачку Сканава все прорешала, и папа еще мне хорошие учебники принес.

– Ну, покажи, как ты решишь вот такое уравнение.

Задание было непростым, но Насте подобные уже встречались, и потому она справилась с ним быстро. Убедившись, что девочка выбрала для решения самый простой и верный способ, Светлана отпустила ее, пожелав ни пуха, ни пера.

Настя с облегчением покинула школьное здание. Ребята уже разошлись. Она поискала взглядом окна своего класса, пытаясь пробудить в себе хотя бы намек на ностальгию, но ничего не почувствовала. Я тут училась, подумала она, а теперь буду учиться в другом месте. Меня уже ничто здесь не держит, и ничего не жаль. И чего я, глупая, так переживала из-за этой школы?

Но на сердце у нее лежал камень. Свалившееся на нее несчастье пригасило огонек, согревавший ее все юные годы, покрыв его толстым слоем пепла, из-за чего окружающий мир стал серым и безрадостным. Она отвергла любовь – светоч жизни, особенно необходимый в юности, и теперь брела в темноте, самая не понимая этого.

Опустив голову, никого не замечая, она шла домой. Мир вокруг сиял всеми красками июня: оглушительно тренькали синицы на ветках орехового дерева, накрывшего пышной кроной почти половину их двора, благоухал жасмин, блестели на солнце листья ее любимой шелковицы, чьи ветки они с Наташкой так радостно объедали в прежние годы. Парень из соседнего подъезда ринулся было к ней с приветствием, но, взглянув на ее потухшее лицо, споткнулся и не решился окликнуть.

Дома, как всегда, никого не было. Родители, между которыми пробежала черная кошка, порознь ушли на работу. Настя заглянула в холодильник и долго стояла, пытаясь понять, зачем она его открыла. Наконец сообразила, что на полках пусто и следовало бы приготовить что-нибудь съестное. Но что? Макарон не хочется, пельмени делать долго. Можно сварить сосиски, но их уже ели утром. Куплю окорочка, решила она, и пожарю, а на закуску сделаю салат, – сколько можно держать родителей впроголодь. И, взяв сумку, отправилась за продуктами.

На обратном пути в подъезде она встретила с Натальей. Сдержанно поздоровавшись, Настя обогнула подругу и стала подниматься по лестнице, но та неожиданно схватила ее за руку.

– Нет, я так больше не могу! – закричала Наташка. – Настя, ну, пожалуйста, перестань! Я так по тебе скучаю! Давай будем как раньше?

– Как раньше? – задумчиво переспросила Настя. – Как раньше уже никогда не будет. Так чего ты хочешь?

– Хочу, чтоб ты перестала быть, как стеклянная. Чтоб ожила.

– Я и так живу. Наташа, завтра экзамен. Ты уже подготовилась? Я, например, собираюсь еще раз повторить геометрию.

– Плевать на экзамен! Как-нибудь напишу. Насть, ну пойдем ко мне, потреплемся.

– О чем? Опять о мальчишках? Мне это уже не интересно и интересоваться больше не будет.

– Как это «не будет»? Ты что, бабка сорокалетняя? И почему только о них? Мало что ли других тем? Ну, поспрашивай меня по математике, хоть формулы проверь, – знаю или не знаю. А вдруг я завтра напишу на пару.

– Папа сказал, если за год тройка, то в аттестат двойку не поставят, не переживай.

– Почему тройка? Светлана мне четыре за год поставила. Я годовую почти на пятак написала, только в чертеже напутала.

– Вот видишь. Прости, Наташа, но я пойду. Пусти меня.

– Не пуцу! Ну, пойдем, ко мне! Пожалуйста! – не отставала Наташка. – Или к тебе – как хочешь. Настя, ну не уходи!

И Настя нехотя согласилась. Впустила Наталью к себе, положила на сковородку окорочка и, прикрутив огонь, занялась с подругой алгеброй. Оказалось, что та довольно неплохо подкована: несложные примеры Наташка решала с лету. Правда, в синусах и косинусах путалась, как всегда. В этом месте у нее был безнадежный заскок еще с прежних времен, – сколько Настя с ней ни билась, запомнить тригонометрические функции Наташка так и не смогла. И что обидно: определения она декламировала без запинки, но как только дело доходило до конкретного треугольника, неизбежно ошибалась. Оставалось надеяться, что ей повезет: угадает ответ или такие примеры не попадутся.

– Все! Мне надоело, – наконец, заявила Наташка. – Как напишу, так напишу. Гори оно все синим пламенем! Давай лучше поболтаем, мы же столько не общались. Как ты жила все это время?

– Да никак, – призналась Настя. К удивлению она вдруг тоже захотела пооткровенничать с подругой. – Знаешь, как в поезде: все пронесется мимо, а я сижу и смотрю в окошко.

– Да, здорово тебя прихватило, – посочувствовала подруга. – Но знаешь, так убиваться из-за этих козлов правда не стоит. Наши на тебя даже сначала обиделись. А потом, когда

поняли, что с тобой что-то не так, жалеть стали. Но не знали, как к тебе подступиться, – ты же как стенкой от всех отгородилась.

– Дело не только в этом. Просто мне все стало противно, особенно мужчины. Видеть их не могу, всех вместе и каждого в отдельности.

– Тю, да ты что! За что – на всех? Нет, Настя, тебе точно надо к доктору.

– Может, и надо. Ладно, давай о чем-нибудь другом поговорим. Как ты насчет лица, не передумала?

– Знаешь, когда ты так стала ко мне относиться, я засомневалась. Я же из-за тебя туда собралась – сам по себе мне этот лицей до лампочки. Думала, чего мне там делать, если ты от меня отвернулась? Но потом Никита с Вадимом уговорили не отступать. Мол, все равно образование надо получать, так лучше настоящее, фундаментальное.

Вадим. Нет, при этом имени прежняя радость не шелохнулась в Настинной душе – но и недавнего отторжения тоже не вызвало. Будто далекий колокольчик напомнил о себе тихим звоном. И Наталья, внимательно следившая за выражением ее лица, вдруг притихла.

Они недолго помолчали. Потом Настя решила:

– Как его брат?

– Плохо. Их отец приехал. Ему отпуск дали на месяц. Но только... врачи говорят, столько не понадобится, все кончится раньше. Дениска давно уже без сознания. Все бредит: «Колеса! Колеса!» Колеса ему мерещатся, будто наезжают на него. В общем, полный мрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.